

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухунги Г.Т. — д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук**

В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** — д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** — д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2017. — № 4. — 178 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MRSU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chief of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2017. – № 4. – 178 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2017.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2017.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ

Волобуев О.В. 1917 ГОД В РОССИИ: ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА 6

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Смоленский Н.И., Песоцкий В.А., Алпатова Т.А., Халикова Н.В., Леденева В.В., Ларионов А.Э., Багдасарян В.Э., Бруз В.В. ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНОЕ И НАУЧНОЕ (НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ) ПОСТИЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ (КРУГЛЫЙ СТОЛ) 14

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Иванушкин А.С. СУЭЦКИЙ И СИРИЙСКИЙ КРИЗИСЫ (1956–1957 гг.) В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 68

Всеобщая история

Барбашов А.А. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЭГЕИДЫ, ЕГИПТА И ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА В XVI–XIV ВВ. ДО Н. Э. 77

Гаврилов А.Ю. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ И МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА, КОНТРОЛЯ И ТЕРРОРА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ГЕРМАНИИ (1933–1934 ГГ.) 86

Краюхин И.С. ДЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ В ПЕРИОД ПЕРВОГО КАБИНЕТА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР: 1979–1983 ГГ. 93

Свидерский А.А. ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА США БИЛЛА КЛИНТОНА В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 99

Отечественная история

Горлов В.Н. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДВОРЫ МОСКВЫ КАК ОСОБАЯ МОСКОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ 108

Соловьев Р.А. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В 1953–1964 ГГ. 114

Горлова Н.И. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА БАЗЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ 124

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Ушурелу О.В. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-МОЛДАВСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ 132

Мирзаханов Д.Г. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ИСЛАМСКИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ 143

Аминов И.Р. КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПОТОКОВОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА 155

Поняев И.М. К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 161

Ефанова Е.В., Самолазова А.Е. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЁЖИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ 169

CONTENTS

ON THE OCCASION OF THE CENTENARY OF THE 1917 REVOLUTION

O. Volobuev. 1917 IN RUSSIA: CHRONICLE OF THE REVOLUTIONARY PROCESS 6

ROUND TABLE

N. Smolensky, V. Pesotsky, T. Alpatova, N. Khalikova, V. Ledeneva, A. Larionov, V. Bagdasaryan, V. Brus.
ARTISTIC CREATIVE AND SCIENTIFIC (SCIENTIFIC AND HISTORICAL) UNDERSTANDING OF REALITY:
THE PROBLEM OF CORRELATION (ROUND TABLE) 14

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

A. Ivanoushkin. SUEZ AND SYRIAN CRISES OF 1956–1957 IN SOVIET HISTORIOGRAPHY 68

General History

A. Barbashov. ECONOMIC TIES OF EGYPT, AEGEAN AND THE NEAR EAST IN THE XVI–XIV BC. 77

A. Gavrilov. FORMATION OF THE SYSTEM AND MECHANISMS OF POLITICAL INVESTIGATION,
CONTROL AND TERROR IN THE EARLY NAZI GEGIME
IN GERMANY (1933–1934) 86

I. Krayukhin. DEVOLUTION AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF NORTHERN IRELAND
IN THE PERIOD OF THE FIRST THATCHER'S CABINET: 1979–1983 93

A. Sviderskiy. THE POLICY OF THE US PRESIDENT BILL CLINTON'S ADMINISTRATION TOWARDS THE
RUSSIAN FEDERATION 99

Native History

V. Gorlov. POSTWAR MOSCOW YARDS AS A SPECIAL MOSCOW COMMUNITY 108

R. Solovyev. BACKGROUND REFORM OF THE ARMED FORCES OF THE USSR IN 1953–1964 114

N. Gorlova. ORGANIZATION OF VOLUNTEER MOVEMENT ON THE BASIS OF RUSSIAN HIGHER
EDUCATIONAL INSTITUTIONS: TRENDS AND PRIORITIES OF DEVELOPMENT 124

SECTION II POLITOLOGY

O. Ushurelu. FEATURES OF CONTEMPORARY RUSSIAN-MOLDOVIAN RELATIONS
IN THE HUMANITARIAN FIELD 132

D. Mirzakhonov. UNDERSTANDING THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF ISLAMIC SOCIAL
AND POLITICAL SUB-SYSTEMS 143

I. Aminov. CLUSTER ANALYSIS OF THE STREAMING SPACE OF THE REGION 155

I. Ponyaev. ON THE PERSPECTIVES OF CREATING A UNIFIED THEORY OF CONFLICT IN MODERN
RUSSIAN POLITICAL SCIENCE LITERATURE 161

E. Efanova, A. Samolazova. ELECTORAL CHOICE OF YOUTH: FORMATION FACTORS, BEHAVIOURAL
FEATURES 169

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

УДК 94(470)''1917''

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-6-13

1917 ГОД В РОССИИ: ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Волобуев О.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация

Аннотация. Данная хроника является продолжением публикации, помещенной во № 2 «Вестника Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки». Хроника отражает развитие революционного процесса в течение мая – августа 1917 г. Публикация включает также краткое введение к хронике этих четырех революционных месяцев.

Ключевые слова: коалиционное правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов, политические партии, армия, солдаты и матросы, манифестации.

1917 IN RUSSIA: CHRONICLE OF THE REVOLUTIONARY PROCESS

O. Volobuev

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. This chronicle is the continuation of the publication, placed in No. 2 of the Bulletin of MGOU. Series: History and Political Science. The chronicle reflects the development of the revolutionary process during May-August 1917. The publication also includes a brief introduction to the chronicle of these four revolutionary months.

Key words: coalition government, Soviets of workers and soldiers' deputies, political parties, army, soldiers and sailors, demonstrations.

Представленные в хронике месяцы май-август показательны как отражение трансформации революционного процесса: происходит рывками переброска революционной волны из демократического русла в социалистическую стремнину. Кризисы власти и манифестации солдат, матросов, рабочих фиксируют изменение русла и вектора революционного процесса. Меняются и лозунги: от «Война до победного конца» до «Долой войну», от «Вся власть Учредительному собранию» до «Вся власть Советам», от «Вернуть Ленина Вильгельму» до «Долой министров-капиталистов» и т. д.

© Волобуев О.В., 2017.

Представление о революционных процессах дает построение хронологических рядов. Для примера составим самый простенький хронологический ряд смены главнокомандующих русской армии на протяжении временно-го отрезка от марта до ноября 1917 г.:

генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев (2 марта 1917 – 21 мая 1917);

генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов (22 мая 1917 – 19 июля 1917);

генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов (19 июля 1917 – 27 августа 1917);

министр-председатель Временного правительства Александр Фёдорович Керенский (30 августа 1917 – 3 ноября 1917);

генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин (3 ноября 1917 – 20 ноября 1917) (исполняющий обязанности).

Не будем считать Н.Н. Духонина, назначение которого на пост и гибель от рук матросов приходится на революционные ноябрьские дни. Без него речь идет о 8 месяцах 1917 г., в течение которых армию возглавляли четыре человека, в среднем каждые два месяца менялся главнокомандующий. Понятно, что дело не в бездарности трех генералов (их заслуги в годы Первой мировой войны достаточно известны), а в особенностях складывающегося процесса разложения армии. М.В. Алексеев смещен с должности после того, как в телеграмме военному министру А.Ф. Керенскому от 21 мая потребовал восстановить деятельность военных судов с обязательным исполнением их приговоров, а также приступить к формированию ненадежных полков.

А.А. Брусилов был смещен с должности после того, как запретил в армии проведение собраний и митингов и обратился к военному министру с требованием введения в условиях войны смертной казни, считая, что только эта крайняя мера спасет армию от полного разложения. Л.Г. Корнилов был арестован после попытки вооруженного выступления с целью восстановления дисциплинарной власти командиров и временного установления по существу военной диктатуры. Показательно, что после отстранения Корнилова с поста Верховного главнокомандующего от этой должности отказались генералы А.С. Лукомский и В.Н. Клембовский. Заметим, что последний военный министр А.И. Верховский предложил программу коренного реформирования армии и сокращения ее на треть. Накануне большевистского Октябрьского восстания подали в отставку А.И. Верховский и последний морской министр контр-адмирал Д.Н. Вердеревский, считавшие, что для России необходим выход из войны.

По такому образцу можно построить любые хронологические ряды в зависимости от того, какие научные или учебные цели ставит ученый или преподаватель. Но каждый такой ряд нуждается в анализе и осмыслении. Примером подобной исследовательской работы могут служить «Хронологические выписки» К. Маркса. Видный российский историк Б.Ф. Поршнев отмечал, что «совершенно непростительно как-либо преуменьшать творческую сторону в “Хронологических выписках”». Делая их, Маркс, подчеркивал Поршнев, «искусно выделяет» основные факты «на сухой канве исторической хронологии». Внимание

мыслителя привлекают три сквозные линии европейской истории: «1) развитие денежных связей, в том числе глубочайшее проникновение ростовщического капитала во все поры феодального общества; 2) нарастающее обострение классовой борьбы, размах народных движений; 3) постепенное формирование европейских национальных государств в борьбе с частью феодалов, особенно интенсивное во второй половине XV в.» [1, с. 408].

В хронике 1917 г. можно выделить следующие смысловые линии: кризисное состояние Временного правительства, активизация и организация радикально-революционных сил, нарастание антивоенных настроений и разложение армии, в первую очередь её тыловых частей.

В предыдущей публикации нашей Хроники приводилась литература по данной тематике. В настоящее время к услугам пользователя в Интернете размещены «календари событий 1917 года». Укажем для ориентации один из них, подготовленный сотрудниками Государственной публичной исторической библиотеки России и размещенный на её официальном сайте.

МАЙ

1(14) мая

– Согласие Петросовета РСД на вхождение его представителей в коалиционное правительство;

Открытие Всероссийского съезда мусульман (1 – 11 мая), принявшего решения о мире без аннексий и контрибуций, передаче земли в руки народа, равноправии женщин и мужчин и др.

2 (15) мая

– Отставка П.Н. Милюкова с поста главы МИДа.

4 (17) мая

– Возвращение из эмиграции Л.Д. Троцкого.

4(17) – 28 мая (10 июня)

– I-ый Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Выказался за передачу помещичьей земли крестьянам, поддержал Временное правительство и продолжение войны.

5 (18) мая

– Сформировано коалиционное Временное правительство, возглавленное князем Г.Е. Львовым. Кроме А.Ф. Керенского, от социалистов в него вошли эсер В.М. Чернов, меньшевики И.Г. Церетели и М.И. Скобелев.

6 (19) мая

– Приказ № 1 Керенского в ранге военного министра: запрет подачи прошений об отставке высшему командному составу и возвращение дезертиров под угрозой наказания «по всей строгости».

7–12 (20–25) мая

Общероссийская конференция РСДРП (меньшевиков). Раскол на оборонцев и интернационалистов. Избран Организационный комитет по подготовке объединения рядов РСДРП, из видных меньшевиков в него вошли Аксельрод и Дан.

17 (30) мая

– Совет рабочих и солдатских депутатов Кронштадта принял решение взять в свои руки фактическую власть и управление городом-крепостью.

21 мая (3 июня)

– Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев потребовал от Временного правительства восстановить дисциплину в армии.

22 мая (4 июня)

– Назначен новый Верховный главнокомандующий – генерал А.А. Брусилов.

25 мая – 4 июня (7–28 июня)

– Третий съезд Партии социалстов-революционеров. Съезд поддержал политику Временного правительства. Сформировалось левое течение эсеровского движения.

26 мая (8 июня)

– Образовано Донское войсковое правительство во главе с генералом А.М. Калединым.

30 мая (12 июня)

– Первая конференция заводских комитетов Петрограда приняла большевистские лозунги.

ИЮНЬ**3 (16) – 24 июня (7 июля)**

– I Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (1090 делегатов). Преобладают эсеры, большевиков 1/8 от числа всех делегатов. Председателем ВЦИК избран Н.С. Чхеидзе. Съезд поддержал Временное правительство.

4 (17) июня

– Демонстрация кронштадтских матросов на Марсовом поле в Петрограде под лозунгами большевиков.

10 (23) июня

– Первый Универсал (Основной закон) Центральной Рады о провозглашении автономии Украины (вопреки позиции Временного правительства) и создании Генерального секретариата (правительства) во главе с социалистом В.К. Винниченко.

11 (24) июня

– Волнения матросов Черноморского флота в Севастополе.

12 (25) июня

– установлен чрезвычайный подоходный налог с граждан России.

18 июня (1 июля)

– массовая демонстрация в Петрограде на Марсовом поле в память о жертвах революции под лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Советам!»

– Начало кратковременного наступления русских войск на фронтах (так называемое «наступление Керенского»). Провалилось из-за катастрофического падения дисциплины. С 18 июня по 6 июля (1-19 июля) потери русских военных сил составили 6905 убитых; 36240 раненых; 1179 отравленных газами; 5653 пропавших без вести; 3860 дезертиров.

19 июня (2 июля)

– По предложению военнослужащей Марии Бочкаревой сформированы женские «батальоны смерти», куда вошли более 3 тысяч женщин.

– Генерал А.М. Каледин избран атаманом Войска Донского.

– Аресты анархо-коммунистов, насильственно освободивших из тюрем своих соратников, вызвали в Петрограде и Кронштадте волнения.

30 июня (13 июля)

– Керенский и еще два министра подписали в Киеве протокол о признании Рады, вызвав возмущение Временного правительства, не дававшего им таких полномочий. Министерский кризис первого коалиционного правительства.

ИЮЛЬ**1 (14) июля**

– В России вслед за странами Западной Европы впервые перешли на летнее время.

2 (15) июля

– Отставка министров-кадетов Временного правительства, выступивших против признания автономии Украины.

3-4 (16-17) июля

– Вооружённая демонстрация солдат, матросов и рабочих против политики Временного правительства при участии большевиков и вопреки Петросовету. Расстрел демонстрации войсками, верными правительству.

6 (19) июля

– Временное правительство совместно с ЦИК Петросовета создали комиссию для водворения порядка в Петрограде.

6-17 (19-30) июля

– Отступление русских войск на Юго-западном фронте. Австро-германские войска занимают Тернополь.

7 (20) июля

– Указ Временного правительства о назначении Керенского председателем правительства вместо князя Львова.

8 (21) июля

– Приказ по армии Керенского о восстановлении в войсках дисциплины и наказании за разложение армии, как за «государственную измену».

– Постановление Временного правительства об аресте и предании суду большевиков – Ленина, Зиновьева, Каменева – как организаторов июльского восстания.

12 (25) июля

– Постановление Временного правительства о восстановлении смертной казни на время войны для военнослужащих (provokatorov, дезертиров и т.п.). Принято по требованию командующего Юго-западным фронтом Л.Г. Корнилова.

17 (30) – 26 (8 августа) июля

– 1-ый Всероссийский мусульманский военный съезд в Казани.

18 (31) июля

– Временное правительство объявило о роспуске сейма Финляндии, провозгласившего независимость страны.

– Назначение генерала Корнилова Верховным главнокомандующим русской армии вместо генерала Брусилова.

21 июля (3 августа)

– Постановление Временного правительства о лишении бывших жандармов и агентов охранки права занимать выборные должности в войсковых организациях.

– Русские войска вновь заняли Черновцы.

23-28 июля (5-10 августа)

– IX съезд партии кадетов в Москве и Петрограде одобрил коалицию с со-

циалистическими партиями при условии их отказа от правительственной социалистической программы.

24 июля (6 августа)

– Образование второго коалиционного Временного правительства во главе с Керенским. Большинство министерских постов заняли социалисты.

26 июля – 3 (8–16) августа

– VI съезд РСДРП (б) прошел полуполюгально и утвердил курс на вооруженный захват власти. Избран ЦК во главе с Лениным. В партию принята Межрайонная социал-демократическая организация («межрайонцы») вместе с Троцким.

27 июля (9 августа)

– Постановление Временного правительства о свободе совести.

АВГУСТ

1 (14) августа

– Отъезд-высылка бывшего императора с семьей из Петрограда в Тобольск.

3 (16) август

– Завершился VI съезд РСДРП (б). Сорготчетом выступал Яков Свердлов. Он сообщил, что число членов партии выросло с 80 тысяч до 240 тысяч человек. Партия имела 41 газету с ежедневным тиражом в 320 тысяч экземпляров. При выборах в ЦК наибольшее число голосов из 134 возможных получили Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев. В состав ЦК избран и Сталин.

– II Всероссийский торгово-промышленный съезд призвал Временное правительство ликвидировать Советы.

8 (21) августа

– По инициативе П.П. Рябушинского и др. в Москве открылось Сопещение общественных деятелей. Оно осудило политику социалистических партий, продемонстрировало солидарность с генералом Корниловым.

12–15 (25–28) августа

– Государственное совещание в Москве. Присутствовало 2000 делегатов. Торжественная встреча была устроена приехавшему на него генералу Корнилову.

15 (28) августа

– Открылся Поместный собор Русской православной церкви в Успенском соборе Кремля в Москве.

19 (1 сентября) августа

– Объединительный съезд РСДРП (меньшевиков) с целью воссоздания РСДРП. Последний всплеск объединительных иллюзий.

21 (3 сентября) августа

– Русские войска оставили Ригу и Усть-Двинск и отошли к Вендену. Потери составили 25 000 человек.

22 августа (4 сентября)

– На заседании Исполкома Совета крестьянских депутатов сообщается, что по сведениям главного земельного комитета с 1 марта по 25 июля произошло 1777 случаев аграрных волнений.

25–31 августа (7–13 сентября)

– По России насчитывается до 600 Советов.

– Попытка Верховного главнокомандующего генерала Корнилова занять столицу, обезоружить гарнизон

и рабочих, разогнать Советы. В Петроград им направлен 3-ий кавалерийский корпус генерала А.М. Крымова, в состав которого входила Дикая дивизия (Кавказская туземная).

27 (9 сентября) августа

– А.Ф. Керенский издал указ о смещении Корнилова с поста Верховного главнокомандующего; отказ Корнилова сдать должность. Назначение Савинкова военным губернатором Петрограда.

– Временным правительством принято решение о создании Директории из 5 лиц, наделенных всей полнотой государственной власти. Уход из правительства кадетов в ответ на требование Керенского о предоставлении ему диктаторских полномочий.

28 (10 сентября) августа

– Обращение Корнилова к населению страны о том, что «Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генштаба».

29 (11 сентября) августа

– Телеграфное распоряжение Ке-

ренского, запрещающее передавать телеграммы в ставку Корнилова и требующее не выполнять его приказаний.

– Публикация в газетах обращения военного губернатора Петрограда и и.о. командующего войсками Петроградского военного округа Б.В. Савинкова с осуждением «мятежа» Корнилова.

– Вдвое увеличены твердые цены на хлеб. Хлебный паек в Москве сокращается до ½ фунта.

30 (12 сентября) августа

– Временное правительство назначило Керенского Верховным главнокомандующим. Начальником штаба верховного главнокомандующего стал генерал Алексеев. Савинков ушел в отставку со всех постов.

31 августа – 1 сентября (13–14 сентября)

– После встречи с Керенским генерал Крымов в связи с неудачным походом на Петроград покончил жизнь самоубийством.

– Резолюция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с осуждением политики Временного правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поршнев Б.Ф. Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками» // Маркс – историк: сб. ст. М., 1968. С. 404–432.

REFERENCES

1. Porshnev B.F. Istoricheskie interesy Marksa v poslednie gody zhizni i rabota nad «Khronologicheskimi vypiskami» [Marx's historical interests in his last years of life and his work at "Chronological statements"]. Marks – istorik [Marx – a historian]. M., Nauka, 1968, pp. 404–432.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University ;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О.В. 1917 год в России: хроника революционного процесса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-6-13

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

O. Volobuev. 1917 in Russia: chronicle of the revolutionary process. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-6-13

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 001.891: 378; 82-1/-9:94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-14-67

ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНОЕ И НАУЧНОЕ (НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ) ПОСТИЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Смоленский Н.И., Песоцкий В.А., Алпатова Т.А., Халикова Н.В., Леденева В.В., Ларионов А.Э., Багдасарян В.Э., Бруз В.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация

Аннотация. Круглый стол, прошедший в Московском государственном областном университете, посвящён анализу соотношения художественно-образного и научного (научно-исторического) постижения действительности. Об актуальности этой проблемы говорит не только время её постановки, но и постоянное обращение к ней в научных исследованиях XIX–XXI вв. Конечной целью анализа данной проблемы является формирование научно обоснованных представлений о роли и месте средств и способов художественного осмысления действительности в научно-исследовательской работе историка на уровне не теоретико-методологических представлений, а конкретно-исторического анализа. В связи с этим одной из основ обсуждения проблематики круглого стола является обращение к текстам работ конкретно-исторического характера, хотя это не единственный источник анализа в целом.

Ключевые слова: научное понятие, художественный образ, истина, поэтика повествования, историзм.

ARTISTIC CREATIVE AND SCIENTIFIC (SCIENTIFIC AND HISTORICAL) UNDERSTANDING OF REALITY: THE PROBLEM OF CORRELATION (ROUND TABLE)

N. Smolensky, V. Pesotsky, T. Alpatova, N. Khalikova, V. Ledeneva, A. Larionov, V. Bagdasaryan, V. Brus

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. The round table which took place in Moscow Region State University was dedicated to the analysis of correlation between the artistic exploration and scientific (scientific and historical) understanding of reality. The relevance of this problem is proved not only by the time of its appear-

© Смоленский Н.И., Песоцкий В.А., Алпатова Т.А., Халикова Н.В., Леденева В.В., Ларионов А.Э., Багдасарян В.Э., Бруз В.В., 2017.

ance, but also by constant referring to it in the scientific research of 19-21 centuries. The ultimate goal of analyzing this problem is the formation of science-based ideas about the role and place of the means and methods of artistic reflection of reality in the research work of a historian not only at the level of theoretical and methodological ideas, but specifically historical analysis. In this regard, one of the foundations of the roundtable discussion is to appeal to the texts of the works which have a specific historical nature, although it is not the only source of analysis on the whole.

Key words: the scientific notion, artistic image, truth, poetics of storytelling, historicism.

Н.И. Смоленский

Вступительное слово

Значимость и актуальность темы круглого стола – не только во времени её постановки, но и в сохранении устойчивого научного интереса к ней и растущей новизне её трактовок с развитием познания. Солидным подтверждением актуальности этой проблемы и научного уровня ее трактовки выступает в данном случае то, что тематика докладов у части участников круглого стола является составной частью их научных исследований, в том числе на уровне докторских диссертаций. Таковы выступления Т.А. Алпатовой, Н.В. Халиковой, В.В. Леденевой.

Постановка проблемы в рамках круглого стола дана преимущественно в традиционном варианте понимания соотношения образно-художественного и научного подходов к постижению действительности; традиционность – в опоре мышления на некий общий смысл понятия науки. Этот подход к анализу проблемы, при всей его распространённости, игнорирует то, чем определяется научный статус каждой конкретной области познания – её предмет. Именно этим определяется характер научного мышления в каждом случае, независимо от того, о какой дисциплине идёт речь – физике, химии, биологии, истории и т.д. Суще-

ность и своеобразие предмета исторической науки определяет во всем объёме механизм ее научно-исторического мышления – язык историка в целом, категориальный аппарат, методы и принципы исследования и т.д. Отсюда с неизбежностью встаёт вопрос и о характере и своеобразии соотношения научно-исторического и образно-художественного постижения действительности. В проблематику круглого стола в качестве её аспекта введена постановка проблемы соотношения научно-исторического и образно-художественного, хотя она не может быть вполне решена в рамках этого круглого стола и требует дальнейшей разработки. Проблема вида философы, как интеграции философского знания и художественно-образного постижения действительности, как и проблема варианта интеграции философии и научно-исторического познания, нуждается также в дополнительном и специальном философском осмыслении.

В.А. Песоцкий

Философема как методологический инструмент понятийно-образного познания

Вторая половина XX и начало XXI в. ознаменованы новыми представлениями о соотношении составляющих элементов картины мира — мифоло-

гии, искусства и науки. В связи с этим характерной чертой данного периода выступило сближение художественного и философского познания мира. В исследованиях данного периода развития философского знания отмечается, что философия, если взять её в самом общем виде, как теорию духовного освоения мира, т.е. теоретическую форму самопознания человека и мира — формирует не просто знание о мире, а знание *человеческих смыслов, значений и ценностей*. Учитывая, что современная постклассическая философия (здесь и далее мы понимаем философию как научную философию) исходит из того, что бытие не статично, не стабильно, а находится в постоянном становлении, а у мироздания нет *изначальных смыслов*, следует признать одним из онтологических оснований такого мироздания процесс *смыслопорождения*. В этой связи становится понятным стремление к расширенной рациональности, которое осознанно предполагает использование на разных уровнях (в том числе на чувственном, ценностном и др.) различных приемов освоения объекта.

Изменения на эпистемологическом уровне обусловили формирование новых подходов к проблеме методологии познания, что, в свою очередь, вызвало проявление тенденции интеграции в современных парадигмах познания научных и ненаучных подходов. Возникла проблема создания целостного творческого мировоззрения, которая стимулировала более системное всестороннее изучение процессов формирования и осмысления художественного мировоззрения, стремящегося стать неотъемлемой частью указанной парадигмы. Данная про-

блема обусловлена также надеждой на то, что неполнота рационального знания о мире сможет в определенной степени компенсироваться многообразием дополнительных языков описания, включенных в процесс познания, одним из которых является художественный (образный).

Взаимосвязь художественного и философского мировидения, их взаимообусловленность, интеграция и взаимодействие — один из отличительных признаков нашего времени. Многие исследователи считают, что сегодня *вполне обоснованно ставится задача возрождения и обогащения методологии гуманитарного знания*. Ее разработка и решение необходимы как для дальнейшего развития философской науки, так и для расширения методологических возможностей естественных наук, так как проблемы современного, а главное, постсовременного мира требуют для своего осмысления принципиально новых подходов. Конечно, это ни в коем случае не умаляет значения и действенности существующей парадигмы, которая неоднократно подтверждала свою эффективность на практике. Но нельзя не учитывать и тенденций сегодняшнего дня. В постмодернистской художественной практике, например, наиболее отчетливо заявившей о себе во второй половине XX и начале XXI вв., по мнению исследователей [9; 19; 21, с. 33–35; 21; 37, с. 8–36; 55; 56; 67; 68], как раз и содержится та методология (или ее фрагменты), применение которой, в совокупности с апробированными методологическими средствами, оказывается продуктивным не только в новейшем искусстве, но и в философии.

В содержании философии и художественной литературы присутствует много общих элементов. Их наличие позволяет предположить, что есть достаточное основание: во-первых, для научного анализа философской составляющей художественной литературы; во-вторых, для комплексного изучения проблем, представляющих для них взаимный интерес, а также для исследования динамики и характера их взаимодействия.

Как известно, под *взаимодействием* в философской литературе понимается существование в единстве отграниченных друг от друга, качественно отличающихся явлений, факт их одновременного непосредственного воздействия друг на друга. Исходя из этого, применительно к предмету нашего анализа, можно предположить, что такое воздействие определенным образом структурировано. На наш взгляд, одним из наиболее продуктивных видов данного взаимодействия является *философема*.

Понятие «философема» было введено в язык философии Аристотелем в его трактате «Первая аналитика» в значении нормы корректного (правильного, логического) рассуждения [3]. Аристотелевское понимание термина «философема» длительное время сохранялось без принципиальных изменений. С достаточной степенью определенности можно предположить, что существенные трансформации данное понятие начало претерпевать в Новое время. В указанный период, как известно, начался активный процесс формирования науки. Данный процесс был обусловлен рефлексией наук, определением и обоснованием их предметности и сопровождался их активной дифференциацией.

Следует отметить, что *философема* осознанно или не осознанно конструировалась в различных областях *нефилософского знания*, не выступая при этом сама в качестве объекта исследования. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Несмотря на то, что названное понятие достаточно активно используется в современной философской литературе (особенно, начиная со второй половины XX в.), незаслуженно равнодушное, на наш взгляд, отношение к нему, как к объекту исследования, остается.

Известный исследователь философского познания В.С. Степин [76], обращаясь к термину «философема», в частности, отмечал, что сложный процесс философской экспликации универсалий культуры в первичных формах может осуществляться не только в сфере профессиональной философской деятельности, но и в других сферах духовного освоения мира. Литература, искусство, художественная критика, политическое и правовое сознание, обыденное мышление, сталкивающиеся с проблемными ситуациями мировоззренческого масштаба, — все это области, в которые может быть включена философская рефлексия и в которых могут возникать *в первичной форме философские экспликации универсалий культуры, которые он определял как философемы*. В принципе, на этой основе могут развиваться и достаточно сложные и оригинальные комплексы философских идей. По утверждению В.С. Степина, *на основе философем философия затем вырабатывает более строгий понятийный аппарат, где категории уже определяются в своих наиболее общих и существенных признаках*.

Для более строгого определения данного понятия, следуя логике социально-философского анализа, выделим основные *содержательно-сущностные признаки, которые, на наш взгляд, его характеризуют.*

Во-первых, *философема – это результат интеграции философского и нефилософского знания.* Как правило, если данная интеграция осуществляется в научных нефилософских разработках, она носит осознанный характер и преследует определённые цели в рамках конкретного исследования, достижение которых требует привлечения философского знания. Если же философема формируется в других областях духовной практики, интеграция с философским знанием может носить неосознанный характер.

Философемы, как правило, *представлены в текстах по своему основному содержанию не философских, а затем уже становятся объектом философских исследований.* Однако данный подход не исключает и другой вариант, когда происходит заимствование идеи из философских произведений и развитие ее художественными или другими гносеологическими средствами с последующим возвращением в измененном и обогащенном виде в лоно философского знания. Так, например, произошло с идеями, связанными с осмыслением экологической среды, высказанными натурфилософами на заре формирования философской науки, творчески развитыми выдающимся русским учёным В.И. Вернадским (хотя в своих исследованиях он и не обращался к их теоретическому наследию) и вновь вернувшимися в систему философского знания. Безусловно, мы не утвержда-

ем, что данные идеи на определенное время ушли из зоны внимания философских наук. Но следует признать, что работы В.И. Вернадского, содержащие фрагменты философского знания, которые получили дополнительное осмысление в произведениях известного учёного и писателя И.А. Ефремова (разработал и внес на суд общественного сознания этическую основу ноосферной концепции), принципиально обогатили их содержание и актуализировали их для дальнейшей разработки.

Во-вторых, *генетически философема возникает в том случае, когда решаемый нефилософским знанием вопрос или исследуемая проблема носят выраженный мировоззренческий характер (имеет мировоззренческий масштаб),* а это значит, что ее познание не ограничивается возможностями и интересами какой либо конкретной науки.

В связи с этим формирование философом обуславливается, по нашему мнению, рядом причин, связанных с потребностью социума в философском осмыслении изменений, происходящих в объективной реальности, и сложностью и противоречивостью самого процесса познания. Среди данных причин, как мы полагаем, следует выделить, помимо уже рассмотренных нами, также и тот факт, что *в рамках философского знания (и за его пределами) существует целый ряд так называемых «вечных» проблем,* которые возникают и существуют на протяжении всей истории человечества, и, естественно, имеют выраженный мировоззренческий характер. Они получают то или иное осмысление и разрешение в различных областях духовной практики, а также в произведениях отдельных мыслителей, с применением

различных методологических средств, присущих указанным областям, включая и философскую методологию. В этом плане особо можно выделить проблему войны и мира, связанную, в частности, с разработкой военной теории и концепции самой войны как социального явления, которой занимается военная наука.

Исходя из исторического опыта, учитывая современную действительность и прогнозируя перспективу ее развития, эту проблему можно с полным основанием отнести к «вечным проблемам». Военная наука представляет собой синтетическое знание, а война – это сложное, подвижное социальное явление, требующее глубокого философского осмысления, в военном познании формируется значительное количество философем, конструктивно влияющих на развитие военной науки.

В-третьих, *онтологически* философема является *фрагментом философской картины мира*. Материалистическая концепция философской картины мира полагает бытие в качестве её системообразующего признака. Следует признать, что данное суждение, как правило, поддерживается и большинством представителей философских школ других направлений. Известный философ, представитель немецкой классики Ф. Шеллинг, например, писал по этому поводу: «Основная задача каждой философии заключается в решении проблемы наличного бытия мира. Решением этой проблемы занимались все философы, как бы различно они не формулировали саму проблему» [86, с. 64].

Исходя из данного суждения, правомерно предположить, что *филосо-*

фема может формироваться в процессе познания любой формы бытия и различаться по разным основаниям, в зависимости от проблематики, уровня теоретизации, места в системе философского (научного) знания и других признаков.

В-четвертых, *гносеологически* философема – это знание, полученное с применением (осознанным или неосознанным) элементов философской методологии. Вместе с тем иногда ее формирование предполагает единство обыденного и научного знания.

В-пятых, *философема присутствует и в собственно философском знании*. Это одна из форм философского знания, готовящих возникновение понятий, законов, принципов и концепций философии. В этом качестве философема возникает, как правило, на стадии формирования гипотезы. В ходе доказательства (опровержения) данной гипотезы идёт процесс её философской рефлексии, экспликации представленного в ней понятийного аппарата до уровня философских категорий.

В-шестых, *исторически* философема – это *философская мысль в стадии своего развития*. В истории философии она особенно ярко проявляет себя в «протофилософии» и в эпоху становления философской науки. Её развитие в данный период обусловлено, прежде всего, отсутствием необходимого объема натурфилософских построений.

В-седьмых, *философема не является классической формой науки, и не является только философским знанием*. Но на её основе философия вырабатывает строгий понятийный аппарат, характерный для области знания, где она сформировалась. В этом качестве фи-

лософема выполняет функцию связующего звена во взаимодействии с нефилософскими науками. Однако, даже философемы теоретического уровня, представленные в форме концепции или теории (например философские концепции В.И. Вернадского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др.), для превращения в собственно философское знание нуждаются в последующем философском осмыслении.

В-восьмых, *большинство философем не представляют собой систематизированного знания*, а следовательно, имеют фрагментарный характер (исключение составляют философские концепции и теории, указанные выше). В одном произведении, относящемся к любому из известных видов познания, может быть представлено несколько напрямую не связанных между собой философем. В то же время одна философема может объединять несколько произведений.

В-девятых, *философема является мощным популяризатором философских (научных) знаний*.

Таким образом, философема – это форма философского знания, сочетающая в себе обыденный и научный уровни отражения действительности, носящая гипотетический характер, осмысливающая природу, общество и сознание в единстве, но не на уровне их содержательно-сущностных признаков, являющаяся основанием для определения философских категорий, законов, принципов, научных концепций [63].

Философема, как правило, не представляет собой систематизированного знания и для трансформации в собственно философское знание нуждается в дополнительном философском

осмыслении (философской экспликации).

Разработка понятия «философема» в современных условиях развития философской гносеологии, характеризующихся нарастанием интеграции философии с другими социально-гуманитарными науками и областями духовной практики, на наш взгляд, представляет значительный познавательный интерес, который обусловливается следующими факторами:

1. Философема *расширяет диапазон философского познания*, обеспечивая включение философской рефлексии в решении проблем мировоззренческого масштаба, возникающих в нефилософском знании. На её основе в дальнейшем могут развиваться достаточно сложные и оригинальные комплексы философских идей.

2. Философема *выступает связующим звеном философии и других областей знания*, обеспечивая гуманизацию нефилософского знания и присутствие в нём философской методологии (включение её в общенаучную парадигму).

3. На основе философем философия *вырабатывает строгий понятийный аппарат*, который впоследствии используется как самой философией, так и нефилософскими науками.

4. В собственно философском познании философема *формируется на стадии выдвижения гипотезы* (в научной философии) и обеспечивает, с одной стороны, восполнение недостатков натурфилософских построений в конкретный период развития философского знания («протофилософия», период становления философии как науки), а с другой – обогащение философской науки теоретическими вы-

кладками и экспериментальными работами, осуществленными в сфере нефилософского знания.

5. Исследование философом позволяет оценить *уровень развития фило-софского знания в конкретный истори-ческий период*.

В нашем случае анализируется конкретный тип философом, представляющий собой определенный вид интеграции философского и литера-турно-художественного знания.

Т.А. Алпатова

**Художественный образ как
средство осмысления исторической
реальности: Французская
революция на страницах «Писем
русского путешественника»**

Н.М. Карамзина¹

Проблема осмысления истории в творчестве Н.М. Карамзина не раз была предметом интереса исследователей. При этом в центре внимания по справедливости чаще всего оказывалась «История государства российско-го», говоря о специфике исторического познания в которой и первые критики Карамзина, и позднейшие исследова-тели отмечали то важное значение, которое составляют в книге элементы художественного мышления Карам-зина-писателя [4; 22, с. 3–58; 26; 39; 53; 69, с. 189–205] и др. «Письма русского путешественника» рассматривались с этой точки зрения реже – возможно, потому, что их образная природа как путешествия «литературного» была более чем естественна, и поэтому вы-являть приходилось не столько «об-

разное», «художественное» начало в «историческом», сколько «историче-ское» в «художественном».

История составляет один из важ-нейших сюжетных планов «Писем...», причем для путешественника-пове-ствователя оказываются актуальны-ми несколько взаимосвязанных задач: представить конкретные исторические сведения о местах, которые он посеща-ет, связанные с ними исторические «воспоминания», а также раскрыть подлинно исторический масштаб со-бытий, совершающихся непосред-ственно на глазах современников. В этом смысле герой-повествователь «Писем...» – путешественник – не только «идеальный» чувствительный человек, но и «идеальный» исследова-тель исторических событий, способ-ный по-настоящему глубоко и вдум-чиво понимать историю, ищущий путь рассказа о ней. Представляя на швей-царских страницах «Писем...» встречу с философом Ш. Бонне и признаваясь в своем намерении перевести его кни-гу «Созерцатель природы», Карамзин ставит проблему идеального «зрите-ля» окружающего мира. В «историче-ском сюжете» «Писем...» этот мотив развивается, и, таким образом, в книге возникает своеобразный «созерцатель истории», сущность особого «зрения» которого и подвергается художествен-ному анализу. Именно поэтому одной из важнейших линий «исторического сюжета» Н.М. Карамзина представ-ляется поиск особой манеры познания / представления истории в повествова-нии, что по-своему делало «Письма...» необходимым звеном в движении ав-тора к его будущему главному истори-ческому труду – «Истории государства Российского».

¹ Работа выполнена по программе гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энци-клопедический словарь».

Предметом наблюдений в данной статье будут некоторые специфические черты изображения событий Французской революции в «Письмах...» с точки зрения того особого подхода, который позволял писателю, с одной стороны, осознать подлинно исторический масштаб ныне совершающихся событий, с другой же – найти некое связующее начало между скрытыми закономерностями совершающегося и движением повествования, которое призвано было эти закономерности раскрыть движением художественного образа истории.

Думается, в этом смысле карамзинский подход оказывался генетически связан с многочисленными опытами сопоставительной характеристики «истории» и «поэзии», восходящими еще к Аристотелю, высказавшему в «Поэтике» формулу такого взаимодействия: «...историк и поэт различаются <...> тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть» [3, с. 655]. Сделанный на основе этого вывод философа, что «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном» [3, с. 655], также становится хрестоматийным в многовековых попытках разрешить этот спор между научным познанием и художественным отображением, своеобразный синтез которого можно видеть в пространном сопоставительном рассуждении об образе и понятии как «двух метафизических инструментах» человека: «...так, можно сказать, что понятие непродуктивно, поскольку лишь упорядочивает наличное, открытое, имеющееся в распоряжении, в то время как образ порождает духовную действительность и вырывает у бытия

до сих пор скрытые моменты. Понятие тщательно различает и группирует готовые факты, образ же беззаботно выходит на бескрайний простор в ожидании приключений. Понятие живет страхом, образ – праздничным триумфом открытия <...> Понятие имеет старческий облик, образ всегда свеж и юн <...> Понятие означает экономию, образ – расточительство. Понятие есть то, что оно есть, образ же всегда более того, за что он себя выдает. Понятие апеллирует к голове, образ – к сердцу <...> Понятие конечно, образ бесконечен» [58, с. 20–21]. С выводом, которым Герхард Нобель завершил запись в своем дневнике, – «эти определения можно продолжать до бесконечности» – трудно поспорить, и в данном случае эти размышления о предначертанном самой природой человеческого восприятия метафизическом превосходстве образа важны для нас именно потому, что в известной мере могут служить иллюстрацией специфически карамзинского познания истории в «Письмах...», художественные по своему генезису закономерности которого в полной мере раскрылись в его размышлениях о Французской революции.

Ю.М. Лотман наиболее подробно на сегодняшний день воссоздал соотношение карамзинского рассказа о революционных событиях во Франции с реальными историческими сведениями [50, с. 541–561], что позволило сделать выводы как о глубоком интересе Карамзина к тому, свидетелем чего он был в ходе своего реального европейского путешествия, так и об особых приемах представления этих впечатлений в повествовании – притом «представления», иной раз превращавшегося в своеобразную «фигуру умолчания»,

что позволило исследователю не раз говорить о «тайнописи» Карамзина. Вопрос может ставиться и в несколько иной плоскости: насколько образный потенциал «революционного сюжета» книги мог быть не только формой представления, но и механизмом постижения истории? Для этого, безусловно, необходим анализ образной системы карамзинского повествования как художественного целого, динамика и подвижность которого на уровне художественного открытия способствовала превращению прозы в подлинное искусство повествования, на уровне же исторического познания эти качества карамзинской поэтики органично соответствовали историсофской концепции «Писем...». Она причудливо сочетала самые различные аспекты – взгляд на историю и «с точки зрения духовного обогащения человеческой личности», и «с точки зрения социального прогресса», просветительский «прогрессизм» и увлеченность руссоистской утопией, космополитическую убежденность, что «все *народное* ничто перед *человеческим*» [33, с. 254], и глубокий интерес к уникально-своеобразному «духу» – народа и эпохи, в которую он живет.

Книга Карамзина насыщена многочисленными именами историков, с которыми повествователь-путешественник ведет развернутый, увлеченный мысленный диалог. Это и Тацит, и Мабли, и Вольтер, и Гиббон, и Юм, и Левек, и Гердер, позиция которого отмечалась исследователями как особо значимая для становления и художественной историософии Карамзина, и возможного образного познания истории [24, с. 91–101]. Гердеровская концепция меняла не только представ-

ление о ходе исторического процесса, но и образ самого историка – субъекта, который познает прошлое, используя все возможности своей личности, и чувственное начало, и рефлексивность [24, с. 99]. В этой связи художественный образ и оказывается своеобразной точкой пересечения «чувственного» эмоционального – и рационального, непосредственного – и рефлексивного, конкретного – и обобщенного; не столько «субъективность», сколько именно своеобразная «субъектность», личностная заинтересованность стоит за ним и позволяет уловить тот самый «дух времени», который и будет одной из главных историсофских ценностей романтизма.

Образ Французской революции в свете представлений Карамзина о духе времени разворачивается в нескольких планах.

На первом месте, безусловно, оказываются живые, непосредственное впечатление настоящего, динамика и драматизм событий, происходящих «здесь и сейчас», меняющихся подобно калейдоскопу и, несомненно, увлекающих повествователя-путешественника. С этим мотивом, по-видимому, связан очень важный прием образного сравнения истории с театром, появляющейся именно на страницах «Писем...», посвященных изображению Парижа: «Не думайте однакож, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует; все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре» («<98> Париж, Апреля... 1790») [50; с. 226]. Мотив театральности здесь обретает двоякий смысл. С одной стороны, по справедливому

суждению Ю.М. Лотмана, его можно рассматривать как один из первых опытов проявления агностицизма Карамзина, усомнившегося в самой возможности понять историческое движение – естественно, не сводимое лишь к схеме «прогресса» [49, с. 122–166]. Однако театральность может истолковываться и иначе: как залог возможности посмотреть на историю непредвзято, а значит, – осмыслить ее самое, вне заранее заданных схем и концепций. Именно в этом состоит, по мысли автора «Писем...», подлинный долг свидетеля исторических событий: «Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностью! Среди шумных явлений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной; смотрел на твоё волнение с тихой душой, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры, и не спорил <...>» («<128> Париж, Июня ... 1790») [33, с. 321].

Не случайно «точкой обзора» при первом и последнем взгляде на охваченный революционными потрясениями Париж оказывается гора (что по-своему соотносится и с хрестоматийной для XVIII века поэтикой оды, в которой взгляд лирического героя/автора на изображаемые события берет особый масштаб благодаря «парению», способности созерцать истинный – возвышенный – смысл как произошедшего в прошлом, так и происходящего в настоящем и обещающего произойти в будущем). В карамзинской исторической перспективе гора получает несколько иной художественный смысл. Находясь на возвышенности, созерцатель получает одно-

временно возможность отстраненного и всеобъемлющего взгляда¹; он читает «свиток Истории», «чтобы найти в ней предсказание будущего» [33, с. 321].

Возможность взгляда на историю «с высоты» в связи с изображением на страницах книги событий Французской революции раскрывается прежде всего в изображении прошлого – «старого режима», с одной стороны, противопоставленного ныне царящему смятению, с другой – подготовившего его. Таковы, в частности, размышления одного из собеседников путешественника, Аббата Н*, на улице Сент-Оноре («<97>, Париж, Апреля ... 1790»): «Здесь по Воскресеньям, у Маркизы Д* съезжались самые модные Парижские Дамы, знатные люди, славнейшие *остроумцы* (*beaux esprits*); одни играли в карты, другие судили о житейской философии, о нежных чувствах, приятности, красоте, вкусе <...> сравнивали Мабли с Ж. Жаком и сочиняли планы для новой Утопии <...> Вы опоздали приехать в Париж; счастливые времена исчезли; приятные ужины кончились; *хорошее общество* (*la bonne compagnie*) рассеялось по всем концам света» [33, с. 224].

¹ Топос горы как пространственная мотивировка «панорамного» видения, способная настроить читателя на должный уровень восприятия тех картин, которые будут открываться ему в описании Парижа, появляется у Карамзина дважды – при описании въезда путешественника в город и при расставании с ним, ср.: «Наконец открылась обширная равнина, а на равнине, во всю длину ея, Париж.... Жадные взоры наши устремились на сию необозримую громаду зданий – и терялись в ея густых тенях» («<95> Париж, 27 Марта, 1790») [33, с. 214] – при расставании с городом он мечтает еще раз взойти «...на гору Валерианскую, откуда взор мой летал по твоим <Парижа> живописным окрестностям» [33, с. 321].

В этом очерке истории парижских салонов причудливо сходятся собственно историческое и художественное начала; в образном единстве частные факты прошедшего выстраиваются в концептуально значимую линию, пестрый калейдоскоп исторических имен, названий и реалий, до предела сгущенных на сравнительно незначительном отрезке текста, вдруг открывает единую картину, сущность которой и есть ответ на главный вопрос: как могло произойти то, что казавшийся незыблемым «старый режим» вдруг исчез, сметенный вихрем революции? Судьба парижских салонов здесь – лишь наиболее заметный элемент в истории всего французского общества, которое шло к революции с неотвратимой закономерностью. Причины падения «хорошего общества» собеседник путешественника видит в разрушении всех сторон общественной жизни: на смену высоким философско-эстетическим и политическим интересам пришли экономические спекуляции, вместо бескорыстных занятий свободными искусствами общество обратилось к борьбе самолюбий, на смену торжеству жизненных сил пришел ледяной расчетливый разврат. «...Французы давно уже разучились веселиться в обществах, так как они во времена Людовика XIV веселились, например в доме известной Марионы де-Лорм, Графини де-ла-Сюз, Ниноны Ланкло, где Вольтер сочинял первые стихи свои; где Вуатюр, Сент-Эвремон, Саразень, Граммон, Менаж, Пеллисон, Гено, блистали остроумием, сыпали Аттическую соль на общий разговор и были законодателями забав и вкуса» [33, с. 224]. Обобщенный очерк парижского общества времен старого режима еще лучше оттеняет картину

изменений, неотвратимо надвигавшихся и оттого представляющихся почти мистическими: «Жан Ла (или Лас) ... несчастною выдумкою Банка погубил и богатство и любезность Парижских жителей, превратив наших забавных Маркизов в торгашей и ростовщиков; где прежде раздроблялись все тонкости общественного ума, где все сокровища, все оттенки Французского Языка истощались в приятных чувствах, в острых словах, там заговорили.... о цене банковских ассигнаций, и дома, в которых собиралось лучшее общество, сделались биржами <...> Потом вошли в моду попутай и Экономисты, Академические интриги и Энциклопедисты, каланбурь и Магнетизм, Химия и Драматургия, Метафизика и Политика. Красавицы сделались Авторами, и нашли способ... усыплять самих своих любовников. О спектаклях, Опере, балете говорили мы наконец математическими посылками, и числами изъясняли красоты Новой Элоизы. Все философствовали, важничали, хитрили, и вводили в язык новые странные выражения, которых бы Расин и Деппе понять не могли или не захотели – и я не знаю, к чему бы мы наконец должны были прибегнуть от скуки, если бы вдруг не грянул над нами гром Революции» [33, с. 224–225].

В приведенном фрагменте философичность взгляда на историю, умение в раздробленном и частном видеть проявление закономерного открывает перед повествователем очень перспективный прием¹: историческое содержание длительного периода в развитии Франции изображается в виде перечня значимых, почти знаковых дета-

¹ Его возможности позднее будут реализованы и А.С. Пушкиным в первой главе романа «Арап Петра Великого».

лей, частностей, становящихся тем не менее приметам времени и обретающих способность характеризовать общественную атмосферу предреволюционных лет. На первый взгляд, поставленный в один ряд с карточной игрой, «попугаями», «каланбурами» и «магнетизмом», «гром Революции» как бы нивелируется в своем историческом значении, заинтересованность автора революционными событиями конспирируется, но, с другой стороны, именно в последовательном перечислении частных «знаков» надвигающегося социального взрыва Карамзину-повествователю удается представить закономерную связь и неотвратимость наступивших событий. Она столь гипнотизирующе сильна, что карамзинский путешественник находит своеобразное пророчество-предсказание о ней в таинственных строках на стене Телемской обители в романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «О страшный, гибельный потоп! *потоп*, говорю: ибо земля освободится от сего бедствия не иначе, как *упившись кровию*» («<98> Париж, Апреля... 1790») [33, с. 230].

Историческое сознание по-своему претворяется и в карамзинских размышлениях о будущем, исподволь возникающих в связи с изображением революционных событий во Франции. Анализируя историю текста «Писем...», и В.В. Сиповский [71], и Ю.М. Лотман [49; 50], и многие другие исследователи отмечали, сколь заметно на изображение революции повлияло то, что Карамзин получил возможность публиковать страницы, ей посвященные, далеко не в первых изданиях книги, в результате чего его путешественник, рассказывая о происходившем в 1789–1790 гг., обладает своеобразным

«предвидением» перспектив начавшегося процесса. То, что кажется новым и интересным карамзинскому герою, с увлечением читающему газеты, рассматривающему карикатуры, часами просиживающему в кофейнях и прислушивающемуся к разговорам на парижских улицах, слушающему речи в Национальном собрании, вдруг предстает в совершенно ином эмоционально-образном ореоле. Так на уровне организации повествования, на уровне самой основы художественного образа изменяется модель авторского «всезнания». И автор, и читатель «Писем...» знают о показанных в книге революционных событиях больше их непосредственных участников 1789–1790 гг., и потому, когда он видит их пока еще спокойными, наслаждающимися жизнью, его предощущение будущей катастрофы поражает.

Во множестве имен, событий, бытовых и культурно-исторических реалий, упомянутых на страницах «Писем русского путешественника», не так легко уловить смысл. Первые отклики на книгу показывают, что современникам не сразу удалось это сделать. Однако закономерность карамзинского повествования была именно в том, что это многообразие объединялось субъективной, предельно индивидуализированной установкой созерцателя, способного воспринимать и представлять виденное с позиций «чувствительного», эмоционально заинтересованного зрения. Такова образная природа различных дополнительных «сюжетов» «Писем...», в ряду которых оказывается и исторический сюжет, в том числе включающий и рассказ о событиях Французской революции.

Н.В. Халикова

Образность научной речи в работах П.А. Флоренского

*Я хотел видеть душу,
но я хотел видеть ее воплощенной
Флоренский*

Имя П.А. Флоренского, – как и А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева, Н.С. Трубецкого, многих других современников, – олицетворяет интеллектуальную и книжную культуру XX в., представляет собой идеальный пример слияния умственной деятельности и высокого нравственного отношения к науке.

Само понятие интеллектуальной культуры всегда принадлежит эпохе, её определяющим идеям, концептам. В начале XX в. это *познание, мысль, слово* через призму религиозно-философской антропологии. В это время расцветают филологическая мысль и естественные науки. Способы их представления, категоризации в стилистике книжной речи происходят через чувственное восприятие. Весь философский дискурс этого периода отличается особым стилем, в котором заметны универсальные образные парадигмы, определяющие существование основных концептов науки, например, для филологии это *Язык, Слово*. Независимо от тематического различия текстов есть совокупность общепринятых представлений, в которых и явлен авторами сам «образ предмета» любой науки: филологии, языкознания, живописи, математики и др. Чем более предмет (наука) приближен к человеку, чем выше степень философской рефлексии, тем больше в научном стиле имеет значение образ-

ность, единицы которой носят устойчивый инвариантный характер.

При изучении языка художественной литературы создаются словари поэтических образов [61], где можно наблюдать развитие основных метафорических моделей художественного мира действительности на протяжении нескольких десятилетий, одного-двух веков.

Нечто подобное отличает и язык рефлексирующей науки – философии языка, философии литературы. Наука – совокупность воспроизводимых, цитируемых, интерпретируемых содержательно ценностных текстов о действительности, формирующих её образ в нашем сознании. Отнесенность к действительности и авторский (индивидуальный и научного сообщества в целом) взгляд на неё невозможен без категории образности текста. «Нет ничего внешнего, что не было бы явлением внутреннего. <...> метафизическая сущность вся сплошь должна быть явленной наглядно» [82, с. 115].

Рассмотрим это явление на примере одного из самых цельных, самых ярких и сложных авторов – философа, математика-естественника, энциклопедиста священника П.А. Флоренского. Наука и искусство (образ действительности) и слово (символ действительности), «мысль и язык» – темы неоконченной книги «У водоразделов мысли» (1917–1922). Его стиль абсолютно научен и в такой же степени поэтичен. Научная категория и иносказание о ней неразделимы.

По сравнению с современным научным стилем не только лингвиста и литературоведа, но и философа речь рассуждений Флоренского кажется иррациональной. Она отличается на-

сущенной эмотивностью, авторской модальностью, прозаическим ритмом и т.д.

Образ – одно из ключевых понятий в философии Флоренского. Поскольку им определено, что любая наука и любой вид искусства (действительность) сводится к их описанию, то «самое описание есть образ или система образов, <...> и, обратно, образы, содержащиеся в описании, суть не что иное, как сгустки, уплотнения и кристаллы того же описания, т. е. самое описание, но предельно живое и стремящееся уже к самостоятельности» [83, с. 115]. Это верно для языка любой науки. Можно говорить о «красоте» уравнений, терминов (*плотность* вещества), «образной математике», историческом образе князя Владимира или живописном образе Вещего Олега.

Словесный образ «вообще» как символ – единица любого акта творения, научного или художественного. Флоренский называл их «исходной точкой» деятельности творящей личности: «Итак: если принять за исходную точку наших рассматриваний образ, то и всё описание действительности окажется пестрым ковром сплетающихся образов. <...> Каждый символ и образ высшего порядка может быть заменен описанием его, через образы и символы низшего порядка, включительно до первичных описаний – предложений» [83, с. 115–116]. И тогда «каждое движение созерцающего духа – в духе дает свой словесный образ», «как волна, что бежит за пароходным винтом» [83, с. 116].

Афористичность Флоренского в этом вопросе отличается кристальной чистотой и предельным лаконизмом: «на фоне обилия сложных синтакси-

ческих конструкций выделяются единичные простые предложения, выполняющие функцию барьеров и связок в цепи рассуждений и при переходе от одного сверхфразового единства к другому, т.е. по сути, структурирующие письменную речь учёного [47, с. 17]. Так, об образе ключевыми высказываниями стали следующие: «Образ есть то, что мы видим и что изображает художник» [83, с. 430]; «Художник изображает не вещь, а жизнь вещи по своему впечатлению от нее» [83, с. 95]; «описанию надлежит быть двойственным» [83, с. 113], – эта мысль о психическом синтезе множества различных восприятий проводится очень последовательно.

Философский принцип инварианта снимает в его трудах методологическое противоречие между определениями образа (на сегодняшний день – более сотни!) в различных частных науках (психологии, логике, философии, стилистике, искусствоведении и др.), их направлениях и школах, так как значение образа – «направлять ум к другому образу или первообразу» «посредством напоминания», как это делает икона, художественная деталь, физический значок времени или скорости, лингвистический знак обозначения части речи или члена предложения и т.д. Все это словесные знаки, подчиняющиеся ритму научного или художественного мышления, образуют «ткань», или «ковер», или «узор», или «ритм» и «пространство» действительности. Живопись или запись физическими символами объекта действительности «не дублирует действительность, а дает наиболее глубокое постижение ее архитектоники, ее материала, ее смысла, и постижение этого смысла <...> даёт-

ся вживанием и вчувствованием в реальность» [83, с. 53].

Современная наука активно пользуется теорией инвариативности-вариативности. Флоренский образно представил устройство любой науки интуитивно точно. «Около этой категории формы, как средоточия, и обращается изложение настоящей книги; <...> Творчество – в языке, технике или органостроительстве живых существ; целое как вид творчески воплощенного; личность и имя как ее образующий лик и т.д. и т.д. – все эти средоточия настоящей книги – разное, но все – об одном, и одно это есть та твердая почва, без которой ни шагу не сделает мысль ближайшего за нами будущего. <...> От этих водоразделов, идеи целого, формы, творчества, жизни, – потечет мысль в новый эон истории» [83, с. 41].

Принцип единства в созерцании действительности приводит к вопросу о едином начале, инвариантных структурах, целостности и незамкнутости мировидения. Сравним замкнутость современного научного стиля и разорванность индивидуальной и научной картин мира, что проявляется в языке, его стилистических сферах: художественном и научном. Философия языка неразрывно связана у Флоренского с идеей личности и содержит парадигму антиномий «вещь / личность», «жизнь-процесс / модель-смерть-остановка», «природа / культура». Наша исследовательская цель заключается в их описании по причине того, что образность и метафорические модели обладают «объяснительной силой по отношению к наиболее значимым, оригинальным языковым феноменам, имеющимся в “текстовом массиве” данной языковой

личности. <...> В связи со сказанным встаёт вопрос об анализе доминант речевого поведения как о методе лингвистического описания» [54, с. 105]. Это совпадает с учением А.А. Ухтомского о доминанте, которая в лингвистической интерпретации совпадает с понятием ключевого слова текста, концептуальной картиной мира личности. Так, известные антиномии Флоренского – то же, что и категории мироощущения, концептуальная картина мира автора художественного текста.

Теория доминанты (направленного впечатления из области бессознательного) А.А. Ухтомского позволяет увидеть в образности научной речи не «украшение» речи, а «способ создания целостного образа действительности и результат преобразования действительности, её *проекцию*» [80; 85, с.172]. Ученый или писатель объединяет все картины мира – бытовую, научную, философскую – в единое пространство, где процесс переноса значения происходит в одних и тех же парадигмах. Большая часть образных парадигм в научных текстах Флоренского объединены идеей *жизненной силы* в зрительно воспринимаемом пространстве *земли (почвы)* и *водного потока* концептов *Символ, Слово*. Это связано у Флоренского с детским восприятием действительности, бытия при созерцании моря и земли [81]: *Всё особенное, все необыкновенное мне казалось вестником иного мира и приковывало мою мысль, – вернее, моё воображение. <...> Неведомое питало ум, а всё не удивляющее, не вызывающее удивления представлялось какой-то сухой мякиной, не содержащей питательных веществ. <...> Таким именно образом уже с самого раннего возраста сложи-*

лись в моём уме категории знания и основные философские понятия. Позднейшее размышление впоследствии не только не укрепило и не углубило их, но, напротив, сначала, при изучении философии, расшатало и затемнило, не дав ничего взамен, если не считать чувства горечи. Но мало-помалу, вдумываясь в основные понятия общего миропонимания и прорабатывая их логически и исторически, я стал на твёрдую почву, и когда огляделся, то оказалось, что эта твёрдая почва есть та самая, на которой я стоял с раннейшего детства: после мысленных скитаний, описав круг, я оказался на старом месте (1920. VI.25. Серг[иев] Пос[ад] (1916.X. 15)).

В художественном тексте «работает» грамматическая категория литературной перцептивности – «скрытой категорией», связывающей признаки темпоральности, аспектуальности и локативности с восприятием окружающего мира человеком» [10, с. 275]. Псевдоперцептивность в научном тексте, используя значения визуальных глаголов типа *видеть*, точно так же организует все элементы пространственной модели, переводя их из визуальной сферы в ментальную (переносное значение *видеть* – «знать»). Типичный пример: *Итак, семема слова непрерыванно колеблется, дышит, переливается всеми цветами и <...> вот здесь и сейчас, во всем контексте жизненного опыта, и притом в данном месте этой речи* [83, с. 216]. Так возникает «образ исследователя», по аналогии с образом автора в художественном тексте.

Почему так важна апелляция к чувственному восприятию в научном тексте? Образность обладает эффектом усиления критерия истинности.

(Известно, что П.А. Флоренский разработал проект словаря зрительных образов-понятий – «Symbolarium». П.А. Флоренский полагал, что графический образ подобен слову и служит для выражения идей [84].)

Биография, письма, научные тексты, высказывания, отбор языкового материала, выбор книг для чтения, воспоминания современников – всё это позволяет использовать метод проекции. Это значит, что отношение к воспринимаемой действительности (индивидуальную картину мира) можно перенести на отвлечённые идеи ученого, анализируя содержание частотной когнитивной метафоры в его высказываниях.

Ключевыми понятиями дискурса П.А. Флоренского являются *Наука, Язык, Слово, Термин, Имя, Символ*. Они исследуются через идеи-антиномии «вещь» – «личность», «культура – природа», «живой дух» – «модель / мертвое». Вокруг этих идей строится собственно образная система.

Во-первых, жизнь языка, слова и символа – это пространство и движение в нём. В науке всё «движется» до определенного «рубежа», ищет опору в «почве», «живет»: ... *Сознание вообще есть следствие задержки непрерывного потока психической жизни: мы идём машинально, и в сознании нашем нет дороги; мы споткнулись – и возникает сознание* [83, с. 208].

Во-вторых, слово и символ – стихийное водное пространство, ритм волн, внешняя сила. Сила и ритм задаёт эмоциональный тон. *Мысль моя не протекала систематически, а всегда волновала и поражала меня. Она была всегда прерывистой, то запрятываясь глубоко в область подсознательную,*

то вспыхивая с ослепительной ясностью, чтобы тут же вновь скрыться в подсознательный мрак. Это была не линия течения, а скорее пунктир, и образ подземных рек, простёгивающих земную поверхность, казался мне особенно близким [81].

В-третьих, семантика внутренних форм, идея – это вещество, уплотняющееся или истончающееся. Всякая форма тождественна ткани, переплетениям, узлам, материальному творчеству. В «Воспоминаниях» [81]: *«Всю свою жизнь я думал, в сущности, об одном, умственный взор направлялся в разные стороны, много разных предметов прошло предо мною. Однако не я проходил пред ними, ибо искал одного, всегда одного, и внутренне занят был одним. Я искал того явления, где ткань организации наиболее проработана формирующими ее силами, где проницаемость плоти мира наибольшая, где тоньше кожа вещей и где яснее просвечивает через неё духовное единство»* (от 1923.IV. 15).

Инвариантные и универсальные образные парадигмы предназначены для смыкания индивидуального, художественного и научного познания в пределах опыта познания действительности. Все эти формы познания – варианты одного и того же знания о действительности и способы передачи знания. Перечисленные парадигмы характерны как универсалии любого авторского текста по философии языка (См. нашу работу о языке В.В. Виноградова [85]).

Так, метафорическое поле с концептуальным ядром «языковая / речевая деятельность» коррелирует с концептуальным полем «жизнь». Образность – результат особого «видения» науч-

ных структур, напряжённой духовной работы исследователя. Образная или символическая система – необходимый синтез научной реальности.

В.В. Леденёва

Слова науки в текстах Н.С. Лескова

Н.С. Лесков, чей талант сатирика и дар находить острые темы для обсуждения в своих публицистических, эпистолярных, художественных текстах, укрепившиеся за период творческих исканий, умение отстаивать собственный взгляд на злободневные вопросы, не пребывая в русле каких бы то ни было популярных течений, дали ему право занять особое место в русской реалистической литературе.

Прозаик, драматург и страстный публицист, Н.С. Лесков живо интересовался различными проблемами общественной жизни и проявлял себя эрудированным человеком, смело писавшим о женском здоровье и о полицейских врачах, об образовании для детей раскольников и о разоблачении спиритизма, о тяжёлой для русского народа проблеме пьянства [15; 16; 17] и о драматическом театре, о конкретной судьбе общественного деятеля или жизни православного духовенства в России и о взяточничестве чиновников при исполнении должности. Сын писателя сохранил его признание: «Во мне всегда была – не знаю, счастливая или несчастная, – слабость увлекаться тем или другим родом искусства. Так я пристращался к иконописи, к народному песнотворчеству, к врачеванию, к реставраторству и пр.» [44]. Однако Н.С. Лесков мог прямо отказаться написать о слишком широких, причём неоднократно подвергавшихся анализу

категориях, понятиях, особенно если знал о существовании специальной литературы по теме: «Мне трудно-то, Анатолий Иванович, вести переписку о таких вопросах, как **«массовый подъём»** или **«герои и героическое»**... <...> Об этом написаны горы, и в числе судивших об этом лиц есть Карлейль, Спенсер, Милль, Морлей и другие, при которых нельзя же упоминать о Каблице или выставлять в многозначном роде своё мнение...» (А.Н. Фаресову. 28 октября 1893 г., № 259) [46]¹.

Каждый поднимаемый им вопрос литератор исследовал, вёл наблюдения и фиксировал их итоги в записных книжках, поскольку тяготел к точности, и это качество явилось его идиостилевой чертой, отражавшейся в отборе и оценке фактов, характеристике изображаемых реалий в текстах разных жанров [ср.: 22, с. 33–37; 50; 74], безусловно, также и в употреблении языковых ресурсов [см.: 43]. Наличие тех или иных лексико-семантических групп (ЛСГ) идейно-тематически обусловлено, что не требует комментария. Писатель не стеснялся, что подтвердил цитировавший письма отца в его жизнеописании А.Н. Лесков, просить о помощи специалистов, приступая к созданию произведения: «Но чувствую, что мне недостает знакомства с старинными суеверными взглядами на камни, и хотел бы знать какие-нибудь истории из каменной торговли <...> Укажите мне (и поскорее, – пока горит охота), где и что именно я могу прочитать полезное, в моих *беллетристических* целях, о камнях вообще и о пиропых в особенности. Пиропов я рассмотрелся вволю и красоту их понял,

усвоил и возлюбил, так что мне писать хочется, но надо бы не наврать вздор» [44, с. 199; курсив автора. – В. Л.].

Ставшие идиостилевыми реалистические установки на точность и доказательность объясняют, почему слова науки – предмет данного исследования – органично вписаны в текстовую ткань разножанровых произведений Н.С. Лескова, в том числе художественных. Их различные ЛСГ отражают очевидное для почитателей таланта писателя наличие в ментально-лингвальном комплексе (МЛК – термин В.В. Морковкина) этой яркой языковой личности фрагмента русской языковой картины мира, связанного с областью хранения, трансляции и формирования знаний.

Слова науки – это не только термины, но и единицы специальной лексики, а также общекнижные и нейтральные общеупотребительные, которые в последние десятилетия XIX в. стали свидетельством определённого интереса представителей той части русского общества, которая читала публицистику и художественную литературу, была настроена на информационный обмен, обсуждение в печати и письмах социально важных проблем с обоснованных позиций, к такой сфере жизнедеятельности, как научная. Исследователи этого этапа развития русского литературного языка, его лексики отметили устойчивую тенденцию употребления слов науки в языке художественной литературы, а также в разговорно-бытовой сфере [8, с. 166–167; 74].

К словам науки традиционно относятся, во-первых, книжные, получившие соответствующую лексикографическую помету, во-вторых, семантизированные с экспликацией

¹ При цитатах из этого тома указан номер письма. – прим. авт. – В.Л.

сем 'наука', 'учёный', передающие дефиницию единицы (в соответствии с их функцией создавать научный текст, освещать научные вопросы), или, в-третьих, ставшие специальными лексико-семантические варианты (ЛСВ). Таковыми в идиолекте Н.С. Лескова являются представляющие метаязык науки лексемы *диссертация* («книжн. Научное исследование, представленное для получения ученой степени»); *исследование* («книжн. 1. Действие по глаг. исследовать. 2. Научное сочинение, в к-ром исследуется какой-н. вопрос»); *источник* («научн. Письменный памятник, подлинный оригинал, на основе к-рого строится научное исследование»); *определение* («1. Науч. Формулировка, раскрывающая содержание понятия. 2. Право. Постановление суда, вынесенное по частному вопросу, возникшему при рассмотрении дела»); *теория* («Совокупность научных положений, объясняющих общим принципом какие-н. накопленные факты и дающих возможность открывать и объяснять новые факты»); *трактат* («книжн. Научное сочинение, содержащее обсуждение какого-н. отдельного вопроса») [78] и т.д. Этот список можно продолжить, как и развить приводимый нами перечень примеров: «За *диссертацию* о Герберте автору присуждена премия митрополита Макария, как за «лучшее историческое сочинение» (А.И. Фаресову. 28 июня 1893 г., № 243); ...и из всего, что я знаю, мне наилучшим показалось старое магистерское *исследование* Ореста Новицкого «о духоборцах» (Л.Н. Толстому. 4 декабря 1892 г., № 224); Я желаю понимать Карлейля в его *теории* «героизма»...» (А.И. Фаресову. 28 октября 1893 г. № 259) [46] и т.д.

Писатель использовал общенаучную лексику, к которой относим наименования областей научной деятельности. В значениях моносемантов или отдельных ЛСВ полисемантических единиц эксплицирована гиперсема 'наука': *история* («Наука о последовательном развитии человеческого общества»; «Наука, рассматривающая последовательное развитие, последовательные изменения какой-н. области природы или культуры»); *философия* («Наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»; *эстетика* («иск., книжн. Наука об эстетических явлениях, о прекрасном, об искусстве как особом виде общественной идеологии», *этика* («Философская наука, объектом которой является мораль, нравственность как форма общественного сознания и как вид общественных отношений») [78] и т.д. Например: «И ты бы такими переводами принес пользу себе и людям, ищущим уяснения неотразимых вопросов в *истории*, *философии* и обыденной этике жизни» (Б.М. Бубнову. 17 марта 1893 г., № 236) [46]; «Я теперь могу работать спокойно и дни и ночи: мне никто не мешает, и я докажу, что значит *эстетика!*» («Дама и фефёла») [45, с. 469].

В произведениях Н.С. Лескова нашли применение терминологические и специальные единицы, относящиеся к следующим областям: гуманитарные науки (лингвистика: *деепричастие*, *фонетика* и др.; литературоведение: *баллада*, *жанр*, *фабула* и др.; философия: *материализм*, *мистика*, *нигилизм*, *философема* и др.; теософия и религиозоведение: *богословие*, *вера*, *верование*, *карма* и др.) и искусствоведение (театральное, музыкальное, изобразитель-

ное искусство, ваяние, архитектура: драма, иллюстрация, контральто, концертно, плавь, рефть, соната и др.); политика (реакция, фракция и др.) и юриспруденция (амнистия, дознание, единоутробный). Примеры их использования разнообразны: «...оба эти рассказа сложились **эпически**, и в основу их **фабулы** легли некоторые действительные происшествия» («Юдоль») [45, с. 253]; «...у него всё состояние **благоприобретенное**...» («Зимний день. Пейзаж и жанр») [45, с. 423]; «Мельников не воспроизвел быта **раскола и староверия**, и я, хотя слабо, не (но?проверить) передавал **духовенства**, богомоллов и **нигилистов?**...» (А.С. Суворину. 11 мая 1890 г., № 168) [46] и т.д.

Лексика, обслуживавшая естественнонаучные отрасли, представлена в текстах Н.С. Лескова в 1890-е гг. более узким кругом терминологических и специальных единиц: физико-математического профиля (*радиус, сфера* и др.); биологических, включая анатомические (*злаки, гады, инстинкт, предсердие* и др.); относящихся к минералогии (*диарит, порфир* и др.); сельскохозяйственных и технических, в том числе связанных с производством печатной продукции (*бескормица, полеводство, ректификактор; корректура, набор, негатив, оттиск* и др.). Характерно, что писатель свободно и стилистически оправданно вводил эти слова в контекст художественных и публицистических произведений, что говорит о широте его познаний, большом опыте, связанном с деловыми поездками, многочисленными жизненными пересечениями, и, как следствие, – о разнообразии и точности экспликации фрагмента русской языковой картины мира «Наука», который

оказывается как будто бы мозаичным: «Люди ясного ума указывали нам, что русское **полеводство** из рук вон плохо и что если оно не будет улучшено, то это скоро может угрожать России бедствием» («Загон») [45, с. 357]; «...**злаки** взошли...» («Юдоль») [45, с. 312]; «...когда тело наше, зачатое в **яйце** матери от **семянных живчиков** оплодотворившего её самца, – уже не будет существовать...» (Б.М. Бубнову. 5 ноября 1891 г. № 207) [46] и т.д.

Особенного внимания заслуживает использование медицинской лексики. Злободневные публикации различных лет свидетельствуют, что Н.С. Лесков всемерно боролся с рутинной в медицинском деле, настаивал на создании возможности для женщин из простонародья обращаться к женщине-доктору [16], требовал защитить призываемого на службу рекрута от равнодушия и грубостей военных лекарей, возбуждал интерес общественности к произволу полицейских врачей. «Статьи «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий» (1860, № 36), «Несколько слов о полицейских врачах в России» (1860, № 39), «Полицейские врачи в России» (1860, № 48), обличающие взяточничество, административные нарушения медицинских чиновников, явились прямым обвинением врачам, забывающим о своём призвании ради корыстных целей» [28, с. 63].

Медицинскую проблематику позволяют Н.С. Лескову отразить репрезентанты *бацилла, бессонница, больница, галлюцинировать, здоровье, дифтерит, доктор, консилиум, лекарь, малокровие, мания, нездоровье, операция, противопоказание, симптом* и др. Тематически, как видим, это номинации симптоматики и самих заболеваний,

лечебных учреждений, врачей, их профессиональных действий и т.п.: «*Статья Ваша о моем XI томе вышла в тот день, когда у меня собирался **консилиум** и когда я был особенно взволнован*» (О.М. Меньшикову. 12 февраля 1894 г. № 267) [46]; «... два консультанта не отрицали, что причиною смерти ребёнка был настоящий **дифтерит**...; надо было тоже **дезинфицировать** коридор...» («По поводу Крейцеровой сонаты») [45, с. 46–47] и т.д.

Подчеркнём, что набор и контент ЛСГ анализируемого пласта лексики в каждом произведении детерминирован проблематикой, затронутой автором, причём писатель избегал замены более точно передающих смысл гипонимов на гиперонимы, каковыми являются *наука* и *учёный* – два стилистически нейтральных слова, которые естественно считать ядерными единицами фрагмента русской языковой картины мира «Наука». Семы ‘сфера жизни’ и ‘деятель в научной сфере’ определяют такую локализацию. Ср. *учёный* («Основательно знающий какую-н. науку, специализировавшийся в какой-н. области наук») и *естественник* («разг. Специалист по естественным наукам») [78].

Слово *наука*, которое в толковых словарях русского языка определяется как «система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления и о способах планомерного воздействия на окружающий мир» [78], в письмах Н.С. Лескова 90-х гг. XIX в. не является частотным, а стилистический фон контекста, в котором зафиксирована нами эта единица, свидетельствует об ироническом настрое автора, рассуждавшего о рутине и противостоянии ей светлых личностей:

«Такие издания были, есть и их будет еще более, ибо “разум не спит” и у “**науки** нрав не робкий, — не заткнуть ее теченья никакой цензурной пробкой”» (С.И. Шубинскому. 17 декабря 1894 г., № 290) [46].

Отмечаем, что и при употреблении слова *учёный* в эпистолярном тексте адресант тоже допускает иронию, развитие негативнооценочных коннотаций: «Все они [замечания попа-академиста. – В. Л.] напоминают недавний спор наших **учёных** медиков, при котором эти никак не могли отличать полезности одного оперативного инструмента от его “портативности”» (Л.Н. Толстому. 28 июля 1893 г., № 248) [46]. Есть в текстах произведений и более резкие оценки неких учёных, продемонстрировавших пагубное неумение вести объяснительную работу с представителями различных пластов населения, прежде всего неграмотных. Так, в сатирической «картинке с натуры» «Импровизаторы» Н.С. Лесков писал о холерном 1892 году, об антинаучном «предъявлении» напуганным и возмущённым людям «холерной запятой» и связанных с холерой волнениях как о реакции на непонятную народу врачебно-санитарную деятельность. Сарказм здесь был продемонстрирован автором и в отношении журналистов, которые некомпетентно взялись за разъяснения, и в отношении самих учёных: «...простым людям всего своевременно и терпеливо не объяснили и, главное, не показали им нигде эту самую «запятую», чтобы они видели, как она им вредит. Народ довольно приучен не верить **учёным**, и он смекнул, кому эта выдумка о «запятая» могла быть выгодна, и порешил наказать лекарей за их выдумку».

В столицах, где образованность несравненно выше, **науке** оказано совсем иное доверие: здесь запятую видели увеличенную под микроскопом, засушенную и выставленную на окне “в квартире известного журналиста, живущего на окраине города”» («Импровизаторы») [45, с. 323].

В контексте этого произведения, безусловно, согласно прагматической установке автора, группа актуальных слов, семантически связанных с фрагментом русской языковой картины мира «Наука» (*наука, образованность, учёный*), получила отрицательные коннотации, реализованные благодаря синтагматическим связям единиц. См.: *учёным... приучены не верить* (ср. *верить*: – «разг. Считать, что кто-н. говорит правду, что что-н. содержит истину» [45]), *науке... оказано ... доверие*, потому что *запятую видели увеличенную под микроскопом...* на окраине столичного города; *наука* (имплицитно – методы анализа) – заслуживающая наказания лекарей *выдумка*. Справедливо будет сказать, что в современном русском языке эти лексические единицы также могут вызывать негативные ассоциации (*наука* – *мука, скука, дурость, ненавидеть, рутина* и др.; *учёный* – *копчёный, мочёный, лысый, дуб, очкарик* и др. [65, с. 357, 697]), следовательно, Н.С. Лесков стилистически оправданно вводил их с указанными коннотациями. Сатирический эффект связан с высвеченными автором парадоксами.

Итак, можно отметить, что слова науки служат не только для номинации явлений, действий, определения процессов при обрисовке заинтересовавшей Н.С. Лескова области жизни, при погружении им читателя в соци-

ально значимую проблематику, т.е. в случаях, когда эти единицы идиолекта проявляют себя в качестве репрезентантов фрагмента русской языковой картины мира «Наука». Подчеркнём, что у Н.С. Лескова слова науки выступают как средство точности трансляции информации и создания точного образа.

Эти единицы также используются с имплицитной оценочной, характеризующей целью, обретая коннотации, не свойственные им в текстах научного стиля, но не утрачивая смыслового наполнения, хотя метафорические или метонимические сдвиги лексикографические источники у данных лексем регистрируют в случаях развития узальной полисемии [см.: 73]. В публицистике, художественных произведениях сатирической направленности, а также в письмах слова науки стали оружием Н.С. Лескова в борьбе с безнравственностью, бескультурьем, антигуманностью, разрушением традиций, с негативными социальными явлениями, дав возможность создать достоверное представление о бедствиях народа и позволив писателю заострить внимание адресата произведения на взволновавшей его душу проблеме. В текстах Н.С. Лескова, благодаря контрасту научного (точного, рационального) и эмоционального (считаем это модификацией принципа, названного И.В. Столяровой «коварной сатирой») как стиле- и смыслообразующих компонентов, слова науки эксплицируют позицию автора – передового, компетентного человека с широким кругозором и критическим умонастроением. Их использование – один из способов проявления гуманистического пафоса произведений выдающегося реалиста,

который с полемическим накалом выдвигал обвинительный приговор всему, что служило, с его точки зрения, поруганию человеческого достоинства, девальвации прогрессивного.

А.Э. Ларионов

Нравственный историзм как научная методология: к мемориальному образу Н.М. Карамзина

Посвящается светлой памяти неутраченного исследователя творчества Карамзина Людмилы Ивановны Сигиды

В 2016 г. исполнилось 250 лет со дня рождения и 190 лет со дня кончины Николая Михайловича Карамзина, чьё имя в представлениях не нуждается. Даты, вполне подходящие для того, чтобы вновь обратиться к осмыслению научного наследия этого выдающегося представителя русской гуманитарной отрасли периода её становления.

В своём творчестве Н.М. Карамзин предстаёт в трёх ипостасях: как литератор, публицист, историк. Отделять их друг от друга, ставя между ними непроницаемые барьеры, было бы неправомерно, и едва ли сам Карамзин с таким подходом согласился бы. Однако вполне уместно говорить о том, какая именно грань таланта конкретного человека – в нашем случае Н.М. Карамзина, более ярко явлена в том или ином конкретном его произведении.

Ставя вопрос о сущности значения Карамзина в российской научной традиции, можно спросить о том, какие ключевые ассоциации вызывает его имя в национальной культурно-исторической памяти? Полагаю, не ошибусь, что не в хронологическом порядке, а в порядке значимости на ум

приходят «История государства Российского», «Бедная Лиза», «О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» и «Письма русского путешественника». Более эрудированные соотечественники назовут также «Марфу-посадницу», «Мнение русского гражданина», ряд других художественных произведений в прозе и стихах.

Можно поставить вопрос иначе: без каких текстов имя Карамзина не смогло бы занять место в первом ряду отечественной науки и культуры? В этом случае круг поиска сужается. «История государства Российского» и «Записка о древней и новой России» вполне его исчерпывают. Возможно, данное мнение вызовет нарекания со стороны филологов, однако автор, не исключая возможности дискуссий, не считает необходимым рассматривать вероятные нюансы в рамках данной небольшой публикации.

Бесспорно, оба названных произведения относятся к зрелому и позднему периодам творчества Карамзина, когда его мировоззрение, исторические и политические взгляды окончательно сложились и устоялись. Космополитические, прогрессистские и республиканские увлечения, столь ярко выраженные в «Письмах русского путешественника», остались в прошлом. В первой четверти XIX столетия Карамзин предстаёт в глазах своих читателей и потомков как последовательный патриот, государственник и охранитель тех начал, которые составляют «нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твёрдости» [32, с. 91]. Эти мировоззренческие позиции были выношены Н.М. Карамзиным в результате

длительного, напряжённого осмысления событий прошлого и современности, с ними он сошёл в могилу и они же составили основу его методологии в описании исторических событий, выявлении их причинно-следственных связей и значимости для последующих этапов исторического процесса.

Действительно, обращаясь к тексту основных исторических произведений Н.М. Карамзина, нетрудно заметить то исключительное значение, которое их автор придаёт духовно-нравственным характеристикам отдельных людей, социальных групп и целых народов как определяющим критериям состояния государств, их силы и слабости, предпосылок взлётов и падений. Впрочем, данная тенденция проявилась с достаточной ясностью и полнотой уже в «Письмах русского путешественника». Описывая свои встречи и беседы за пределами России, Карамзин, которому в ту пору не исполнилось и 25 лет, не упускает случая приступить к нравственным рассуждениям и оценкам относительно различных общественных состояний. Примером может служить его эмоциональное описание дорожного разговора с капитаном прусской армии в письме от 21 июня 1789 г., где автор высказывает своё мнение относительно войны: «Миролюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился против войны всем своим красноречием, описывая ужасы её: стон, вопль несчастных жертв, кровавою рекою на тот свет уносимых; опустошение земель, тоску отцов и матерей, жен и детей, друзей и сродников...» [29, с. 103]. Обратим внимание: соображениям социально-политической целесообразности собеседника юный русский путешественник противопоставляет

исключительно нравственные контраргументы, осуждая войну как источник массовых страданий.

В «Истории государства Российского», буквально с первых строк своего монументального произведения, Карамзин недвусмысленно говорит о нравственном целеполагании при изучении прошлого стран и народов: «Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможно на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали ещё ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [30]. Если вычленив суть из предварительных рассуждений Карамзина, то окажется, что основной целью историографических штудий является повышение телеономичности мегасоциальной системы через рост показателей её нравственного состояния. Опыт преодоления бедствий, помноженный на чувство справедливости и стремление к идеалу, позволяет осуществлять успешное социально-государственное строительство к общему благу.

В дальнейшем тексте «Истории...» Карамзин практически каждый её раздел сопровождает/завершает пас-

сажами нравственного содержания. Особенно ярко эта черта проявляется в характеристике личности и царствования Ивана IV Грозного (Т. 9, гл. 7). Историк стремится к объективности нравственного характера, говоря как о положительных, так и об отрицательных сторонах характера первого русского венчанного царя. Но этой характеристикой не ограничивается. Вершиной историографической мысли Карамзина можно считать его завершающие слова, подводящие итоги правления Ивана IV: «...Добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмилась новейшими; но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трёх Царств Монгольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя-Завоевателя; чтит в нём знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по тёмным слухам о жестокости Иоанновой доньне именует его только Грозным, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну. История злопамятнее народа!» [31].

В этом, как и во многих других отрывках, Карамзин предстаёт не просто как сторонник взвешенных и по возможности объективных суждений, но как исследователь, который не ограничивается одной только фактологической реконструкцией прошлого, permeжаемой этическим резонёрством. Осмелимся предположить, что, огра-

ничаясь автор только этим, его исторический труд не занял бы в истории отечественной исторической науки, общественном сознании и литературе причитающегося ему по праву почётное место. Воздавая должное Ивану Грозному (как и любому иному деятелю русской истории), Карамзин использует вполне диалектическую схему: тезис-антитезис-синтез. Синтезом в данном случае оказывается суждение о том образе, который сложился в народной памяти, о милосердии народного суждения, основанного на христианском чувстве и умении отделять зерна от плевел по прошествии столетий. Таким образом, в своём начертании исторического процесса Карамзин выявляет его причинно-следственные связи (прежде всего, духовно-нравственного христианского характера), отмечает динамизм истории, т.е. смену её фазовых состояний (подъём-упадок), видит различные грани в одном и том же историческом явлении, создавая из внешне противоречивых деталей целостный образ эпохи и личности, т.е. осуществляя диалектический синтез.

Всё это позволяет говорить о существовании в творческом наследии Карамзина целостной и зрелой методологии исторического исследования, явленной во всех основных компонентах и заслуживающей специфического обозначения «нравственного историзма». Этим, однако, характеристика Карамзина в его ипостаси историка не может считаться исчерпанной, поскольку для полноты нашего представления необходимо решить вопрос о том, какой след оставила в его научно-историческом творчестве собственно литературная грань таланта? Ведь, как

отмечалось выше, сама личность человека целостна, хотя и многогранна, следовательно, целостны и создаваемые им тексты, которые неизбежно несут в себе отпечаток общего мировосприятия автора.

Следует отметить, что вопрос о соотношении литературного и научного компонентов в историческом повествовании – далеко не праздный и выходит далеко за рамки анализа творчества Н.М. Карамзина, поскольку выходит в проблемное пространство социальных функций исторической науки, её популяризации и распространения в обществе. Сам Карамзин настаивал на необходимости яркости, выразительности в историописании. Но не в ущерб достоверности [29; 30, с. 13–22]. По словам одного из авторитетных специалистов в области методологии исторического знания, «взгляды Н.М. Карамзина – вариант наиболее реалистичного сочетания достоверности изображения с художественной формой повествования: когда одно не приносит ущерб другому и когда историописание служит и формой, и содержанием» [72; 73]. Итак: литературный стиль есть форма выражения научно-исторического содержания, не более и не менее как средство отображения действительности. В нашем случае – действительности минувшего.

Тем самым происходит сопряжение литературного повествования как формы и научного (на том уровне развития науки) описания и анализа исторического прошлого как действительности, подлежащей отображению. В результате современный исследователь творчества Н.М. Карамзина оказывается перед дилеммой выбора методологической парадигмы, кото-

рая бы помогла наиболее адекватно понять комплекс его исторических и шире – историсофских идей. Существует соблазн применения к текстам Карамзина структурализма [1], что ведёт к постмодернистскому «отделению знака от обозначаемого», то есть к искусственному отрыву авторского текста от изображаемой им действительности в духе Ф. де Соссюра [62, с. 32–35]. Но в этом случае разрушается высший смысл карамзинского творчества, тот этический пафос, который он считал важнейшим элементом в изучении истории и в изображении действительности вообще.

Гораздо более адекватной представляется парадигма классического литературоведения, которая рассматривала литературу, текст как целостный способ изображения действительности [5]; либо даже как частный случай проявления истории общественной мысли [13, с. 53]. Во всех случаях текст Карамзина предстаёт как целостное, не расчленяемое на «структуры» отображение столь же целостной, хотя и диалектически противоречивой реальности. Тогда же легко снимается мнимое противоречие между Карамзиным-литератором и Карамзиным-историком. Его произведения разных лет представляют собой путь эволюции, творческого роста, вершиной которого стала, в конечном итоге, именно «История государства Российского». Именно Карамзин как историк произвёл глубочайшее впечатление на современников, что видно, в частности, на примере творчества А.С. Пушкина, опиравшегося на текст Карамзина при создании «Бориса Годунова» [69, с. 97–112; 113–124]. Показательно, что сам Карамзин в последние годы своей

жизни говорил о себе именно как об «историографе», причём в приватной переписке [34]. Ряд современников также говорили о том, что «историк в Карамзине поглотил литератора».

Таким образом, современный мемориальный образ Николая Михайловича Карамзина предстаёт как образ творческой личности в её органическом развитии: начинал как литератор, продолжил как публицист, завершил как историк. При этом каждая последующая ступень вбирала в себя лучшие достижения от предыдущих, фокусируя и придавая лучам таланта всё более яркое выражение и направленность. Именно в этом, на наш взгляд, кроется секрет влияния и притягательности Карамзина для соотечественников вне зависимости от их принадлежности той или иной эпохе.

Багдасарян В.Э.

Художественные образы в исторических фильмах: киномифология прошлого и наука

Кино – одно из важнейших средств идеологической пропаганды. Его потенциалы связаны, с одной стороны, с использованием художественных образов, с другой, с возможностью их массового распространения. Наиболее благодатной предметной сферой для идеологической пропаганды в кинематографе выступает история. Знаменитая французская киностудия «Фильм д’ар» открыла свою деятельность с показа в 1908 г. при участии ведущих актеров «Комеди Франсез» исторического художественного фильма «Убийство герцога Гиза». Он дал начало популярному впоследствии жанру историческому фильмам «плаща и шпаги». Для разви-

тия итальянского кино принципиальное значение имела постановка в 1914 г. режиссером Джованни Пастроне фильма «Кабирия», относящегося по сюжету ко времени Второй Пунической войны. От него в мировом кинематографе пошел жанр «пеплум», выстраиваемый на основе античных или библейских сюжетных линий. Образ представленного в «Кабирии» силача-гладиатора Мациста стал типологическим для многих последующих героических персонажей. Первым художественным фильмом, снятым в Российской империи, считается постановка «Понизовая вольница», или «Стенька Разин» 1908 г. Первой русской полнометражной кинопостановкой стало документально-игровое кино «Оборона Севастополя». Исторические киноленты занимали, таким образом, пионерское положение в развитии кинематографа в целом [66].

Историческое художественное кино неизбежно будет содержать элемент мифологизации. Создатель фильма домысливает то, что отражено в исторических источниках, которые не могут, ввиду ограниченности информационного объёма, точно воспроизводить всю полноту прошлого, во всех его деталях проявлениях. Миф в данном случае не означает исторической фальсификации. Речь идет, во-первых, о передаче информации о прошлом через аккумулятивные по отношению к нему художественные образы. Именно так – через мифы осуществлялась передача информации в рамках традиционного общества. И этот формат трансляции при переходе к более высоким фазам социогенеза сохраняет свою актуальность [7, с. 76–124; 36; 48; 85; 87].

Во-вторых, миф героизирует историческое изложение. Он сосредоточи-

вается на героических проявлениях и отбрасывает повседневное, выводит за скобки рутинный поток реальной жизни. Следствием применения такой методики является спрессованность в мифе исторического времени. Историческая хронология и мифологическое время принципиально различны. Время в кинематографе подобно мифологическому времени. Посредством монтажа реальная хронология в историческом фильме превращается в героико-мифологический нарратив.

Может возникнуть вопрос – не являются ли в таком случае исторические фильмы заведомо исторически недостоверными? И да, и нет. Весь вопрос – искажает ли киноверсия истории суть исторического процесса, доминирующие характеристики эпох. Обратимся к прославленному советскому фильму 1938 г. «Александр Невский» – художественный вымысел в нем налицо. Самая известная режиссерская выдумка – ведра, надетые в качестве особых шлемов на головы рыцарей. Скрывая человеческие лица, режиссер добивался эффекта расчеловечивания образа крестоносцев. Кульминацией сражения на Чудском озере преподносился, по версии С.М. Эйзенштейна и Д.И. Васильева, поединок Александра Невского с магистром рыцарского ордена. Ничего подобного исторические источники, относимые к «Ледовому побоищу» не сообщают. По-видимому, сюжет о единоборстве новгородского князя был взят режиссером из описания Невской битвы. К тому же он приукрашивался отсечением Александром Невским рога с шлема магистра (парафраз поверженного дьявола). Но можно ли считать, что С.М. Эйзенштейн и Д.И. Васильев

фальсифицировали историю тринадцатого столетия? Консультантами при создании фильма выступали выдающиеся отечественные историки – А.В. Арциховский, Ю.В. Готье, Н.П. Грацианский, А.А. Савич, М.Н. Тихомиров. Обвинять создателей кинокартины при таком экспертном сопровождении невозможно. Художественный вымысел, естественный для всякого исторического фильма, не подрывал общего понимания сущности протекавших исторических процессов (во всяком случае, их интерпретации в рамках советской историографии того времени) [27].

Ну, а мотивационное значение кинокартины, несомый ею патриотический заряд – очевидны. Характерно, что на учрежденном в 1942 году для награждения командного состава Красной Армии Ордена Александра Невского помещалось изображение не новгородского князя, а исполнителя главной роли в фильме Николая Черкасова. Вряд ли такой мотивационный эффект, который был достигнут художественными средствами, был достигим посредством академического исторического нарратива.

Учебная литература также зачастую уступает в своих возможностях возможностям кино. Современный социологический мониторинг позволяет диагностировать, что прививаемые с начала 1990-х гг. учебниками «соросовской генерации» новые интерпретации образов прошлого не были восприняты большинством населения. Историческое сознание народа по-прежнему выстраивается на матрице советских кинофильмов. По отдельным персоналиям оценки большинства общества и современных учебников оказываются

не просто различны, а диаметрально противоположны.

Историческая мифология является (и во все времена являлась) важной составной частью идеологии. Соответственно, и построенное по модели мифа историческое кино встраивается, как правило, в те или иные идеологические системы. Кинематограф – дорогостоящая индустрия. Особенно он оказывается затратен при съемке исторических кинолент, требующих визуального создания подобий прошлого. Соответственно, создание исторических кинокартин оказывается, как правило, связано с государственным заказом. Государство через фильмы о прошлом позиционирует желаемый для себя идеологический образ. За героикой исторических кинокартин их идеологическая подоплека не всегда различима для зрителей. Но при соответствующей научной деконструкции наличие идеологической схемы идентифицируется более четко, чем в большинстве других направлений культуры.

Рассмотрим образы исторических фильмов в преломлении к идеологическому месседжу по опыту США и России.

На американскую государственную пропаганду во все времена своего существования работала система Голливуда. Голливудскую кинопродукцию всегда особо была акцентирована на создании образов героев-победителей. Исторические фильмы имели в решении этой задачи приоритетное значение.

Принципиальное значение для подъема расизма и распространения ку-клус-клановского движения в США сыграл фильм «Рождение нации» режиссера Д.У. Гриффита 1915 г. Истори-

ческая канва повествования – Гражданская война в Соединенных Штатах и убийство президента А. Линкольна, переходит в вымышленный сюжет в жанре утопии. В условиях номинированной демократии, по сценарию фильма, в американском обществе устанавливается фактический диктат черных. Белые подвергаются дискриминации, в том числе в избирательном праве, становятся жертвами негритянского террора. Для защиты белых создаются ку-клус-кланы, которые в жестокой борьбе побеждают и восстанавливают утраченную идиллию. Характерно, что кадры победной скачки кукуклусклановцев сопровождались музыкой Р. Вагнера из «Полета валькирий», и германские нацисты не были, таким образом, первыми из правых, принявших ее в качестве символа правого движения. Кинокартина была воспринята в американском обществе как вполне легальная и в идейном плане – передовая. Фильм принес его создателям огромные дивиденды. По распоряжению президента Вудро Вильсона его просмотры были организованы в Белом Доме. Позиционирование в качестве либерального идеолога не помешало ему поддержать ультра-расистскую постановку. С созданием звукового кино фильм «Рождение нации», уже в озвученной версии, вновь вышел в прокат. При этом, к примеру, во Франции прокат фильма был запрещен цензурой [38].

Преимущественно средствами кинематографа был создан мифологизированный образ американского ковбоя – героя многочисленных вестернов. Ковбойские фильмы стали создаваться в Голливуде с 1898 г. Первым же классическим киновестерном о ковбоях

считается фильм «Большое ограбление поезда» (1903 г.) [42, с. 43–47]. Ковбой со временем стал одним из национальных символов Америки. Представляя низшие социальные страты американского общества («простого парня»), этот образ имел принципиальное психологическое значение для профилактики аномии, усиливающейся в США в периоды кризисов (особенно времени «великой депрессии»). Действительный же американский ковбой – пастух, но далеко не воин, существенно типологически расходился с мифологическим образом, созданным американским кинематографом [35].

Устойчивой пропагандистской функцией американского исторического кино являлось художественное проигрывание сценариев победы США над ее внешними противниками. Представители сообществ, относящихся в тот или иной период к врагам США, преподносились в ролях злодеев, персонажей с отрицательной коннотацией. Американские герои должны неизменно их побеждать. Соединенные Штаты, как известно, потерпели поражение во Вьетнаме. Однако Рэмбо – супер-герой в исполнении Сильвестра Сталлоне, побеждает вьетконговцев, беря своеобразный кино-реванш за реальное поражение. Феномен рэмбомании в США идеологически соотносился с пришедшейся на президентство Р. Рейгана нового подъема темы американской имперскости.

Значительное место в США отводилось кинофильмам в идеологической борьбе против Советского Союза. Еще в январе 1920 г. «Нью-Йорк Таймс» сообщала о соглашении, заключенном между американским правительством и руководством киноиндустрией, о

создании кино, направленного против большевизма. Череда голливудских фильмов антисоветской направленности не прерывалась за все время идеологического противостояния СССР Западу. В 1920-е гг. выходят кинокартины «Красный смерч», «Разоблаченная Красная Россия», «Шпион»; в 1930-е гг. – «Товарищ Ниночка», «Мир и плоть»; в послевоенное время – «Иди и убивай!», «Анастасия», «Маньчжурский претендент»; в период Карибского кризиса и позже – «Красный ад», «Мы похороним вас!», «Семь дней в мае»; на предперестроечном этапе – «Рэмбо», «Красный рассвет», «Америка» «Вторжение в США».

И после распада СССР негативизация исторического образа России в американском кинематографе продолжилась. Русская историческая тема в Голливуде представлена в соответствии с идеологической матрицей варварства, несвободы, всевластия спецслужб, криминального беспредела.

Выход в прокат в США фильмов «300 спартанцев» (2007 г.) и его продолжения «300 спартанцев: Расцвет империи» (2014 г.) определенно, посредством исторических ассоциаций, формируют нового современного врага «свободного мира» – «тоталитарный Восток». Греки, по сценарию фильмов, борются против персов во имя идеалов свободы и демократии. Свободолюбие – их главная сила. Пусть персы боятся свободы греков – говорят герои фильма фактически на языке современных западных либеральных идеологов. У греков, вопреки исторической достоверности, отсутствуют рабы, что, очевидно, противоречило бы создаваемому образу. Тема греческого рабовладения вообще не поднимается.

Отсутствует при представлении спартанского общества и упоминание илотов. Зато в презентации образа персов тема рабства, отношения раб – господин является центральной. Персы кровожадны, вероломны, сребролюбивы. Их воины, идущие в бой в демонических масках, предстают как не вполне люди. Торжество греков показано наглядно в качестве обращенного к нашему времени торжества Запада.

«Хорошая картина стоит нескольких дивизий», – говорил И.В. Сталин в самые напряженные дни Великой Отечественной войны [57, с. 49]. Он говорил это тогда, когда любой батальон, не то что дивизия, ценился на вес золота. Давая такую оценку, Сталин понимал, о чем говорил. Кино рассматривалось им в качестве важнейшего из современных средств ведения пропаганды и мотиватора народа на свершения. Не единожды он ссылаясь на ленинский тезис, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино». Уже на XIII съезде РКП (б), первом после смерти Ленина, в отчетном докладе ЦК Сталин говорил об особой агитационной силе кинематографа. «Кино, – развивал он ленинский тезис, – есть важнейшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки» [75, с. 217]. Особая роль в этой агитации отводилась историческим фильмам. Такая агитация была особо глубокой, поскольку велась не прямым образом, а через закладывание образных матриц восприятия народом прошлого.

Каким образом художественные исторические образы в кинокартине могут нести актуальный политический заряд, дает представление уже упоминаемый выше фильм «Алек-

сандр Невский». Все главные на момент создания фильма противники СССР получили в нем соответствующее историко-ассоциативное отображение. Немецкие рыцари выступали в качестве олицетворения направленного против Советского Союза вооруженного кулака Запада. Фашизм позиционировался как порождение международного империализма, равно как рыцарские ордена – порождение западноевропейского средневекового экспансионизма. Клин идущих в атаку на Чудском озере псов-рыцарей должен был вызывать у зрителей ассоциации со стальной машиной вермахта. Рыцарей, согласно видеоряду фильма, направляли в бой стоящие за их спинами духовные чины католической церкви. При преломлении к современной политике это вызывало ассоциации с политическими кругами западных демократий, подталкивающих агрессию новых тевтонов на Восток. Премьера кинокартины «Александр Невский» состоялась в конце 1938 г., и контекст «Мюнхенского сговора» сказывался вполне определенно. В фильме более благожелательное отношение, в сравнении с рыцарями, демонстрировалось к кнехтам, подчеркивалась их подневольность. Кнехты при переводе на современный политический язык обозначали европейских пролетариев, принуждаемых империалистами к войне.

Японско-маньчжурская угроза с Востока представлялась в кинокартине через ассоциацию с монгольским политическим фактором. С первых же кадров кинокартины проводилась мысль, что восточная угроза по степени опасности для Руси вторична в сравнении с агрессией, идущей с Запада.

Это соответствовало геополитическим реалиям, сообразно которым опасность, исходящая от Германии, рассматривалась более весомой, нежели от Японии. В уста Александру Невскому вкладываются слова, что, победив вначале противника на Западе, Русь затем обратится для борьбы с врагами на Восток. Присутствовали в фильме и роли внутренних врагов – предателей, презентуемых через образы псковского воеводы Твердилы (военачальник) и его подручного – «черного монаха» (представитель Церкви) [40].

Борьба с внутренней крамолой акцентировалась в другом историческом фильме сталинской эпохи – «Иван Грозный». Кинокартина задумывалась первоначально в качестве трилогии. В первой серии предполагалось сделать акцент на борьбе с противниками на Востоке. О второй серии С.М. Эйзенштейн писал Сталину, что она «внутримосковская и сюжет ее строится вокруг боярского заговора против единства Московского государства и преодоления царем Иваном крамолы» [57, с. 73]. Финальную же часть трилогии предполагалось сфокусировать на Ливонской войне, то есть борьбе с противником на Западе. Через художественный ряд кинокартины раскрывались, таким образом, три актуальные выражения образа врага – восточного, внутреннего и западного. Заключительная серия должна была завершиться разгромом Ливонии, трагической смертью царского соратника Малюты Скуратова, походом государства к Балтийскому морю. Финальным аккордом, согласно сценарию, должны были стать слова Ивана Грозного, перекидывающие мост к Петру I: «На морях стоим и стоять будем!» [86].

Исторические фильмы конца 1930-х – начала 1950-х гг. внесли значимый вклад в происходящий в эти годы сталинский поворот в трактовке истории. Создаваемые в кинокартинах художественные образы быстрее и эффективнее в плане пропаганды, в сравнении с научной и учебной литературой, работали в направлении восстановления преемственности отечественной истории, ломки русофобских схем, соотносимых с школой М.Н. Покровского. Именно в эти годы выходят такие исторические фильмы, как «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Кармелюк» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941), «Первопечатник Иван Федоров» (1941), «Кутузов» (1943), «Иван Грозный» (1945), «Адмирал Нахимов» (1946), «Адмирал Ушаков» (1953) [6]. Если в прежней постреволюционной идеологии монархии и представители правящих сословий определялись однозначно в качестве классового врага, то в сталинском историческом кино многие из них уже позиционируются как национальные герои.

Российское государство в последнее время также широко поддерживает создание исторических фильмов. Они, по своему замыслу, должны использоваться, прежде всего, как средство патриотического воспитания. Сам по себе факт обращения к историческим художественным образам посредством кино заслуживает поддержки. Однако на этом пути допускаются серьезные промахи. В фильмах, посвященных Великой Отечественной войне, характерным драматическим приемом явилось противопоставление образа человека и государственной власти.

Этот прием ранее использовался активно в критике СССР со стороны его геополитических противников (в том числе и во время Второй мировой войны). Получивший большой информационный резонанс фильм «Викинг», посвященный Владимиру Крестителю, уже самой викингской темой пролонгирует норманнскую теорию генезиса русского государства и даже усиливает ее. Данный подход противоречит взятому сейчас за основу учебной версии точки зрения о славянских основаниях государствогенеза. Конечно, и норманнская версия имеет своих сторонников в историографии. К ним относится, в частности, главный консультант фильма В.Я. Петрухин [64]. Но нельзя же в рамках единой государственной исторической политики руководствоваться одновременно противоположными в историографической дискуссии концептами.

Кино сегодня прочно вошло в жизнь человека и формирует в значительной мере его сознание. Исторические кинообразы задают визуальную матрицу восприятия образов прошлого. Соответственно, принципиально важно, чтобы создаваемые посредством кино исторические художественные образы соотносились бы с национальной исторической наукой.

В.В. Бруз

Познавательная функция языка в историческом исследовании

Язык представляет собой сложную многостороннюю, многоуровневую систему. При этом он выступает в качестве важнейшего инструмента человека. С помощью языка происходит наше общение, приём и переда-

ча информации. Процесс мышления, протекающий в словесной форме, непосредственно связан с языком и познавательной деятельностью. Благодаря языку происходит сохранение информации на протяжении человеческой истории. Выполняет язык и целый ряд других функций. Наряду с коммуникативной (общения) и аккумулятивной (хранения информации) функциями, важнейшей является познавательная функция.

Без языка историческое исследование невозможно. С помощью языка автор имеет возможность не только отразить содержание своей работы, но и представить результаты завершённого труда научному сообществу, читателям. Однако следует учитывать, что язык, как отмечалось выше, это инструмент. И здесь большое значение имеет то, насколько хорошо исследователь владеет этим инструментом. Так, скрипка в руках маэстро рождает прекрасную музыку, вызывающую восхищение слушателей, а звуки, извлекаемые из этого же музыкального инструмента дилетантом, вызовут, мягко говоря, другие эмоции.

Хотя жёстко регламентирующих правил научного языка не существует, тем не менее сложилась определённая традиция.

Вопросы, связанные с языком исторического исследования, возникли в далёком прошлом. Ещё во времена античности велись дискуссии о соотношении между «историчностью» и «художественностью» в историческом труде. Об этом можно судить по дошедшим до нас трактатам. Так, древнегреческий писатель Лукиан Самосатский, на основании анализа ряда работ историков, очевидно, переполненных

высокопарной речью, пришёл к выводу: «Пусть всё-таки язык историка не возносится над землей. Его должны возвышать и уподоблять себе красота и величие самого предмета. Он не должен искать необычных предметов и некстати вдохновляться – иначе ему угрожает опасность выйти из колеи и быть унесённым в безумной поэтической пляске. Надо повиноваться узде, быть сдержанным, памятуя, что «высоко парить» опасно и в речи. Лучше, когда мысли мчатся на коне, а язык следует за ними пешком, держась за седло и не отставая при беге» [52, с. 207].

На литературном аспекте исторического исследования акцентируют внимание и некоторые современные авторы. Так, по мнению историка А.Я. Гуревича, история есть рассказ. Результаты исследования организуются историком в связное и законченное повествование. Собранные и обработанные им данные группируются таким образом, что возникает то, что можно назвать «интригой». Вольно или невольно, историк ведёт себя подобно писателю: он создает сюжет, которому в той или иной мере подчинены все собранные им данные. Даже в тех случаях, когда историк стремится быть максимально точным в интерпретации событий, они неизбежно, может быть, помимо его намерений, превращаются в элементы фабулы, в которой различимы завязка, кульминация и развязка [18].

О первостепенной важности художественной составляющей исторического исследования говорит и профессор А.Н. Нечухрин. По его мнению, «рядовой читатель скорее простит недостатки научной доказательности, чем отсутствие литературного обра-

жения. Не случайно большинство великих работ обладает литературной ценностью» [70, с. 233]. Однако историческое исследование адресуется в первую очередь всё же научному сообществу.

Безусловно, труды выдающихся историков не только написаны хорошим литературным языком, но и обладают несомненными художественными достоинствами. Однако не все историки – выдающиеся. Тем не менее, если мы говорим о языке исторического исследования, то речь идёт, прежде всего, о современном литературном языке. А это означает, что исследователь, в отличие от известного персонажа из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова – Элочки-людоедки, должен иметь богатый словарный запас, владеть фразеологией, знать орфографию и особенности словообразования, грамматики и пунктуации. Причём этим инструментарием необходимо активно пользоваться.

Вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых авторов о том, что порой «... за косноязычием и неспособностью правильно высказать свою мысль скрываются действительно высокие знания и аналитические способности» [25]. В таких случаях, как правило, речь идёт о дислексии и дисграфии (неумении изложить связно какие-то мысли в устном и письменном виде). Такая проблема действительно существует.

В этой связи хотелось бы обратиться к материалам международного исследования, которые приводит писатель, публицист О.Н. Верещагин. В исследовании представлены результаты проводимой в нашей стране реформы образования. Эти результаты

свидетельствуют о том, что даже среди выпускников средней школы растёт функциональная неграмотность (неумение понять прочитанный текст средней сложности), дислексия и дисграфия. Если в начале 1980-х гг. в Советском Союзе функционально неграмотные выпускники школ составляли 0,5%, а тех, кто не умел связно излагать мысли было 4%, то в 2007 г. в России их количество возросло соответственно до 21% и 19% [12]. Ещё более ухудшило и без того кризисную ситуацию, введение с 2009 г. в школах всеобщей сдачи единого государственного экзамена (ЕГЭ). Отказ от устных экзаменов и сочинения «избавили» школьника от необходимости развивать навыки разговорной речи и умения письменно излагать мысли. Результатом этого «реформистского» подхода стало то, что, по словам председателя комитета Государственной думы РФ по образованию В.А. Никонова, даже у студентов МГУ есть проблемы с формулированием своей мысли, с устным изложением и письмом [14]. Вячеслав Алексеевич считает, что сам он научился писать, когда писал сочинения.

Сочинение в школу вернули. Однако первые итоги, подведённые участниками Всероссийского совещания преподавателей проходившего в августе 2016 г., показали, что никто из школьников сочинение не написал, в том смысле, как его следует писать, как писали сочинения те же самые преподаватели, будучи учениками [59].

Это свидетельствует о кризисном состоянии, в котором оказалось наше образование. Конечно, не все школьники поступают в вузы и не все студенты становятся учёными-историками, однако умение логично и грамотно

излагать мысли является необходимым условием для любого культурного человека, тем более исследователя.

На это обращали внимание ещё во времена античности. Так, древнегреческий писатель Лукиан подчёркивал, что для написания истории необходимо обладать умением излагать, которое «... достигается в значительной степени упражнениями, непрестанным трудом...» [52, с. 202]. Иными словами, историческое исследование необходимо писать понятным для любого читателя языком. Умение это достигается долгой и кропотливой работой.

В средние века, как отмечает профессор А.Я. Гуревич, к числу «мудрых» относили прежде всего тех, кто обладал обширной памятью и в случае необходимости мог связно воспроизвести её содержание [18]. Здесь необходимо уточнение, поскольку само по себе наличие хорошей памяти и умение логично излагать не всегда является свидетельством мудрости. Вероятно, под «мудрым» в данном контексте понимается культурный, образованный человек.

Язык исследования отражает идеологические воззрения, общую, в том числе и языковую культуру автора. Одной из отличительных особенностей научной работы является формально-логический способ изложения, предполагающий анализ, синтез, сравнение и обобщение. Научный труд, подобно мозаике, состоит из многочисленных фрагментов, каждый из которых исследователь выстраивает в определённой последовательности, решая поставленную задачу. Рассуждения направлены на аргументированное обоснование авторской точки зрения, сформулированной в виде тезиса. Од-

нако для того, чтобы к завершению исследования из фрагментов возникла общая законченная историческая картина, необходимо учитывать, в том числе, и сложившиеся лексические и синтаксические особенности научного языка.

Одним из важных компонентов языка исторического исследования, как справедливо считают многие авторы, является его лексическая, фразеологическая и синтаксическая *точность* [41, с. 254; 73, с. 201]. Однако не только целенаправленный выбор слов и выражений, расстановка знаков препинания обуславливают точность языка исследования. Вспомним классическую фразу: «казнить нельзя помиловать». Не следует упускать из виду также и значение грамматических конструкций, поскольку нарушение норм связи слов во фразе ведёт к непониманию или двусмысленности. Наряду с точностью, иногда выделяется и такой близкий с ней компонент языка исторического исследования, как *ясность*. Так, древнегреческий писатель Лукиан считал, что историку следует «как можно яснее и нагляднее представить дело, не пользуясь ни непонятными и неупотребительными словами, ни обыденными и простонародными, но такими, чтобы их понимали все, а образованные хвалили» [52, с. 207]. Эти положения, высказанные почти две тысячи лет назад, сохранили актуальность и по-прежнему важны для исследователя.

Профессор Н.И. Смоленский акцентирует внимание на таком компоненте языка исторического исследования, как *гибкость*, которая позволяет выражать всевозможные нюансы мысли и действия. Гибкость

рассматривается как отличительное качество языка, которое представляет собой особый сплав рационального и эмоционального [73, с. 201]. Несомненно, наряду с ясностью, наглядностью, точностью и гибкостью являются важными и необходимыми составляющими познавательной функции языка исследования.

В тоже время некоторые авторы полагают, что особенностью языка исторического исследования является отсутствие *образных средств* (эпитетов, метафор, поэтических символов, художественных сравнений, гипербола и т. п.) и *эмоциональной окрашенности* текста [25]. С таким утверждением вряд ли можно согласиться. Хотя язык исторического исследования и предполагает использование формально-логического метода, делающего текст прагматичным, это отнюдь не исключает применение художественных средств выразительности. Более того, как справедливо отмечает профессор Н.И. Смоленский, именно они помогают сделать характеристику исторического лица или события ярким, метким, сравнение – образным, сочным [73, с. 201]. В качестве примеров, подтверждающего справедливость этого утверждения, можно привести Н.И. Костомарова, назвавшего свой труд «Смутное время Московского государства», Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», А.А. Зимина «Витязь на распутье», В.В. Мавроди-на «Рождение новой России», В.П. Данилова «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание». В данных случаях эмоциональная окраска названий определённым обра-

зом характеризует исторический период и отношение к нему автора.

Ещё одним компонентом языка исторического исследования является *краткость*. Не случайно фраза А.П. Чехова: «краткость – сестра таланта», стала крылатым выражением. Действительно, наряду с точностью и ясностью, краткость языка исторического исследования свидетельствуют об уровне культуры автора. Громоздкие сложносочинённые, сложноподчинённые предложения, перегруженные причастными, деепричастными оборотами серьёзно затрудняют восприятие текста. Это относится и к неоправданной детализации и необоснованным повторам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что познавательная функция – язык исторического исследования играет весьма важную роль. Язык исследования должен соответствовать требованиям современного литературного языка, при этом автору следует стремиться избегать многословия, употребления лишних слов, чётко, ясно и кратко формулировать мысли. Художественные средства выразительности также должны быть в арсенале исследователя, позволяя более наглядно и выразительно представить характеризуемый объект. Однако при их использовании автору не должно изменять чувство меры.

Смоленский Н.И.

Заключительное слово

Началом постановки проблемы соотношения образно-художественного и научно-исторического мышления является тезис Аристотеля об историческом познании, как разновидности

риторики, т.е. художественного жанра. Для своего времени этот тезис имел определенную опору в том, что творчество, особенно в первичной его форме мифотворчества, возникло значительно раньше появления исторической науки в качестве самостоятельного жанра. Впрочем, и на заре ее существования в трудах Фукидида (ок. 460–400 до н.э.) было сформулировано то, что стало ее постоянным отличительным признаком от художественного творчества во всех его жанрах – требование истины. Причем, стержнем ее понимания было отсутствие вымысла в изображении действительности и требование соответствия смысла и конкретного содержания повествования о ней тому, что было в реальности на самом деле. Был сформулирован и способ достижения истины – отказ историка в ходе изображения действительности от любой личностной позиции и оценки изображаемого. Таким образом, в профессиональной древнегреческой историографии было сформулировано до Аристотеля свое, существенное иное и более важное, чем у него, понимание сущности исторического познания. Это, однако, не означает, что тезис Аристотеля выглядел на этом фоне ошибочным во всем объеме своего содержания: в нем прослеживается первоначальный по времени и смыслу вариант постановки проблемы, без решения которой не обходилась и не может обойтись ни одна область познания, сформировавшаяся с его развитием в качестве самостоятельной отрасли исследования, как научной дисциплины: каково ее место среди других научных дисциплин и ее соотношение с образно-художественным отображением действительности.

Последнее есть то, что является важной теоретической и конкретно-исторической проблемой исторической науки сегодня. Решение этой проблемы неоднозначно и выглядит в научной литературе, по крайней мере, в двух вариантах.

В одном варианте считается ошибочным такое понимание соотношения образно-художественного и рационально-понятийного мышления, согласно которому первое связывается с искусством, а второе – с наукой и частично с философией. В противоположность этому выдвигается тезис, согласно которому чувственно-образное и понятийное мышление не существует «в чистом виде», как и не существует какого-либо изолированного признака, присущего только искусству [2, с. 125]. Согласно этой точке зрения, человек обладает единым мышлением, которое представляет собой единство всех познавательных функций. Вместе с тем признается, что это не противоречит тому, что в мыслительной деятельности как в сфере науки, так и в сфере искусства, используются разные по типу средства отображения реальности – понятия, чувственные образы и т.д. Признается, далее, необходимость определения структурных различий искусства и науки, хотя решать данную проблему следует не путем «разведения» образно-метафорического и рационально-понятийного мышления, соотнося первое с искусством, а второе – с наукой. В чем же, согласно этой точке зрения, заключается их единство? В том, что и наука, и искусство, и философия опираются в основном на одни и те же психические способности [2, с. 123]. Странно, что, признавая различия научного понятия

и художественного образа, цитируемый автор объединяет их в единый тип отображения действительности; различие ведет к единству – это не логика мышления, а уход от неё. Еще более странно то, что конечной причиной этого единства он считает одни и те же психические способности, т.е. то, что определяется физиологией человека. На самом деле, в физиологии кроется тайна только одного – почему были Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов, О. Бальзак и др., но не все были таковы. Но даже если этот аргумент вывести из числа доказательств ввиду его грубой ошибочности, другой, то есть обоснованной аргументации в пользу тезиса о единой природе образно-понятийного и художественного постижения действительности нет: научно-художественного жанра до сих пор не существует, имеющиеся результаты научного поиска и художественного творчества обязаны своим происхождением не этому жанру – что, впрочем, не всегда очевидно и требует порой обоснования, – а развитию науки и художественного творчества в каждом случае.

Другой вариант представлений о соотношении художественно-образного и научного постижения реальности является по основной сути своего содержания противоположностью изложенного. Соотношение искусства и науки выступает в нем в виде синкретизма – сочетания методов науки и искусства в одном творческом процессе, когда научное исследование сопровождается художественным освоением мира, а художественный поиск переплетается с познавательным поиском [77, с. 211]. Это переплетение имеет место в науке и искусстве, что, однако,

не означает поглощения одного другим или их слияния в нечто третье – научно-художественное. Не угасание одного в другом и не переход в нечто промежуточное, а взаимное дополнение с опорой на их самостоятельность и независимость: наука остается наукой, а искусство – искусством.

Не противоречит ли это, однако, тому, что в реальном мире науки и искусства было – что не ушло в прошлое и не стало неповторимым – сочетание этих видов творчества в одном лице? Это сочетание имеет место в творческом наследии Омара Хайяма (XI в.), Леонардо да Винчи (XV–XVI в.), В. Гете, М.В. Ломоносова, из наших близких по времени соотечественников – у А.Л. Чижевского, исследователя природы, поэта, художника. Причины, остающиеся тайной этого сочетания, кроются, не поддаваясь расшифровке способами художественного или научного творчества, в природном даре их таланта и ума. Следовательно, сочетание в одном лице ученого и представителя искусства и, что главное в этой связи – результаты их творческих усилий в той и другой области, не говорит о тождестве, слиянии этих жанров. Тем более, отсюда не вытекает также обоснованность их противопоставления.

Рассмотренные варианты трактовки проблемы соотношения художественно-образного и научного постижения действительности не исчерпывают всего многообразия взглядов в этой области, однако более полный, а тем более исчерпывающий их анализ не входит в задачи круглого стола. Следует лишь отметить, что они не в равной мере характеризуются степенью адекватности выводов и оценок в трактовке проблемы; в ходе дальнейшего анализа

в качестве одной из его основ следует отдать предпочтение варианту синкретизма с изложенным смыслом этого понятия. Однако и этого недостаточно для дальнейшего анализа проблематики круглого стола. Составной его частью является анализ проблемы соотношения художественно-образного и научно-исторического постижения действительности, как некой составляющей научного варианта в целом.

В научно-исследовательской литературе проблема соотношения образно-художественного и научного вариантов постижения действительности рассматривается, как правило, без какой-либо расшифровки варианта научного мышления, то есть в целом. Этот подход не может быть достаточным для выяснения точного смысла соотношения образно-художественного и научно-исторического постижения действительности. Научно-историческое познание обладает своеобразием в структуре научного мышления в целом, что с неизбежностью накладывает свой отпечаток и на его соотношение с образно-художественным отображением одной и той же реальности – исторической действительности; особенность этого соотношения порождается свойствами последней в качестве предмета исторического познания по сравнению с предметами естественных наук независимо от их конкретных особенностей в каждом случае. Однако в анализе соотношения образно-художественного и научного постижения действительности в целом особенности исторического познания, как правило, не только не учитываются, но и само познание здесь практически лишь подразумевается, как некая составляющая.

Реальный ход развития исторического познания свидетельствует совсем о другом – об огромной научной актуальности проблемы соотношения истории и естественных наук, что нашло свое выражение в формировании двух вариантов представлений на этот счет. Первый связан с научной деятельностью и взглядами представителей рационализма XVII в., рассматривавших естественнонаучное мышление, прежде всего, физику в качестве стандарта, по отношению к которому историческая наука выступала в качестве «социальной физики». Немецкая неокантианская философия конца XIX в., напротив, противопоставляла области естественнонаучного и исторического познания. Противоположность этих взглядов объединяет их сходство – научная необоснованность, вследствие чего научно обоснованным, хотя и в самом общем виде, является вывод о недопустимости их отождествления, как и противопоставления.

Далее, выделение исторического мышления из общей структуры научного мышления познания в связи с анализом соотношения слова-понятия и слова-образа необходимо еще и ввиду несовместимости различных вариантов естественнонаучного языка и языка историка. Их разница и несовместимость неустраима и уходит глубокими корнями в различие предметов исследования. Язык формул и уравнений в самых разных вариантах четко специализирован и лишен всякой неопределенности в отношении того, кто этим занимается и чему это служит. Язык историка – это также оружие и средство познания вполне определенной специальности по ее предмету, однако, результаты этого

познания являются не просто сферой профессии историка, но имеют прямое отношение к формированию сознания человека как вида, а не представителя какой-либо, в данном случае – любой, специальности. Они являются составной частью индивидуального человеческого познания, связи времен – прошлого, настоящего и будущего; без наличия этой связи индивида в отдельности и общества в целом как нормы бытия не существует. Образ «маугли» является художественным выражением этого небытия. Место и роль исторического познания в формировании индивида как части общества – речь не идет о сфере исторического исследования или обучения во всех его видах – несопоставимы ни с одной из дисциплин естественнонаучного познания или даже по отношению к нему в целом. Средством распространения исторического знания во всех сферах человеческого бытия является язык историка, в который входят в качестве его составляющих элементы разговорной речи и литературный язык эпохи. На этой основе возникает проблема стиля исторического исследования, что вообще не имеет никакого отношения к языку естественнонаучных дисциплин.

Таким образом, фундаментальное различие в предметах исследования в естественнонаучном и научно-историческом познании с неизбежностью сопровождается столь же фундаментальной разницей в механизме мышления, его языке, что переносится и на характер соотношения научного и художественного вариантов осмысления действительности в обоих случаях. В частности, жанр научной фантастики в наибольшей степени выражает в

художественной форме область естественнонаучного мышления, по отношению к которой был сделан целый ряд реализованных впоследствии прогнозов. Это – Ж. Верн «От Земли до Луны» (озвучена идея полета человека на Луну); Ж. Верн «Флаг родины» (идея самонаводящихся ракет); Г. Уэллс «Война миров» (тепловой луч, прообраз лазеров); Г. Уэллс «Освобожденный мир» (атомная бомба, идея производства синтетических продуктов питания) и др.

Одним словом, распространенный вариант анализа проблемы соотношения образно-художественного и научного – в целом – постижения действительности без расшифровки последнего с учетом наличия в нем предметных особенностей дисциплин является недостаточным для расшифровки соотношения образно-художественного и научно-исторического постижения действительности. В этом отчасти и отличие постановки и анализа данной проблемы в рамках круглого стола, где основой анализа являются литературно-художественные тексты, тексты исторических исследований и другой материал. В каждом случае анализа важен конечный результат анализа, который выражается не только в оценке взглядов авторов текстов (или их фрагментов: структуры языка, научные речи и т.д.) но и в оценках и выводах самих участников круглого стола, которые выражают их взгляды по его проблеме. Эти позиции не однозначны и объединяются в две разновидности мышления с их особенностями. К первой относятся: а) поиск образного в научном (Т.А. Алпатова, Н.В. Халикова) б) поиск научного в образном (В.В. Леденева). Очевидна обо-

снованность отнесения этих взглядов, с учетом их некоторого своеобразия, к ранее изложенному варианту синкретизма – сочетания приемов науки и искусства в одном творческом поиске. В каком соотношении выступает это сочетание? «Образность обладает эффектом усиления критерия истинности» (Н.В. Халикова). «Чем более (предмет) ...приближен к человеку... тем более в научном стиле имеет значение образность...» (Н.В. Халикова). Еще более значимой выглядит роль образного начала в научных исследованиях Н.М. Карамзина в связи со следующей по отношению к его работе «Письма русского путешественника» постановкой вопроса: «...насколько образный потенциал «революционного сюжета» книги мог быть не только формой представления, но и механизмом постижения истории?» (Т.А. Алпатова). Автор проявляет должную основательность мышления, ограничиваясь в качестве ответа на данный вопрос утверждением о необходимости для этого изучения системы карамзинского повествования.

Другие участники круглого стола отстаивают несколько иную позицию по обсуждаемой проблеме. В самом общем виде смысл этой позиции заключается в том, что в соотношении образно-художественного и научно-исторического постижения действительности существенно больше разницы, чем близости и взаимодействия в постижении исторической действительности. Наиболее отчетливо суть этой позиции выразил А.Э. Ларионов: «...литературный стиль есть форма выражения научно-исторического содержания, не более и не менее как средство отображения действитель-

ности». Дополнением к этому является позиция другого участника круглого стола: «Одной из особенностей научной работы является формально-логический способ изложения, предполагающий анализ, синтез, сравнение, обобщение... Однако для того, чтобы к завершению исследования из фрагментов возникла общая законченная историческая картина, необходимо учитывать, в том числе, и сложившиеся лексические и синтаксические особенности языка» (В.В. Бруз). В.Э. Багдасарян в связи с анализом проблемы художественного образа действительности в киноискусстве приходит к вполне обоснованному выводу о том, что вымысел – не обязательно фальсификация действительности, а эффект художественного изображения – приводится в этой связи конкретный пример, хотя это имеет общее значение – вряд ли достижим средствами исторического нарратива. Это несколько иной вариант трактовки соотношения образно-художественного и научно-исторического постижения действительности, чем изложенные ранее взгляды на соотношение образно-художественного и научного в целом: в нем образно-художественное и научно-историческое не выступает в качестве взаимодополняемости. В научно-историческом есть образное, но их природа различна.

Образно-художественное осмысление исторической действительности в качестве самостоятельного жанра – художественная литература и т.д. – располагает в виде своего результата в тех или иных случаях такой картиной изображаемого, которая по глубине проникновения в его суть и мере адекватности результата изображения не

уступает результатам научно-исторического анализа или даже превосходит их. Показательно в этой связи признание Ф. Энгельса по поводу романов О. Бальзака с их художественным изображением жизни французского общества первой половины XIX в.: эти романы дали Энгельсу гораздо больше для понимания социально-экономических и иных условий этого общества, чем книги всех вместе взятых специалистов – историков, экономистов и т.д. [72, с. 36]. В этом – глубина и мощь проникновения в изображаемое художественного образа в качестве самостоятельного жанра художественной литературы.

Однако этого свойства художественного отображения действительности в рамках научно-исторического исследования не существует. Ведущую роль здесь играет не образ – понятия художественный образ в языке историка нет и быть не может, – а научное понятие. В то же время научно-историческое исследование не исключает элементов образно-художественного изображения картины исторической действительности. Что является средством такого изображения? Его границы не выходят за рамки стиля повествования историка. Картина исторических событий может выглядеть по языку изображения сухой, академичной или изложенной живо, эмоционально, доступной широкому читателю. Значимость этой разницы не следует преувеличивать. Доступность результатов последовательской работы историка – это проблема не столько его научных конкретно – исторических исследований, сколько жанра публицистики. Там стиль, художественный и доступный непрофес-

сионалу, в известной мере необходим, однако этот образ исторической действительности не является по ее жанру самостоятельно – исследовательским. Работе историка – исследователя, дающего новые и обоснованные результаты в познании действительности, не всегда просто быть широко доступной читателю по стилю, тем более, что сама суть исследования этого и не требует. В этой связи уместно обратить внимание и на то, что в документах ВАК по

требованиям к диссертациям в связи с процедурой их защиты понятие стиля и какие-либо установки по этому поводу отсутствуют. Для историка здесь проблемы нет. Изложим это в качестве проблемы в формулировке, оставшейся дискуссионной в рамках круглого стола: является ли стиль в художественной его форме средством не только изложения результатов исследования историка, но и достижения их новизны?

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2012. 53 с.
2. Андреев А.А. Место искусства в познании мира. М.: Политиздат, 1980. 254 с.
3. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. [Т. 4]. М.: Мысль, 1983. С. 645–680.
4. Архангельская А.В. Проблема зачина, или Когда историю пишут писатели (к вопросу о начале «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 5. С. 71–79.
5. Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
6. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930-1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46.
7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. 616 с.
8. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: ВШ, 1974. 192 с.
9. Бондарева Я.В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 19–27.
10. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2000. 736 с.
11. Бродский А.И. Власть языка. П. А. Флоренский и лингвистическая философия XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2010. № 2. С. 256–262.
12. Верещагин О. Облегчение мозга: поколение NEXT догоняет Америку // Советская Россия. 2012. 12 мая.
13. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 649 с.
14. Вячеслав Никонов: У нас в значительной степени советская система образования [29.07.2013] // Русский мир: информационный портал [сайт]. URL: <http://www.ruskiymir.ru/publications/88166/> (дата обращения: 07.08.2017).
15. Головачева О.А. Лексические средства, характеризующие в статьях Н.С. Лескова проблему пьянства: функциональный аспект // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 389–392.
16. Головачева О.А. О языке и стиле произведений Н.С. Лескова, посвящённых «женскому вопросу» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 2. С. 3–11.

17. Головачева О.А. Языковые оценочные средства в статьях Н.С. Лескова о полицейских врачах // Известия Волгоградского университета. Серия: Филологические науки. 2015. № 7 (102). С.154–159.
18. Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей (Человек в истории): альманах. М.: Coda, 1996. С. 81–109.
19. Демина Л.А. Парадигма смысла. М.: МГОУ, 2005. 210 с.
20. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999. 240 с.
21. Дианова В.М. Художественное и научное освоение мира: современное состояние проблемы // Эстетика сегодня: состояние, перспективы (Материалы научной конференции 20–21 октября 1999 г.: тезисы докладов и выступлений). СПб.: Санкт-петербургское Философское общество, 1999. С. 33–35.
22. Дыханова Б.С. В Зазеркалье волшебника слова: поэтика «отражений» Н.С. Лескова. Воронеж: ВГПУ, 2013. 204 с.
23. Жесткова Е.А. Художественный компонент в повествовательной структуре «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Арзамас: АГПИ, 2010. 127 с.
24. Жирмунская Н.А. Историко-философская концепция И.-Г.Гердера и историзм Просвещения // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII – начало XIX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 91–101.
25. Заневский С.В. Специфика языка исторического исследования // «Альянс наук: вчений – вченому»: матеріали VIII Міжнар. наук.-практ. конф., 28–29 берез. 2013 р.: у 4 т. [Т. 1]. Дніпропетровськ: Біла К.О., 2013. С. 45–50.
26. Иванов М.В. Проблемы истории и французская революция в творчестве Карамзина 1790-х гг. // Русская литература. 1974. № 2. С. 134–142.
27. История советского кино, 1917–1967 [Т. 2]. М.: Искусство, 1973. 509 с.
28. Калесник Е.Ю. Н.С. Лесков в газете «Современная медицина» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 62–69.
29. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2-х тт. [Т. 1]. М.: Художественная литература, 1964. 598 с.
30. Карамзин Н.М. История государства Российского [Т. 1]. М.: Наука, 1989. 640 с.
31. Карамзин Н.М. История государства Российского [Т. IX]. М.: Мир книги, 2003. 463 с.
32. Карамзин Н.М. О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин / под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издатель Воробьёв А.В., 2001. С. 80–149.
33. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника (Серия: Литературные памятники). Л.: Наука, 1987. 716 с.
34. Карамзин Н.М. Письмо императору Александру I от 23 августа 1822 года // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 370.
35. Карцева Е. Н. Вестерн: эволюция жанра. М.: Искусство, 1976. 290 с.
36. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. 312 с.
37. Колесников А.С. Философия и литература: современный дискурс. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 656 с.
38. Комаров С.В. История зарубежного кино [Т. 1. Немое кино]. М.: Искусство, 1965. 416 с.
39. Кочеткова Н.Д. Формирование исторической концепции Карамзина – писателя и публициста // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII – начало XIX в.). Л.: Наука, 1981. С. 132–155.

40. Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: создание киношедевра (ист. исследование). СПб.: Лики России, 2012. 400 с.
41. Кузнецов И.Н. Научное исследование: методика проведения и оформление / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и Ко, 2006. 460 с.
42. Кукаркин А., Бояджиев Г., Шнеерсон Г., Чегодаев А. Кино, театр, музыка, живопись в США. М.: Знание, 1964. 344 с.
43. Леденёва В.В. Сфера знаний в зеркале ЛСГ писем Н.С. Лескова // Диалог языков и культур в современном мире: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 тт. Т. 1. М.: МГОУ, 2007. С. 194–199.
44. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: в 2-х т. [Т. 2]. М.: Художественная литература, 1984. 607 с.
45. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11-ти т. Т. 9. М.: ГИХЛ, 1956. 596 с.
46. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11-ти т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1958. 851 с.
47. Лисицына Е.В. Лингвистические особенности философского дискурса П. А. Флоренского. Ставрополь: АКД, 2006. 205 с.
48. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 561 с.
49. Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1957. Вып. 51. С. 122–166.
50. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» и их место в русской культуре // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525–606.
51. Лузянина Л.Н. Принципы художественного повествования в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // История русской литературы: в 4-х т. [Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму]. Л.: Наука, 1981. С. 80–87.
52. Лукиан. Как писать историю // Цит. по: Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. 212 с.
53. Макаренко, Е.К. Поэтика исторического повествования в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (X–XII тома) // Русская литература в современном культурном пространстве [Ч. 1]. Томск, 2003. С. 15–19.
54. Максимова Н.В. Коммуникативные доминанты речевого поведения // (на примере оппозиции «свое – чужое») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 95–105.
55. Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФ РАН, 1995. 222 с.
56. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
57. Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992. 126 с.
58. Михайловский А.В. Поэт возвращения (О Фридрихе Юнгере) // Юнгер Ф.Г. Ницше. М.: Практика, 2001. С. 7–54.
59. Никонов В.А. выступил с лекцией в Тульском государственном университете [25.03.2016] // Факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова [сайт]. URL: http://www.spa.msu.ru/details_36_2641.html (дата обращения: 05.08.2017).
60. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков [Т. 1]. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 795 с.
61. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков [Т. 2]. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 872 с.
62. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003. 544 с.

63. Песоцкий В.А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. М.: МГОУ, 2009. 403 с.
64. Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках: от призвания варягов до выбора веры. М.: Форум; Неолит, 2014. 465 с.
65. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. [Т. 1. От стимула к реакции] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ, 2002. 784 с.
66. Садуль Ж.. Всеобщая история кино [Т. 1]. М.: Искусство, 1958. 549 с.
67. Семаева И.И. Поиск идентичности: русская религиозная философия XX века и ее духовные основания. М.: МГОУ, 2012. 219 с.
68. Семаева И.И. Энергия творчества как философская проблема // Гуманитарный вестник (ВТУ МО РФ). 2009. № 12. С. 23–31.
69. Сигида Л.И. Карамзин в художественном сознании писателей пушкинской поры (Очерки и комментарии). М.: Издатель Степаненко, 2013. 210 с.
70. Сидорцов В.Н. Методологические проблемы истории. Минск: ТетраСистемс, 2006. 352 с.
71. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. 662 с.
72. Смоленский Н.И. История и логика: проблемы общесторической теории и природы исторических понятий. М.: МГОУ, 2013. 183 с.
73. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
74. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX в. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.
75. Сталин И.В. XIII съезд РКП(б) 23–31 мая 1924 г. // Сталин И. Сочинения [Т. 6]. М.: Госполитиздат, 1947. С. 189–233.
76. Степин В.С. Философское познание в динамике культуры // Человек в системе наук / Отв. ред. И.Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 285–300.
77. Сухотин А.К. Ритмы и алгоритмы. М.: Молодая гвардия, 1983. 224 с.
78. Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. URL <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 07.08.2017).
79. Тёплиц Е. История киноискусства, 1895–1928. М.: Прогресс, 1967. 338 с.
80. Ухтомский А.А. Интуиция совести (Письма. Записные книжки). СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
81. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогическое исследование. Из соловецких писем. Завещание. М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.
82. Флоренский П.А. Иконостас // Богословские труды. 1972. № 9. С. 82–148.
83. Флоренский П.А. Сочинения в 4-х т. [Т. 3. Ч. 1]. М.: Мысль, 2000. 622 с.
84. Флоренский П.А. Symbolarium (Словарь символов) // Флоренский П.А. Сочинения в 4-х т.: т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 564–590.
85. Халикова Н.В. Функции образных парадигм в научном стиле В.В. Виноградова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 171–179.
86. Шеллинг Ф. Философские письма о догматизме и критицизме // Сочинения: в 2-х т. [Т. 1]. М.: Мысль, 1987. С. 39–88.
87. Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: миф и сказка. М.: КомКнига, 2005. 208 с.
88. Эйзенштейн С. М. Иван Грозный: киносценарий. М.: Госкиноиздат, 1944. 192 с.
89. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2005. 251 с.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. Proza N.M.Karamzina: poetika povestvovaniya: avtoreferat dissertatsii dokt. filol. nauk [N.M.Karamzin's Prose: the poetics of the narrative: abstract of thesis Doct. Philol. Sciences]. M., 2012. 53 p.
2. Andreev A.A. Mesto iskusstva v poznanii mira [The place of art in understanding the world]. M., Politizdat, 1980. 254 p.
3. Aristotel'. Poetika [Aristotle. Poetics] Aristotel'. Sochineniya: v 4-kh t. [Vol. 4] [Aristotle. Compositions: in 4 vols. Vol. 4]. M., Mysl', 1983, pp. 645–680.
4. Arkhangel'skaya A.V. Problema zachina, ili Kogda istoriyu pishut pisateli (k voprosu o nachale «Istorii gosudarstva Rossiiskogo» N.M. Karamzina) [The problem of intonation, or When the history is written by the writers (on the question of the beginning of the "History of the Russian state" by N.M. Karamzin)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya, 2015, no. 5, pp. 71–79.
5. Auerbakh E. Mimesis: Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature [Mimesis: the representation of reality in Western literature]. M., Progress, 1976, 556 p.
6. Bagdasaryan V.E. Obraz vraga v istoricheskikh fil'makh 1930–1940-kh godov [The image of the enemy in historical films of 1930–1940s]. *Otechestvennaya istoriya*, 2003, no. 6, pp. 31–46.
7. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. M., Progress, 1994. 616 p.
8. Bel'chikov Yu.A. Russkii literaturnyi yazyk vo vtoroi polovine XIX veka [Russian literary language in the second half of the XIX century]. M., VSH, 1974. 192 p.
9. Bondareva Ya.V. Edinstvo very i znaniya kak bazovyi gnoseologicheskie printsipy russkoi religioznoi filosofii [The unity of faith and knowledge as the basic epistemological principle of the Russian religious philosophy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Filosofskie nauki, 2010, no. 1, pp. 19–27.
10. Bondarko A.V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki: na materiale russkogo yazyka [The theory of meaning in the system of functional grammar: based on the Russian language]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2000. 736 p.
11. Brodskii A. I. Vlast' yazyka. P. A. Florenskii i lingvisticheskaya filosofiya XX veka [The power of language. P.A. Florensky and the linguistic philosophy of the twentieth century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 6, 2010, no. 2, pp. 256–262.
12. Vereshchagin O. Oblegchenie mozga: pokolenie NEXT dogonyayet Ameriku [Lightening of the brain: generation NEXT overtakes America]. *Sovetskaya Rossiya*, 2012, May 12.
13. Veselovskii A.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. L., Khudozhestvennaya literatura, 1940. 649 p.
14. Vyacheslav Nikonov: U nas v znachitel'noi stepeni sovetskaya sistema obrazovaniya [29.07.2013] [Vyacheslav Nikonov: We have a largely Soviet system of education [29.07.2013]] Russkii mir: informatsionnyi portal [sait]. [The Russian world: an information portal [web-site]]. URL: <http://www.russkiymir.ru/publications/88166/> (request date 07.08.2017).
15. Golovacheva O.A. Leksicheskie sredstva, kharakterizuyushchie v stat'yakh N.S. Leskova problemu p'yanstva: funktsional'nyi aspekt [Lexical means of characterizing the problem of alcoholism in N.S. Leskov's articles: the functional aspect]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya, 2015, no. 3 (44), pp. 389–392.
16. Golovacheva O.A. O yazyke i stile proizvedenii N.S. Leskova, posvyashchennykh «zhen'skomu voprosu» [On the language and style of N.S. Leskov's works, dedicated to the "women's question"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Russkaya filologiya, 2009, no. 2, pp. 3–11.

17. Golovacheva O.A. Yazykovye otsenochnye sredstva v stat'yakh N.S. Leskova o politseiskikh vrachakh [Language assessment tools in N.S. Leskov's articles about political doctors]. *Izvestiya Volgogradskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki*, 2015, no. 7 (102), pp. 154–159.
18. Gurevich A.Ya. «Territoriya istorika» ["Territory of a historian"] Odissei (Chelovek v istorii): al'manakh [Odysseus (the Man in the history): almanac]. M., Coda, 1996. pp. 81–109.
19. Demina L.A. Paradigma smysla [Paradigm of meaning]. M., MGOU, 2005. 210 p.
20. Dianova V.M. Postmodernistskaya filosofiya iskusstva: istoki i sovremennost' [Post-modern philosophy of art: the origins and modernity]. SPb., Petropolis, 1999. 240 p.
21. Dianova V.M. Khudozhestvennoe i nauchnoe osvoenie mira: sovremennoe sostoyanie problemy [Artistic and scientific exploration of the world: modern state of the problem] Estetika segodnya: sostoyanie, perspektivy (Materialy nauchnoi konferentsii 20–21 oktyabrya 1999 g.: tezisy dokladov i vystuplenii) [Aesthetics today: status and prospects (Proceedings of the scientific conference, October 20–21, 1999: abstracts and presentations)]. SPb., Sankt-peterburgskoe Filosofskoe obshchestvo, 1999. pp. 33–35.
22. Dykhanova B.S. V Zazerkal'e volshebника slova: poetika «otrazhenii» N.S. Leskova [In Wonderland of the wizard of words: the poetics of N.S. Leskov's "reflections"]. Voronezh, VGPU, 2013. 204 p.
23. Zhestkova E.A. Khudozhestvennyi komponent v povestvovatel'noi strukture «Istorii gosudarstva Rossiiskogo» N.M.Karamzina [Artistic component in the narrative structure of "History of the Russian state" by N.M. Karamzin]. Arzamas, AGPI, 2010. 127 p.
24. Zhirmunskaya N.A. Istoriko-filosofskaya kontseptsiya I.-G.Gerdera i istorizm Prosveshcheniya [Historical-philosophical concept by I.G. Herder and the historicism of the Enlightenment] XVIII vek. Problemy istorizma v russkoi literature (konets XVIII – nachalo XIX vv.) [XVIII century. Problem of historicism in the Russian literature (late XVIII – early XIX centuries.) Iss. 13]. L., Nauka, 1981, pp. 91–101.
25. Zanevskii S.V. Spetsifika yazyka istoricheskogo issledovaniya [The specificity of the language of historical research] "Al'yans nauk: vchenii – vchenomu": materialy VIII Mizhnar. nauk.-prakt. konf., 28–29 berez. 2013 r.: u 4 t. [T. 1]. ["The Alliance of sciences: a scientist to a scientist": Proceedings of VIII Intern. Scient.-pract. Conf. 28–29 March, 2013.: in 4 vols. Vol. 1]. Dnipropetrovsk, Bila K.O, 2013, pp. 45–50.
26. Ivanov M.V. Problemy istorii i frantsuzskaya revolyutsiya v tvorchestve Karamzina 1790-kh godov. [Problems of history and the French revolution in Karamzin's works of 1790s]. *Russkaya literatura*, 1974, no. 2, pp. 134–142.
27. Istoriya sovetskogo kino, 1917–1967 [T. 2] [The history of the Soviet cinema, 1917–1967 [vol. 2]]. M., Iskusstvo, 1973. 509 p.
28. Kalesnik E.Yu. N.S. Leskov v gazete «Sovremennaya meditsina» [N.S. Leskov in the "Modern medicine" newspaper]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Ser. "Russian Philology"]. 2016, no. 3, pp. 62–69.
29. Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya v 2-kh tt. [T. 1] [Selected works in 2 vols. Vol. 1]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1964. 598 p.
30. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [T. 1.] [History of the Russian state, vol. 1]. M., Nauka, 1989. 640 p.
31. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [T. IX] [History of the Russian state, vol IX]. M., Mir knigi, 2003. 463 p.
32. Karamzin N.M. O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [On ancient and new Russia in its political and civil aspects] *Russkaya sotsial'no-polit-*

- icheskaya mysl' XIX - nachala XX veka: N.M.Karamzin [Russian socio-political thought of XIX – early XX century: N. M.Karamzin] / A. A. Sirians. M., Izdatel' Vorob'ev A.V, 2001. pp. 80–149.
33. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika (Ser. «Literaturnye pamyatniki») [Letters of a Russian traveler (Ser. "Literary monuments")]. L., Nauka, 1987. 716 p.
34. Karamzin N.M. Pis'mo imperatoru Aleksandru I ot 23 avgusta 1822 goda [A letter to the Emperor Alexander I, dated back to August 23, 1822] Karamzin N.M. Izbrannye trudy [Karamzin N. M. Selected works]. M., ROSSPEN, 2010. pp. 370.
35. Kartseva E.N. Vestern: evolyutsiya zhanra [Western: the evolution of the genre]. M., Iskustvo, 1976. 290 p.
36. Kessidi F.Kh. Ot mifa k logosu [From myth to logos]. M., Mysl', 1972. 312 p.
37. Kolesnikov A.S. Filosofiya i literatura: sovremenniy diskurs [Philosophy and literature: modern discourse]. SPb., Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000. 656 p.
38. Komarov S.V. Istoriya zarubezhnogo kino [T. 1. Nemoe kino] [Komarov S.V. History of the foreign cinematography [vol. 1. Silent cinema]]. M., Iskustvo, 1965. 416 p.
39. Kochetkova N.D. Formirovanie istoricheskoi kontseptsii Karamzina – pisatelya i publitsista [The formation of the historical concept of Karamzin, writer and publicist] XVIII vek. Problemy istorizma v russkoi literature (konets XVIII – nachalo XIX v.) [XVIII century. Problem of historicism in the Russian literature (late XVIII – early XIX century). Iss. 13]. L., Nauka, 1981, pp. 132–155.
40. Krivosheev Yu.V., Sokolov R.A. Aleksandr Nevskii: sozдание kinoshedevra (istoricheskoe issledovanie) [Alexander Nevsky: the creation of a masterpiece (historical study)]. SPb., Liki Rossii, 2012. 400 p.
41. Kuznetsov I.N. Nauchnoe issledovanie: metodika provedeniya i oformlenie / 2-e izd., pererab. i dop [Scientific research: methodology and design / 2nd ed. Rev. and add.]. M., Dashkov i Ko, 2006. 460 p.
42. Kino, teatr, muzyka, zhivopis' v SShA [Cinema, theatre, music, painting in the United States]. Kukarkin A., Boyadzhiev G., Shneerson G., Chegodaev A. M., Znanie, 1964. 344 p.
43. Ledeneva V.V. Sfera znaniy v zerkale Leksiko-semanticheskoi gruppy pisem N.S.Leskov [The scope of knowledge in the mirror of the Lexical-semantic group of N.S.Leskov] Dialog yazykov i kul'tur v sovremennom mire: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 tt. T. 1 [The dialogue of languages and cultures in the modern world: Materials of Intern. scientific-pract. conf.: in 2 vols. V. 1]. M., MGOU, 2007. pp. 194–199.
44. Leskov A.N. Zhizn' Nikolaya Leskova po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisyam i pamyatam: v 2-kh t. [T. 2] [The life of Nikolai Leskov in his personal, family and non-family records and memories: in 2 volumes [vol. 2]]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1984. 607 p.
45. Leskov N.S. Sobranie sochinenii v 11-ti t. T. 9 [Collected works in 11 vols. Vol. 9]. M., GIKHL, 1956. 596 p.
46. Leskov N.S. Sobranie sochinenii v 11-ti t. T. 11 [Collected works in 11 vols. Vol. 11]. M., GIKHL, 1958. 851 p.
47. Lisitsyna E.V. Lingvisticheskie osobennosti filosofskogo diskursa P. A. Florenskogo [Linguistic peculiarities of P. A. Florensky's philosophical discourse]. Stavropol, AKD, 2006. 205 p.
48. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectics of a myth]. M., Mysl', 2001. 561 p.
49. Lotman Yu.M. Evolyutsiya mirovozzreniya Karamzina (1789–1803) [The evolution of Karamzin's outlook (1789–1803)]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1957, no. 51, pp. 122–166.

50. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. «Pis'ma russkogo puteshestvennika» i ikh mesto v russkoi kul'ture ["Letters of a Russian traveler" and their place in the Russian culture] Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika [Karamzin N. M. Letters of a Russian traveler]. L., Nauka, 1987, pp. 525–606.
51. Luzyanina L.N. Printsipy khudozhestvennogo povestvovaniya v «Istorii gosudarstva Rossiiskogo» N.M. Karamzina [The principles of the art of storytelling in the "History of the Russian state" by N. M. Karamzin] Istoriya russkoi literatury: v 4-kh t. [T. 2. Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu] [History of the Russian literature: in 4 vols. [Vol. 2. From sentimentalism to romanticism and realism]]. L., Nauka, 1981, pp. 80–87.
52. Lukian. Kak pisat' istoriyu [How to write a story] Tsit. po: Nemirovskii A.I. U istokov istoricheskoi mysli [Cited in: Nemirovskiy, A. I. The origins of historical thought]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1979. 212 p.
53. Makarenko E.K. Poetika istoricheskogo povestvovaniya v "Istorii gosudarstva Rossiiskogo" N.M. Karamzina (X–XII toma) [The poetics of historical narrative in the "History of the Russian state" by N. M. Karamzin (volumes X–XII)] Russkaya literatura v sovremennom kul'turnom prostranstve [Ch. 1] [Russian literature in modern cultural space [Part 1]]. Tomsk, 2003, pp. 15–19.
54. Maksimova N.V. Kommunikativnye dominanty rechevogo povedeniya // (na primere opozitsii «svoe – chuzhoe») [Communicative dominants of speech behavior // (on the example of the opposition "own – alien")]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, no. 11, pp. 95–105.
55. Man'kovskaya N.B. «Parizh so zmeyami» (Vvedenie v estetiku postmodernizma) ["Paris with snakes" (Introduction to the aesthetics of postmodernism)]. M., IF RAN, 1995. 222 p.
56. Man'kovskaya N.B. Estetika postmodernizma [The aesthetics of postmodernism]. SPb., Aleteiya, 2000. 347 p.
57. Mar'yamov G.B. Kremlevskii tsenzor: Stalin smotrit kino [The censor of the Kremlin: Stalin is watching a movie]. M., Konfederatsiya soyuzov kinematografistov «Kinotsentr», 1992, 126 p.
58. Mikhailovskii A.V. Poet vozvrashcheniya (O Fridrikhe Yungere) [The poet returns (About Friedrich Junger)] Yunger F.G. Nitsshe [Yunger F.G. Nietzsche]. M., Praxis, 2001. pp. 7–54.
59. Nikonov V.A. vystupil s lektsiei v Tul'skom gosudarstvennom universitete [25.03.2016] [Vyacheslav Nikonov gave a lecture at Tula State University [25.03.2016]] Fakul'tet gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M.V. Lomonosova [sait]. [Faculty of public administration of Moscow State University named after M. V. Lomonosov [website]]. URL: http://www.spa.msu.ru/details_36_2641.html (request date 05.08.2017).
60. Pavlovich N.V. Slovar' poeticheskikh obrazov: na materiale russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vekov [T. 1] [The dictionary of poetic images: on the material of the Russian literature of XVIII–XX centuries, vol. 1]. M., Editorial URSS, 1999. 795 p.
61. Pavlovich N.V. Slovar' poeticheskikh obrazov: na materiale russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vekov [T. 2] [The dictionary of poetic images: on the material of the Russian literature of XVIII–XX centuries, vol. 2]. M., Editorial URSS, 1999, 872 p.
62. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire [The Orthodox civilization in the global world]. M., Algoritm, 2003, 544 p.
63. Pesotskii V.A. Khudozhestvennaya litera tura kak sotsial'noe yavlenie i predmet filosofskogo analiza [The artistic character of the tour as a social phenomenon and a subject of philosophical analysis]. M., MGOU, 2009, 403 p.
64. Petrukhin V.Ya. Rus' v IX–X vekakh: ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus in IX–X centuries: from calling the Vikings until the choice of faith]. M., Forum, 2014, 465 p.

65. Russkii assotsiativnyi slovar': v 2-kh t. [T. 1. Ot stimula k reaktsii] [Russian associative dictionary in 2 volumes: vol. 1. From stimulus to reaction] / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov. M., AST, 2002. 784 p.
66. Sadul' ZH.. Vseobshchaya istoriya kino [T. 1] [The overall history of the cinema [vol. 1]]. M., Iskustvo, 1958. 549 p.
67. Semaeva I.I. Poisk identichnosti: russkaya religioznaya filosofiya KHKH veka i ee dukhovnye osnovaniya [The search of an identity: Russian religious philosophy of the XX century and its spiritual foundation]. M., MGOU, 2012. 219 p.
68. Semaeva I.I. Energiya tvorchestva kak filosofskaya problema [The energy of creativity as a philosophical problem]. *Gumanitarnyi vestnik* (VTU MO RF), 2009, no. 12, pp. 23–31.
69. Sigida L.I. Karamzin v khudozhestvennom soznanii pisatelei pushkinskoi pory (Ocherki i kommentarii) [Karamzin in the artistic consciousness of the writers of the Pushkin's era]. M., Izdatel' Stepanenko, 2013. 210 p.
70. Sidortsov V.N. Metodologicheskie problemy istorii [Methodological problems of history]. Minsk, TetraSistems, 2006. 352 p.
71. Sipovskii V.V. N.M.Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika» [N.M. Karamzin, the author of the "Letters of a Russian traveler"]. SPb, Tip. V.Demakova, 1899, 662 p.
72. Smolenskii N.I. Istoriya i logika: problemy obshcheistoricheskoi teorii i prirody istoricheskikh ponyatii [History and logics: problems of historical theory and historical concepts nature]. M., MGOU, 2013, 183 p.
73. Smolenskii N.I. Teoriya i metodologiya istorii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. 2-e izd [Theory and methodology of history: textbook. a manual for students of higher institutions / 2nd ed]. M., Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008, 272 p.
74. Sorokin Yu.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka, 30–90 gody 19 veka [The development of the vocabulary of the Russian literary language, 30–90s of the 19th century]. M.-L., Nauka, 1965, 565 p.
75. Stalin I.V. XIII s'ezd RKP(b) 23-31 maya 1924 g. [XIII Congress of the RCP(b), May 23–31, 1924.] Stalin I. Sochineniya [T. 6] [Stalin. Works [Vol. 6]]. M., Gospolitizdat, 1947, pp. 189–233.
76. Stepin V.S. Filosofskoe poznanie v dinamike kul'tury [Philosophical cognition in the dynamics of culture] Chelovek v sisteme nauk [A person in the system of sciences]. I.T. Frolov. M., Nauka, 1989, pp. 285–300.
77. Sukhotin A.K. Ritmy i algoritmy [Rhythms and algorithms]. M., Molodaya gvardiya, 1983. 224 p.
78. Tolkovyi slovar' Ushakova onlain [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ushakovdictionary.ru> [Ushakov's explanatory dictionary] ushakovdictionary.ru [ushakovdictionary.ru] (request date 07.08.2017).
79. Teplits E. Istoriya kinoiskusstva, 1895–1928 [The history of cinematography, 1895–1928]. M., Progress, 1967, 338 p.
80. Ukhtomskii A.A. Intuitsiya sovesti (Pis'ma. Zapisnye knizhki) [Intuition of conscience (Letters. Notebooks)]. SPb., Peterburgskii pisatel', 1996, 528 p.
81. Florenskii P.A. Detyam moim. Vospominan'ya proshlykh dnei. Genealogicheskoe issledovanie. Iz solovetskikh pisem. Zaveshchanie [To my children. Memories of the past days. Genealogical research. Letters from Solovki. The will]. M., Moskovskii rabochii, 1992, 560 p.
82. Florenskii P.A. Ikonostas [The iconostasis]. *Bogoslovskie trudy*, 1972, no. 9, pp. 82–148.
83. Florenskii P.A. Sochineniya v 4-kh t. T. 3. Ch. 1 [Works in 4 volumes: Vol. 3. Part 1]. M., Mysl', 2000, 622 p.
84. Florenskii P.A. Symbolarium (Slovar' simvolov) [Symbolarium (Dictionary of symbols)] Florenskii P.A. Sochineniya v 4-kh tomakh: t. 2 [Florensky P.A. Works in 4 volumes: vol. 2]. M., Mysl', 1994, pp. 564–590.

85. Khalikova N.V. Funktsii obraznykh paradigm v nauchnom stile V.V. Vinogradova [Functions of imaginary paradigms in V. V. Vinogradov's scientific style] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Russkaya filologiya, 2016, no. 5, pp. 171–179.
86. Shelling F. Filosofskie pis'ma o dogmatizme i krititsizme [Philosophical letters on dogmatism and criticism] Sochineniya: v 2-kh t. [T. 1] [Works: in 2 volumes, vol. 1]. M., Mysl', 1987, pp. 39–88.
87. Shinkarenko V.D. Smyslovaya struktura sotsiokul'turnogo prostranstva: mif i skazka [The semantic structure of the social space: myth and fairy tale]. M., KomKniga, 2005, 208 p.
88. Eizenshtein S. M. Ivan Grozny: kinostsenarii [Ivan the Terrible: screenplays]. M., Goskinoizdat, 1944, 192 p.
89. Eliade M. Aspekty mifa [Aspects of the myth]. M., Akademicheskii proekt, 2005, 251 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

e-mail: vlad2008@yandex.ru, va.pesotskiy@mgou.ru

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;

e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: nathalik@mail.ru

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: vv.ledeneva@mgou.ru

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: allar71@yandex.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: vardanb@mail.ru

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-sngu@mgou.ru, vvb54@yandex.ru, vv.bruz@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of New, Newest History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Vladislav A. Pesotsky – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: va.pesotskiy@mgou.ru

Tatyana A. Alpatova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the Classical Russian Language, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Natalya V. Khalikova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University;
e-mail: nathalik@mail.ru

Valentina V. Ledeneva – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University;
e-mail: vv.ledeneva@mgou.ru

Aleksey E. Larionov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Vardan E. Bagdasaryan – Dean of the Faculty of History, Politology and Law Head of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University, Doctor of Historical Sciences, Professor;
e-mail: vardanb@mail.ru

Vladimir V. Bruz – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Management and Public Administration, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-sngu@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н.И., Песоцкий В.А., Алпатова Т.А., Халикова Н.В., Леденева В.В., Ларионов А.Э., Багдасарян В.Э., Бруз В.В. Художественно-образное и научное (научно-историческое) постижение действительности: проблема соотношения (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 14–67.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-14-67

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

N. Smolensky, V. Pesotsky, T. Alpatova, N. Khalikova, V. Ledeneva, A. Larionov, V. Bagdasaryan, V. Brus. Artistic creative and scientific (scientific and historical) understanding of reality: the problem of correlation (round table). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 14–67.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-14-67

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 009

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-68-76

СУЭЦКИЙ И СИРИЙСКИЙ КРИЗИСЫ (1956–1957 гг.) В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Иванушкин А.С.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проведён анализ позиции СССР в период Суэцкого и Сирийского кризисов в советской историографии, дан новый взгляд и затронуты некоторые расхождения советских историков по этому вопросу. Показано, что несмотря на некоторый субъективизм, советская историография достаточно полно и всесторонне оценивала события, связанные с кризисами. На основе исследования историографического материала и источников делается вывод о том, что политика Советского Союза в целом отвечала интересам арабских стран.

Ключевые слова: советская историография, кризис неокOLONиальной политики, антиимпериалистическая борьба, «доктрина Эйзенхауэра», военные блоки.

SUEZ AND SYRIAN CRISES OF 1956–1957 IN SOVIET HISTORIOGRAPHY

A. Ivanoushkin

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The analysis of the USSR's attitude to the Suez and Syrian Crises described in Soviet historiography is analysed. The new vision is presented, as well as some disagreement among the soviet historiographers on the problem discussed. It is showed that, inspite some subjectivity, Soviet historiography higlighted those events rather comprehensively and in detail. On the basis of the historiographical material and historical sources scrutinized the conclusion is drawn that on the whole the politics of the USSR was equitable to the interests of the Arabian countries.

Key words: Soviet historiography, crisis of neo-colonial policy, anti-imperialist struggle, "Eisenhower doctrine", military blocks.

© Иванушкин А.С., 2017.

Крушение СССР явилось крупнейшей трагедией в истории послевоенного периода. Но уже во времена Перестройки существенно ослабло влияние Советского Союза на Ближнем Востоке, в частности, в отношениях с такими ключевыми партнёрами, как страны, ранее называемые «странами социалистической ориентации». Четкая и принципиальная линия России в отношении антисирийских резолюций, подготовленных ООН в 2011–2013 гг., блестящая операция Военно-Космических Сил России в Сирии и подвиги российских военных по освобождению сирийских городов показали, насколько укрепились позиции России не только на Ближнем Востоке, но и в мире [16]. В связи с этим представляется весьма актуальным обращение к опыту укрепления влияния СССР на Ближнем Востоке в 1950-е гг. и дипломатических действий СССР по защите освободившихся стран региона от неокolonизма.

Вопрос о сотрудничестве СССР с арабскими странами начал разрабатываться в научной литературе с 1930 гг. Первым этот вопрос в послевоенное время поднял В.Б. Луцкий [11]. В историографии 1950-х гг. особое место занимают работы П.Е. Демченко [7], А.П. Леонтьева [10], а также М.Ф. Гагауллиной, затрагивающая общие вопросы [5].

В публикациях П.Е. Демченко и А.П. Леонтьева дается анализ причин и хода Сирийского кризиса. Из историографии последующего периода особенно выделяется коллективная монография «Советско-арабские дружественные отношения» [14]. Она затрагивает узловые вопросы событий 1918–1956 гг., излагает советскую точку зрения на Суэцкий и Сирийский кризисы.

Из работ 1970-х гг. выделяется труд Е.М. Примакова [13], являющийся классическим в марксистской советской историографии, сохраняющий научную значимость и сейчас. Особого внимания заслуживает работа О.М. Горбатова и Л.Я. Черкаского «Сотрудничество СССР со странами Арабского Востока и Африки» [6]. Она написана очень ярким, чётким, метким, живым языком. Подобран огромный фактический материал по разным странам. В 1979 г. вышла фундаментальная работа «История дипломатии» под редакцией А.А. Громыко. В 5 томе отчетливо показана позиция СССР во время Суэцкого и Сирийского кризисов [8].

В предлагаемой статье ставится задача систематизировать историографию процессов, происходивших на Ближнем Востоке, рассмотреть их в связи с движением к укреплению влияния СССР на Ближнем Востоке. Историографию по Суэцкому и Сирийскому кризисам можно разделить на две группы: первую группу составляют издания 1940–1960-х гг., имеющие яркую публицистическую окраску. Вторая группа – издания 1970–1980 гг., где фактический материал представлен более академично. Это работы Е.М. Примакова, Э.П. Пир-Будаговой, О.М. Горбатова, Л.Я. Черкаского.

Суэцкий и Сирийские кризисы являются ключевыми моментами в истории послевоенных арабо-советских отношений. Они продемонстрировали ключевую роль СССР в деле защиты интересов слабых и угнетённых стран, что имело принципиальное значение для их дальнейшего самостоятельного развития. Суть этих кризисов в том, что СССР поддержал справедливые требования Египта о национализации

Суэцкого канала, чему воспротивились страны Запада, стремившиеся сохранить свое присутствие в Египте; пригрозив военным ударом, Москва заставила их прекратить интервенцию против Египта. После этого империалистические державы не оставили попыток утвердиться на Ближнем Востоке, на свет появилась «доктрина Эйзенхауэра», которая ставила своей целью оказание «помощи» странам, поддерживаемым Западом, в основном Израилю. Сирия, свергнувшая проамериканскую диктатуру Шишкелли и приступившая к прогрессивным преобразованиям, стала «камнем преткновения» в достижении американцами этой цели. Попытки навязать Сирии «доктрину Эйзенхауэра» силой натолкнулись на противодействие Советского Союза.

Именно действия СССР позволили отвести угрозу интервенции в Сирию и способствовали её независимому политическому курсу. В вопросе рассмотрения Суэцкого и Сирийского кризисов выделяется ряд проблем: предотвращение СССР попыток империалистических стран вовлечь Сирию и Египет в агрессивные блоки, приход прогрессивных сил в Сирии и Египте, собственно проблема Суэцкого и Сирийского кризисов и роль в этом СССР (сюда входят национализация Суэцкого канала Египтом 26 июля 1956 г., национализация имущества иностранных компаний в Сирии с 1954 г., ориентация Египта и Сирии на СССР, союз Египта и Сирии, заговоры в Сирии и Египте, которые сопровождали кризисы, а также позиция СССР в этих вопросах).

Рассматривая первую проблему – противодействие попыткам вовлечь Сирию и Египет в агрессивные блоки – стоит отметить, что большинство

историков сходятся во мнении, что начало напряжённости в послевоенное время на Ближнем Востоке положила Тройственная декларация Англии, Франции и США, которая ставила своей целью «укрепление мира» на Ближнем и Среднем Востоке совместными действиями в рамках ООН и «в случае агрессии» – предоставление права на поставку вооружений другим странам региона, в основном Израилю [7, с. 32].

Вторым этапом советские ученые называют попытку стран-членов Северо-Атлантического Союза создать в 1951 г. Средневосточное командование под эгидой США для остановки «цепной реакции» распространения социализма, а также «воспрепятствовать распаду колониальной системы» [6, с. 61]. Такая точка зрения присутствует в работах О.М. Горбатова, Л.Я. Черкаского, П.Е. Демченко. У Э.П. Пир-Будаговой этот аспект недостаточно освещён в монографии. Автор затрагивает его в связи с созданием Багдадского пакта, когда вновь возникает вопрос о Средневосточном командовании [12, с. 69]. Средневосточное командование необходимо было для осуществления контроля за действиями стран-участниц и, следовательно, при невозможности вести ими самостоятельную политику на международной арене. Так оценивает вопрос о Средневосточном командовании А. Агарышев [1, с. 78].

В дополнение к сказанному следует привести ноты Советского правительства правительствам США, Великобритании, Франции и Турции от 21 ноября 1951 г., в которых говорилось о том, что соответствующие действия были направлены на подчинение вооруженных сил Ближнего и Среднего Востока союзническим командова-

ниям; размещение на территориях Ближневосточных и Средневосточных стран иностранных вооружённых сил; предоставление командованию Ближневосточных и Средневосточных стран военных баз, портов и других сооружений; установление связи командования с организациями Атлантического блока.

В военных мероприятиях Атлантического блока Ближневосточные страны составляли плацдарм для вооружённых сил блока, при этом западные лидеры ссылались на «угрозу» и самостоятельную национальную политику» Ближневосточных стран, таких, как Сирия и Египет [3, с. 104–106]. О реакции на ноты Советского правительства говорится в коллективной монографии отечественных историков «Советско-арабские дружественные отношения»: «Министр иностранных дел Египта Салах ад-дин паша указывал, что Египет отклонил предложение о заключении средневосточного «оборонительного пакта», поскольку «Советский Союз заявил, что он не питает никаких агрессивных намерений в отношении Среднего Востока или какого-либо другого района; поэтому Египет не видит никакой необходимости гарантировать военную безопасность от советской «агрессии» [14, с. 62]. П.Е. Демченко называет Средне-восточное командование – «филиалом Североатлантического союза на Ближнем и Среднем Востоке».

Следующим этапом в борьбе арабских стран и СССР против втягивания арабских стран в военные блоки стало заключение турецко-иракского союза, ставшего основой «Багдадского пакта». П.Е. Демченко приводит слова члена британской палаты общин Э.

Бурка: «Багдадский пакт должен послужить началу мероприятий по защите нашей нефти. Этот пакт, в действительности, предназначен для того, чтобы обеспечить надёжную защиту наших нефтяных интересов в этой части мира» [7, с. 16]. П.Е. Демченко и Э.П. Пир-Будагова указывают на стойкость сирийского народа в борьбе против втягивания в агрессивные блоки. П.Е. Демченко пишет об оборонном пакте Сирии, Египта и Саудовской Аравии в 1955 г. и о концентрации турецких сил на турецко-сирийской границе [7, с. 17]. Э.П. Пир-Будагова гораздо подробнее трактует ситуацию вокруг Сирии в связи с Багдадским пактом. Она выделяет роль народных масс в борьбе за самостоятельное развитие, особенно компартии Сирии, которая заявила о «решительном отпоре проискам империалистов и борьбе за создание национально-демократического правительства» [12, с. 70].

Таким образом, советские историки трактуют период 1951–1956 гг. как период принесения мира на арабскую землю и защиту от втягивания Сирии, в частности, в агрессивные блоки. В борьбе за независимое развитие Ближневосточных стран Э.П. Пир-Будагова и другие авторы выделяют значение фактора арабской солидарности: «Антиимпериалистическое движение народных масс, поддержанное Советским Союзом, привело к отказу от нападения на Сирию». Далее внешнеполитическая линия СССР проявится в Суэцком и Сирийском кризисах.

Литература по Суэцкому кризису достаточно обширна. Необходимо отметить, что позиция советской историографии в этом вопросе прослеживается четко. Суэцкий кризис связан с

фигурой египетского лидера Г.А. Насера, который в 1952 г. пришел к власти. Важно отметить и проблему революционно-демократических преобразований в Египте и Сирии и характерные черты революционных демократов. Е.М. Примаков отмечает, что превращение Насера и его окружения в революционных демократов продолжалось в течение длительного времени: аграрная реформа, ликвидация английских военных баз в зоне Суэцкого канала, национализация компании Суэцкого канала в 1956 г., наступление на позиции не только иностранного, но и египетского крупного и среднего капитала, улучшение положения трудящихся, коренной переворот во внешней политике, сближение и сотрудничество со странами социализма [13, с. 78].

Такая оценка типична для отечественной историографии 1970-х гг. Непосредственно после переворота 22 июля 1952 г. в Советском Союзе и в советской историографии он оценивался как «фашистский», «реакционный». После визита Д.Т. Шепилова в Египет отношение к режиму Насера в СССР изменилось. Теперь Насер стал восприниматься как выдающаяся фигура в национально-освободительном движении арабских стран.

Е.М. Примаков отмечал, что вследствие изменения ситуации на Ближнем Востоке наметился процесс сближения Израиля и Франции, которая развязала колониальную войну за сохранение французских позиций в Алжире. С точки зрения Парижа, взрыв национально-освободительного движения – это результат «насеровских козней» [13, с. 79]. И это вполне объяснимо. Э.П. Пир-Будагова обращает внимание на то обстоятельство, что в Сирии происходи-

ли антиимпериалистические митинги за освобождение Алжира [12, с. 90].

Летом 1956 г., выступая с балкона Александрийской хлопковой биржи, Гамаль Абдель Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Это послужило началом Суэцкого кризиса. Если советские историки трактуют национализацию в положительном ключе, то западные акцентируют внимание на нарушении «законных прав» Запада в регионе.

Национализация канала, по мнению Е.М. Примакова, показала стремление Египта не только освободиться от контроля со стороны западных держав, но и создать необходимые внутренние источники финансирования для индустриализации страны, ее быстрого экономического развития [13, с. 80]. В работе «История дипломатии» описывается активизация национально-освободительной борьбы на Ближнем Востоке, в Сирии и Египте, говорится о колониальной сущности НАТО и Багдадского пакта и их цели – удушение национально-освободительного движения арабов. Подробно рассматриваются события, связанные с Суэцким кризисом, и Лондонская конференция, где говорилось о равных «правах» по владению каналом, обличалась неоколониалистская «тройственная агрессия» против Египта, подчеркивалось возрастание авторитета СССР в арабских странах [8, с. 269].

Большинство советских и сирийских историков сходятся во мнении, что новый период сирийско-советских отношений начался с 1954 г., со второй парламентской республики [3, с. 8], когда Сирия стала проводить национально ориентированную политику. В Сирии революционные демократы

не находились у власти, как в Египте, но она приступила к проведению прогрессивных внутренних преобразований и налаживанию связей с СССР. В сентябре 1956 г. в Сирии находилась делегация Верховного Совета СССР. «Сирию посещали представители многих стран мира, – отмечал депутат сирийского парламента Хусами, – были министры, депутаты. К одним наш народ был равнодушен, других принимал как друзей, но так, как он встречает советских людей, он ещё не встречал никого» [14, с. 47]. Пребывание советской делегации в Сирии на фоне обострившегося Суэцкого кризиса стало свидетельством укрепления позиций СССР на Ближнем Востоке.

Как показали события, у Англии, Франции и Израиля существовал тщательно разработанный план совместной агрессии против Египта [15, с. 245]. В то же время, по мнению израильского историка Кон-Шербока, Британия и Франция высадили войска в зоне Суэца исключительно с провозглашаемой ими целью разъединить воюющие стороны. Выполнив задачу, они якобы готовы были уйти [9, с. 125]. В этих условиях решающее значение в разрешении Суэцкого кризиса сыграла позиция СССР.

5 ноября председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин направил в Лондон, Париж и Тель-Авив предупреждения о том, что советское правительство полно решимости «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке» [2, с. 74]. Вследствие решительной позиции Москвы влияние Запада в регионе было ослаблено, а СССР – возросло. Советские историки О.М. Горбатов и Л.Я. Черкасский расценивают агрессию против Египта как обнажившую

глубокий кризис неоколониальной политики в 1950-х годах [6, с. 38].

Сирия, борющаяся вместе с Египтом против Тройственной агрессии (посылала добровольцев, партизан, они подрывали нефтепроводы [7, с. 19]) стала «камнем преткновения» для империалистических держав. На это обращает внимание П.Е. Демченко. В «доктрине Эйзенхауэра» от 5 января 1957 г., предполагавшей «помощь» арабским странам в борьбе с «международным коммунизмом» [15, с. 241], советский историк Э.П. Пир-Будагова вполне обоснованно усматривает усилия США по удушению национально-освободительной борьбы арабов. Доктрина не была принята Сирией, Египтом и большинством арабских стран [12, с. 108]. США приступили к давлению на Сирию. Э.П. Пир-Будагова обращает внимание на антиамериканские демонстрации в Сирии против этой доктрины, на роль Саудовской Аравии в навязывании Сирии этой «доктрины» [12, с. 106].

Факты, введенные в научный оборот нашими историками, свидетельствуют, что Сирийский кризис разгорелся после того, как с 24 июля по 7 августа 1957 г. в Советском Союзе находилась сирийская делегация во главе с государственным министром национальной обороны Сирии Халедом Аземом [14, с. 47]. Сирия и СССР договорились сотрудничать во многих областях экономики и культуры. Было решено, что СССР «направит в Сирию специалистов, поставит оборонные материалы» [15, с. 341–343].

Исследователи считают – подписание совместного коммюнике стало отправной точкой Сирийского кризиса: «После опубликования сирийско-советского коммюнике колонизаторы

усилили клеветническую кампанию против Сирии, обвиняя её в том, что она теряет свою независимость» [14, с. 47]. Вместе с тем Э.П. Пир-Будагова считает, что давление Запада на Сирию оказывалось и раньше, до опубликования коммюнике [12, с. 108]. Следующая проблема, связанная с Сирийским кризисом 1957 г. – проблема заговора против правительства и патриотов Сирии. Эту проблему прямо поднимают авторы «Истории дипломатии», которые позиционируют Сирийский кризис как реакцию на неудачу в Египте. А.А. Громыко прямо называет ситуацию «Заговором против Сирии» [8, с. 255]. П.Е. Демченко пишет, что расследование заговора 27 августа 1957 г. показало, что нити его идут в США [7, с. 18]. Эту точку зрения разделяют и другие историки [10, с. 17].

На сессии Багдадского пакта Ирак и Иордания отказались участвовать в агрессии против Сирии [12, с. 110]. Решающая роль в антисирийской кампании Запада отводилась Турции. Документы показывают, насколько сдержанной была позиция Москвы в отношениях с Турцией. Советский Союз направил послание турецкому премьер-министру, где выражалась «озабоченность положением вокруг Сирии, отстаивающей свою независимую политику» [15, с. 349–353]. Основными этапами курса Москвы во время Сирийского кризиса историки О.М. Горбатов и Л.Я. Черкасский называют пресс-конференцию в Омане 10 ноября 1957 г., заявление ТАСС и выступление А.А. Громыко на сессии ГА ООН [6, с. 108; 14, с. 48].

На пресс-конференции в связи с положением в Сирии, Омане, Йемене 10 сентября 1957 г. А.А. Громыко отвечал на вопросы в связи с поло-

жением в Сирии, Омане, Йемене. По поводу Сирии он заявил, что антиправительственный заговор в Сирии был рассчитан на «свержение существовавшего в Сирии правительства и замену его реакционным режимом» [15, с. 359–363]. Заявление ТАСС сделало достоянием мировой общественности агрессивные замыслы империалистических держав. Советский Союз тем самым вскрыл перед всем мировым сообществом неприглядную роль США как главного вдохновителя и организатора агрессивных планов против Сирии. Э.П. Пир-Будагова называет переломным моментом «решительную поддержку Сирии Советским Союзом и другими соцстранами, а также арабской солидарностью» [12, с. 115].

Советский Союз решительно выступал в защиту прав Сирии в ООН, что видно из выступления министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В письме А.А. Громыко председателю XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 16 октября говорилось, что «Советское правительство в высшей степени озабочено, что США толкают Турцию, чтобы поставить ООН перед свершившимся фактом. **Советский Союз готов своими вооружёнными силами участвовать в подавлении и наказании нарушителей мира**» [15, с. 392–393].

Советские историки отмечают, что энергичные меры советского правительства в защиту Сирии сорвали планы империалистов и помогли её народу отстоять свою независимость [6, с. 109]. При этом в «Истории дипломатии» говорится о следующей агрессии империалистических держав в 1958 г., но уже против Ливана и Иордании [8, с. 267]. Советская историография в

этом единодушна, при этом также отмечается роль арабской солидарности в решении Сирийского кризиса. Защита интересов арабских стран СССР существенно усилила его позиции на Ближнем Востоке. Советская истори-

ография данного периода обширна и не однозначна в оценках, в работах 1970-х гг. происходит перенос акцентов с оценки роли помощи Советского Союза на значение арабской солидарности в разрешении кризисов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агарышев А.А. Насер. М.: Молодая гвардия, 1979. 208 с.
2. Арабская Республика Египет: справочник / Отв. ред. А.М. Васильев. М.: Наука, 1990. 355 с.
3. Афаш И. Отношения Сирии с СССР и США в 1945–1991 гг.: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 22 с.
4. Ближневосточный конфликт. Из документов архива внешней политики РФ: в 2-х ч. Ч. 2 (1957–1967 гг.) / Под ред. В.В. Наумкина. М.: Материк, 2003. 708 с.
5. Гатауллин М.Ф. Сирия. М.: Госполитиздат, 1956. 39 с.
6. Горбатов О.М., Черкасский Л.Я. Сотрудничество СССР со странами Арабского Востока и Африки. М.: Наука, 1973. 364 с.
7. Демченко П.Е. Сирийская республика на страже своей независимости. М.: Знание 1957. 24 с.
8. История дипломатии: в 5-ти т. Т. 5. Кн. 1 / Под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова, В.А. Зорина и др. М.: Политиздат, 1974. 750 с.
9. Кон-Шербок Д., Эль-Алами Д. Палестино-израильский конфликт: две точки зрения. М.: Фаир-Пресс, 2002. 320 с.
10. Леонтьев А.П. Заговор против Сирии. М.: Госполитиздат, 1957. 32 с.
11. Луцкий В.Б. Проблема Сирии и Ливана. М.: Правда, 1946. 24 с.
12. Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). М.: Наука, 1978. 236 с.
13. Примаков Е.М. Анатомия Ближневосточного конфликта. М.: Мысль, 1978. 374 с.
14. Советско-арабские дружественные отношения: сборник статей. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. 142 с.
15. СССР и Арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. 855 с.
16. Комлева Н.А., Валиахметова Г.Н., Грибанова Г.И., Радиков И.В., Сарабьев А.В., Манойло А.В., Абрамов А.В.В., Саймонс Г. Сирийский кризис как этап процесса реформирования большого Ближнего Востока (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 8–60.

SOURCES AND REFERENCIES

1. Agaryshev A.A. Naser [Nasser]. M., Molodaya gvardiya, 1979. 208 p.
2. Arabskaya Respublika Egipet: spravochnik [The Arab Republic of Egypt: a handbook]. M., Nauka, 1990. 355 p.
3. Affash I. Otnosheniya Sirii s SSSR i SSHA v 1945-1991 gg.: sravnitel'nyi analiz: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Syrian relations with the USSR an the USA in 1945-1991: the comparative analysis: abstract of thesis... Candidate in Historical sciences]. M., 2000. 22 p.
4. Blizhnevostochnyi konflikt. Iz dokumentov arkhiva vneshnei politiki RF: v 2-kh ch. Ch. 2 (1957–1967 gg.) [The Middle East conflict. From the documents of Archive of Foreign Policy of Russia: in 2 vol. Vol. 2 (1957-1967).]. M., Materik, 2003. 708 p.

5. Gataullin M.F. Siriya [Syria]. M., Gospolitizdat, 1956. 39 p.
6. Gorbатов O.M., Cherkasskii L.Ya. Sotrudnichestvo SSSR so stranami Arabskogo Vostoka i Afriki [Cooperation of the USSR with the Arab East and African countries]. M., Nauka, 1973. 364 p.
7. Demchenko P.E. Siriiskaya respublika na strazhe svoei nezavisimosti [The Syrian Republic on guard of its independence]. M., Znanie, 1957. 24 p.
8. Istoriya diplomatii: v 5-ti tomakh. Tom 5. Kniga 1 [The history of diplomacy: in 5 vol. Vol. 5. Book 1]. M., Politizdat, 1974. 750 p.
9. Kon-Sherbok D., El'-Alami D. Palestino-izrail'skii konflikt: dve tochki zreniya [The Palestinian – Israeli conflict: two points of view]. M., Fair-Press, 2002. 320 p.
10. Leont'ev A.P. Zagovor protiv Sirii [The conspiracy against Syria]. M., Gospolitizdat, 1957. 32 p.
11. Luts'kii V.B. Problema Sirii i Livana [The problem of Syria and Lebanon]. M., Pravda, 1946. 24 p.
12. Pir-Budagova E.P. Siriya v bor'be za uprochenie natsional'noi nezavisimosti (1945–1966) [Syria in the struggle for the consolidation of national independence (1945–1966)]. M., Nauka, 1978. 236 p.
13. Primakov E.M. Anatomiya Blizhnévostochnogo konflikta [Anatomy of the Middle East conflict]. M., Mysl', 1978. 374 p.
14. Sovetsko-arabskie družhestvennye otnosheniya: sbornik statei [The Soviet-Arab friendly relations: a collection of articles]. M., Izd-vo vostochnoi lit-ry, 1961. 142 p.
15. The USSR and the Arab countries, 1917–1960: documents and materials. M: Gospolitizdat, 1961. 855 S.
16. Komleva N.A., Valiakhmetova G.N., Gribanova G.I., Radikov I.V., Sarab'ev A.V., Manoilo A.V., Abramov, A. V., Simons, G., the Syrian crisis as a stage in the process of reformatting the greater Middle East (roundtable). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki, 2015, no. 5, pp. 8–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванушкин Александр Сергеевич - аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: alex56000@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Ivanoushkin – research student of the department of Modern, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: alex56000@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванушкин А.С. Суэцкий и сирийский кризисы (1956–1957 гг.) в советской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 68–76.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-68-76

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Ivanoushkin. Suez and Syrian crises of 1956–1957 in Soviet historiography. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 68–76.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-68-76

Всеобщая история

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-77-85

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЭГЕИДЫ, ЕГИПТА И ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА В XVI–XIV ВВ. ДО Н. Э.

Барбашов А.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В данной работе планируется рассмотреть экономические контакты между Египтом, Эгеей и государствами Переднего Востока в XVI–XIV вв. до н. э. Используемые данные помогут восстановить картину международной торговли и политических отношений между Эгеей, Египтом и Ближним Востоком в поздний бронзовый век. На основании письменных и археологических источников мы можем сделать вывод о вовлеченности Эгеиды в международные отношения с Египтом и Передним Востоком. Большую роль при этом сыграл Левант – как главный посредник.

Ключевые слова: Египет, Эгеида, Передний Восток, импорт, поздний бронзовый век.

ECONOMIC TIES OF EGYPT, AEGEAN AND THE NEAR EAST IN THE XVI–XIV BC

A. Barbashov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the economic contacts between Egypt, Aegean and the Near East states in the XVI–XIV BC. The data can help to restore the picture of the international trade and political relations between Aegean, Egypt and the Near East in the Late Bronze Age. Basing on the written and archaeological sources we can conclude that Aegean was involved into international relations with Egypt and the Near East. A great role in this was played by the Levant - as the main intermediary.

Key words: Egypt, Aegean, Near East, imports, Late Bronze age.

В рамках рассмотрения экономических контактов между Эгеей, Египтом и странами Переднего Востока в середине II тыс. до н.э. на основании археологических данных и письменных источников исследуются задачи изучения товарообмена между Эгеей и Египтом; анализа экономических контактов Эгеиды

и Месопотамии; выявления роли Леванта, в торгово-экономических взаимоотношениях.

Контакты Египта и Эгеиды

От II тыс. до н. э. нам известен довольно большой пласт археологического материала. В первую очередь это минойские керамические сосуды [7, с. 149–155], датируемые периодом Нового царства, в которых содержались вина и масла. К настоящему времени в Мемфисе, Абусире, Абидосе, Фивах, Гуробе и Кахуне обнаружено 1800 сосудов различной формы и размеров [14, р. 31]. Минойская керамика найдена повсеместно от северо-западного побережья Египта до юга [19, р. 3–4]. Данный вид материалов широко встречается в период правления Аменхотепа III и Рамсеса II [15, р. 116–137]. Египет в свою очередь активно экспортировал скарабеев, кувшины, фаянс [23, р. 317–325]. Египетский экспорт достигает своей наивысшей точки в период правления Тутмоса III, Аменхотепа III и Рамсеса II [2, с. 18–37]. Все эти цари так или иначе проводили активную внешнюю политику, как военную, так и дипломатическую. Вероятно, с этим и связано попадание товаров на территорию Эгеиды. Из более чем двух сотен объектов 75 попали непосредственно на материковую Грецию, 120 – на Крит, 11 – на Родос, 9 – на Киклады [14, р. 31]. Согласно мнению Филлипса, прямая торговля между Египтом и Эгеидой началась в период строительства минойских дворцов (пер. пол. II тыс. до н. э.) [23, р. 317–328].

Рассматривая египетские тексты и надписи, мы можем отметить, что первое письменное упоминание об Эгеиде встречается в период Средне-

го царства, при Сенусерте I, т. н. кефтиу [5, с. 11–12]. На стеле изображена надпись, где речь идет о «жреце Хора Кефтийского» (ḥm-nṯr Ḥr.w Kft.w) [27, р. 38]. В «Повести о Синухете» главный герой призывает в свидетели «Всех богов Земли возлюбленной и островов Великой Зелени» [5, с. 12]. В период правления Тутмоса III до нас дошли надписи из храма Амона, где говорится о транспортировке партии древесины кефтиу после победы Тутмоса в Палестине [27, р. 53]. В гробнице жреца Амона Менхеперрасенеба в одной надписи есть упоминание о «начальнике Кефтиу» [27, р. 64]. Вельможа Аменемхем в своей гробничной надписи упоминает Кефтиу в контексте других географических объектов: «Все начальники Верхней Речену, все начальники Нижней Речену, Кефтиу...» [27, р. 68–69]. В гробнице Анена также имеется географический перечень стран. Там упоминаются такие государства, как Вавилон, Куш, Митанни и Кефтиу. В храме Аменхотепа III в Солебе присутствуют топографические названия «Кадеш», «Тунип», «Угарит», «Кефтиу», «Вавилон», «Митанни» и т.д. [27, р. 78]

Веркуттер пишет, что в XV в. до н. э. термин «кефтиу» встречается 16 раз [27, р. 38–67]. Далее происходит снижение упоминания о кефтиу в текстах. Так, в XIV в. до н. э. встречается только два упоминания, в XIII в. — три [14, р. 32]. В период правления Аменхотепа II и Тутмоса IV, напротив, встречается мало упоминаний о греческом мире. Несколько египетских предметов найдено в Эгеиде [12, р. 34–47]. В гробнице на Крите (Исопата) найдено 16 предметов [3, с. 88–91]. В период правления Эхнатона упоминания практически не встречаются, что может быть связано

со сворачиванием активной внешней политики в Сиро-Палестинском регионе и переключением внимания на внутренние преобразования.

Текстовые источники амарнского периода указывают на получение и отправку египтянами многочисленных видов товаров. Данный обмен был произведён с рядом государств – Вавилон, Ассирия, Эгеида [15, р. 115–131]. Товары, как правило, включали в себя зерно, вино, текстиль, драгоценные металлы (золото), медь, масла. В гробнице Сенмута, везира Хатшепсут, содержится изображение мужчины, по всей видимости, эгейского происхождения. Подобное изображение присутствует в гробнице Пуимра, второго пророка Амона [24, р. 261–262; 25, р. 25–30]. Как и в случае с гробницей Сенмута, идентификация несколько осложнена. Аналогичные изображения встречаются в гробницах Интефа (вельможа Хатшепсут и Тутмоса III) [30, р. 376] и в мемфисской гробнице царя Хoremхеба [21, р. 235–250].

Рассмотрев общее количество экспорта предметов из Египта в Эгеиду на временном отрезке (LM I – LM IIIA2), мы имеем ниже следующие показатели по артефактам.

Сосуды – 143. Причем на период правления от Яхмоса I до Тутмоса IV приходится отправка 72 сосудов. На правление Аменхотепа III и Эхнатона – 57. В дальнейшем поставки пошли на спад [9, р. 1–5], вплоть до конца 20-й династии приходится отправка всего 14 сосудов.

Скарабеи – 37. Пик приходится на правление 19–20-й династий в количестве 18 предметов.

Алебастр – 63. На Второй переходный период и вплоть до середины

18-й династии – 39 предметов. В дальнейшем Египет отправляет гораздо меньше материала.

Фаянс – 71. От Яхмоса I до Тутмоса IV у нас имеется 21 предмет, 13 – на правление Аменхотепа III. На правление 19–20-й династий – 36 [14, р. 31–47, 108–119].

Рассматривая археологические находки по городам и поселениям, заметим, что до правления Аменхотепа III главными конечными пунктами экспорта были Кнос (33 предмета) и Исопата (16 предметов) [17, р. 3–24; 23, р. 317–339]. На правление Аменхотепа III и Эхнатона приходится мизерное количество экспорта.

Контакты Месопотамии и Эгеиды

Рассмотрим экономические контакты Месопотамии и Эгеиды. Первые контакты появились еще в III тыс. до н. э. [6, с. 118–121], но более системные отношения относятся к началу II тыс. до н. э. Среди археологического материала у нас присутствуют стеклянные бусины, цилиндрические печати и ляпис-лазурит [16, р. 246–247]. Из 47 объектов месопотамского экспорта 41 найден на материковой Греции, 2 – на Крите и 1 – на Кикладах [14, р. 25–30]. Половина этих находок относится к позднеминойскому периоду. Ярким примером является цилиндрическая печать на Крите (поселение Агия-Триада) от Старовавилонского царства. На ней имеется следующая надпись: «Нанна-мансе, сын Са-Аштартум, слуга бога Сульпа и богини Нинхурсаг» [14, р. 24]. На о. Китира найдена часть ящика XVIII в. до н. э. с надписью: «Для бога..., Нарам-Син [царь Эшнунна]..., для его жизни [посвящено это]» [14, р. 25].

LM I–II характеризовался активным экспортом в Эгеиду бисера (23 предмета), стекла (20 предметов). В более поздний период – ляпис-лазурита (17 предметов в период LM IIIB–IIIC) [21, р. 249]. В указанный период LM I–IIIC в Эгеиде представлены следующие предметы месопотамского происхождения: сосуды – 97; статуэтки – 3; скарабеи – 19; бисер – 57; ювелирные изделия – 13 [14, р. 25–30].

Согласно архивам Мари, мы можем установить любопытное положение этого государства по отношению к Эгеиде. Ко времени правления Зимрилима (пер. пол. XVIII в. до н. э.) относится текст о заинтересованности Мари оловом, которое поступало с Востока и оттуда экспортировалось на западные рынки – Угарит, Алеппо [26, р. 180–221]. Минойцы в свою очередь экспортируют в Мари оружие (копья, кинжалы), вазы, одежду, кожу [8, с. 556–580]. Данные товары либо были принесены в дар Зимрилиму, либо переданы с целью дальнейшей их транспортировки в Месопотамию [14, р. 27].

Существуют доказательства караванных путей, по которым эмиссары Эгеиды попадали в Месопотамию [12, р. 114–132]. Перевалочным пунктом и главными рынками для сбыта продукции были Угарит, Библ и Мари. Отсюда товары и сырье из Эгеиды транспортировались на восток [4, с. 18–107], в глубь Месопотамии или на юг, в Египет. Предметы месопотамского экспорта (XVIII в. до н. э.) обнаружены в Беотии. Материал имеет сиро-палестинское и вавилонское происхождение. Среди находок значатся цилиндрические печати, фаянс и лазурит [14, р. 25]. На одной из печатей высечено имя Бурна-Буриаша II, вавилонского

царя, который находился в переписке с Египтом.

Контакты Эгеиды и Леванта

Существуют некоторые трудности в отношении анализа связей Леванта и Эгеиды. Во-первых, это большое количество городов-государств в данном регионе. Во-вторых, гегемония великих держав того времени – Египта, Митанни, а затем и государства Хеттов. В связи с этим сложно считать Сиро-Палестинский регион самостоятельным игроком на международной арене, который так или иначе находился в политической или экономической зависимости от какого-либо государства. Египетское присутствие в Палестине не позволяет нам в должной мере считать данный регион самостоятельным во внешнеполитических делах с Эгеидой [11, р. 366–368]. Однако в Северной Сирии Митанни предложило местным городам-государствам иную схему политического развития, позволив вести торгово-экономические дела с соседями и требуя от своих сателлитов лишь верность и выплату дани. Со второй половины XIV в. до н. э. Сирия становится центром политического влияния хеттов. Тем не менее хеттское присутствие не оказало серьезного влияния на экспорт товаров в Эгеиду. Угарит, прибрежное государство, находящееся на севере Сирии, до определенного момента вело независимую торговую политику.

Как уже упоминалось выше, роль Сиро-Палестинского региона как посредника в торговле между Месопотамией и Эгеидой была высока, об этом нам сообщают надписи из Мари времени правления Зимрилима. В одном из текстов Угарита (XIII в. до н. э.) говорится: «С этого дня Амми-

стамру, сын Никмера, царь Угарита, дает льготы Синарану, сыну Сигину... Его кораблю дана льгота, когда он вернулся с Крита» [14, р. 49].

Сиро-палестинский экспорт в греческий мир составляет 259 предметов. Из них 99 приходится на материковую Грецию, 71 – на Крит [14, р. 49]. Среди данных предметов наиболее часто встречается керамика, фаянс и драгоценные металлы. В целом товары, отправленные из Угарита в Месопотамию, Эгеиду, Египет и другие государства, являются достаточно разнообразными. Среди них масла, пурпур, зерно, ткани, смола и лес [16, р. 245–252]. С конца XIII в. до н. э. количество товаров, экспортируемых из Угарита, заметно падает [18, р. 34–37]. По всей видимости, это было связано с внешнеполитическими проблемами, с которыми столкнулись жители, населяющие Передний Восток, а именно нашествие народов моря, в результате которого крупные города-государства, как Катна и Угарит, были практически уничтожены.

Катна на перекрестке торговых путей

В 2000–2004 гг. археологической экспедицией под руководством Пфальцнера была обнаружена тысяча фрагментов настенных росписей в Катне. Росписи имеют минойское происхождение и позволяют судить о достаточно тесных связях между двумя цивилизациями. Рассматривая настенные изображения рельефов царского дворца Катны, мы находим в комнате N красные полосы с черными линиями [22, s. 95–96]. Подобная стилистика часто встречается в настенной живописи минойских дворцов и датируется LM IA [10, р. 34].

Другой фрагмент настенной живописи царского дворца в Катне, изображающий черные, слегка волнистые линии с мотивами эгейской флоры [22, s. 114, рис. 4], повторяет аналогичное изображение из Кносского дворца периода MM II–III. Сочетание черных линий и полос, как мы видим на одном из изображений [22, s. 115, рис. 9] (фрагмент из Кносского дворца), является каноничным для Катны. Изображение цветка из комнаты N [22, s. 115, рис. 8] также повторяет эгейскую стилистику с её плавными линиями на белом фоне [1, с. 88–94]. Тем не менее нельзя говорить о полном заимствовании эгейской стилистики. Множество наклонных линий, которые можно проследить на рельефах Катны, являются местной особенностью [22, s. 104]. В Катне мы не наблюдаем спиралевидных линий, так свойственных эгейской живописи.

Существует несколько теоретических моделей возникновения эгейской живописи в Катне. Согласно одной из них, фрески и рельефы были завезены эгейскими мастерами [10, р. 38]. В этом нет ничего удивительного, учитывая тесные контакты между Эгеидой и странами Переднего Востока в указанный период времени [13, р. 12–13]. Слабым местом данной гипотезы является то, что фрески из Катны, несмотря на определенное влияние Эгеиды, всё же носят в себе элементы местной традиционной живописи. Согласно другой точке зрения, в этот период происходил межкультурный обмен двух регионов [20, р. 42]. Учитывая установленные политические и экономические контакты и географическое расположение Катны на пересечении торговых путей, вполне логичным

может представляться и культурная коммуникация, заимствование определённой художественной техники и адаптация её под местные традиции.

На основании сказанного выше мы можем сделать вывод об активном вовлечении Эгеиды в систему международных связей Египта, Переднего Востока и Месопотамии. Об этом го-

ворят многочисленные египетские и месопотамские надписи, а также рост торговых взаимоотношений в XVI–XIV вв. до н. э. Другой вывод позволяет утверждать, что территория Леванта была связующей в международных контактах и выполняла посреднические функции в товарообмене между Эгеей, Египтом и Месопотамией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 862 с.
2. Андреев Ю.В. Поселения эпохи бронзы на территории Греции и островов Эгеиды. СПб.: Нестор-История, 2013. 360 с.
3. Бокиш Г. Дворцы Крита // Вестник древней истории. 1974. № 4. С. 88–97.
4. Веркуттер Ж. Египет и долина Нила. Т. 1: С древнейших времен и до конца Древнего царства, 12000–2000 гг. до н. э. СПб.: Нестор-История, 2015. 384 с.
5. Ильин-Томич А.А., Сафронов А.В. Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера» // Вестник древней истории. 2010. № 4. С. 3–22.
6. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Т. 2: Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с.
7. Пендлбери Дж. Археология Крита. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. 416 с.
8. Betancourt, Philip P., Davaras C., Stravopodi E. Excavations in the Hagios Charalambos Cave: A Preliminary Report // *Hesperia*. 2008. Vol. 77 (4). P. 539–605.
9. Betancourt, Philip P. Newly excavated artifacts from Hagios Charalambos, Crete, with Egyptian connections // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3 (2). P. 1–5.
10. Bietak, Manfred. Minoan paintings in Avaris, Egypt // *Proceedings of the first international symposium “The wall paintings of Thera”* (Petros M. Nomikos Conference Centre, Thera, Hellas, 30 August – 4 September 1997). Athen: Thera Foundation, 2000. P. 33–42.
11. Caloi, Ilaria. Connecting Crete with the Near East and Egypt in the Minoan Protopalatial Period: what news in the 21st century? // *SOMA 2012. Identity and connectivity: proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology*, Florence, Italy, 1–3 March 2012. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 365–370.
12. Castleden R. *Minoans: Life in Bronze Age Crete*. London and New York: Taylor & Francis Group, 2001. 210 p.
13. Colburn, Cynthia S. Egyptian gold in prepalatial Crete? A consideration of the evidence // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3 (3). P. 1–13.
14. Cline E. *Sailing the Wine-Dark Sea: International trade and the Late Bronze Age Aegean* [British Archaeological Reports]. Oxford: Archaeopress, 1994. 316 p.
15. Cline E. The Nature of the Economic Relations of Crete with Egypt and the Near East during the Late Bronze Age // *From Minoan Farmers to Roman Trades*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. P. 115–144.
16. Cline E., Yasur-Landau A., Goshen N. New Fragments of Aegean-Style Painted Plaster from Tel Kabri, Israel // *American Journal of Archaeology*. 2011. Vol. 115 (2). P. 245–261.
17. Davies V., Schofield L. *Egypt, the Aegean and the Levant. Interconnections in the Second Millennium BC*. London: British Museum Press, 1995. 156 p.

18. Leonard A., Cline E. The Aegean Pottery at Megiddo: An Appraisal and Reanalysis // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1998. № 309. P. 3–39.
19. Marinatos N. [Reviewed by G. Cadogan]. Minoan Kingship and the Solar Goddess: A Near Eastern Koine // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3 (1). P. 3–4.
20. Martino, Paula L. Egyptian ideas, Minoan rituals: evidence of the interconnections between Crete and Egypt in the Bronze Age on the Hagia Triada sarcophagus // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2012. Vol. 4 (1). P. 31–50.
21. Matic U. Out of the World and Out of the Picture? Keftiu and Materializations of «Minoans» // *Encountering Imagery Materialities, Perceptions, Relations* [Studies in archaeology, no 57]. Stockholm: Stockholm University, 2012. P. 235–253.
22. Pfälzner P. Beetwen the Aegean and Syria: The Wall Paintings from the Royal Palace of Qatna // *Fundstellen: Gesammelte Schriften zur Archäologie und Geschichte Alt Vorderasiens ad honorem Hartmut Kühne*, Wiesbaden: Harrassowitz, 2008. S. 95–118.
23. Phillips J., Cline E. Amenhotep III and Mycenae: New Evidence // *Autochthon: Papers Presented to O.T.P.K. Dickinson on the Occasion of His Retirement*. Oxford: Archaeopress, 2005. P. 317–328.
24. Porter B, Moss R. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. IV: Lower and Middle Egypt. Oxford: Griffith Institute, 1968. 294 p.
25. Shaw M. Ceiling patterns from the tomb of Hepzefa // *American Journal of Archaeology*. 1970. № 74. P. 25–30.
26. Sowada, Karin N. Egypt in the eastern Mediterranean during the Old Kingdom: an archaeological perspective [Orbis Biblicus et Orientalis, 237]. Fribourg; Göttingen: Academic Press; Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 312 p.
27. Vercoutter J. L'Égypte et Le Monde Égéen Préhellénique. Étude Critique Des Sources Égyptiennes [Bibliothèque D'Etude. T. XXII]. Le Caire: Institut Français D'Archéologie Orientale, 1956. 471 p.
28. Walberg G. The date and origin of the Kamares cup from Tell el-Dab'a // *Ägypten und Levante*. 1998. № 8. P. 107–108.
29. Warren P. Aegean Bronze Age Chronology. Bristol: Bristol Classical Press, 1989. 256 p.
30. Weingarten, Judith. The arrival of Egyptian Taweret and Beset on Minoan Crete: contact and choice // *SOMA 2012. Identity and Connectivity: Proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology*, Florence, Italy, 1-2 March 2012 [Vol. 1]. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 371–378.

REFERENCES

1. Andreev Yu.V. Ot Evrazii k Evrope. Krit i Egeiskii mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III – nachalo I tys. do n. e.) [From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean world in the bronze age and the early iron age (III – early I Millennium BC)]. SPb., Dmitrii Bulanin, 2002. 862 p.
2. Andreev Yu.V. Poseleniya epokhi bronzy na territorii Gretsii i ostrovov Egeidy [Settlements of the bronze age in Greece and the Islands Aegean]. SPb., Nestor-Istoriya, 2013. 360 p.
3. Bokish G. Dvortsy Krita [The palaces of Crete]. *Vestnik drevnei istorii*, 1974, no. 4, pp. 88–97.
4. Verkutter ZH. Egipet i dolina Nila. T. 1: S drevneishikh vremen i do kontsa Drevnego tsarstva, 12000–2000 gg. do n. e [Egypt and the Nile valley. Vol. 1: From ancient times to the end of the old Kingdom, 12000–2000 BC]. SPb., Nestor-Istoriya, 2015. 384 p.
5. Il'in-Tomich A.A., Safronov A.V. Datirovka i vozmozhnyi istoricheskii kontekst «Recheniya Ipuvera» [Dating and possible historical context "Utterances of Ipuwer"]. *Vestnik drevnei istorii*, 2010, no. 4, pp. 3–22.

6. Mongait A.L. Arkheologiya Zapadnoi Evropy. T. 2: Bronzovyi i zheleznyi veka [Archaeology of Western Europe. Vol. 2: the Bronze and Iron ages]. M., Nauka, 1974. 408 p.
7. Pendlberi Dzh. Arkheologiya Krita [Pendlebury, John. The Archaeology Of Crete]. M., Izdvo inostrannoi literatury, 1950. 416 p.
8. Betancourt, Philip P., Davaras C., Stravopodi E. Excavations in the Hagios Charalambos Cave: A Preliminary Report. *Hesperia*, 2008, vol. 77 (4), pp. 539–605.
9. Betancourt, Philip P. Newly excavated artifacts from Hagios Charalambos, Crete, with Egyptian connections. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*, 2011, vol. 3 (2), pp. 1–5.
10. Bietak, Manfred. Minoan paintings in Avaris, Egypt. *Proceedings of the first international symposium "The wall paintings of Thera"* (Petros M. Nomikos Conference Centre, Thera, Hellas, 30 August – 4 September 1997). Athen: Thera Foundation, 2000, pp. 33–42.
11. Caloi, Ilaria. Connecting Crete with the Near East and Egypt in the Minoan Protopalatial Period: what news in the 21st century? SOMA 2012. Identity and connectivity: proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology, Florence, Italy, 1–3 March 2012. Oxford: Archaeopress, 2013, pp. 365–370.
12. Castleden R. Minoans: Life in Bronze Age Crete. London and New York: Taylor & Francis Group, 2001. 210 p.
13. Colburn, Cynthia S. Egyptian gold in prepalatial Crete? A consideration of the evidence. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*, 2011, vol. 3 (3), pp. 1–13.
14. Cline E. Sailing the Wine-Dark Sea: International trade and the Late Bronze Age Aegean [British Archaeological Reports]. Oxford: Archaeopress, 1994. 316 p.
15. Cline E. The Nature of the Economic Relations of Crete with Egypt and the Near East during the Late Bronze Age. *From Minoan Farmers to Roman Trades*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999, pp. 115–144.
16. Cline E., Yasur-Landau A., Goshen N. New Fragments of Aegean-Style Painted Plaster from Tel Kabri, Israel. *American Journal of Archaeology*, 2011, vol. 115 (2), Pp. 245–261.
17. Davies V., Schofield L. Egypt, the Aegean and the Levant. Interconnections in the Second Millennium BC. London: British Museum Press, 1995. 156 p.
18. Leonard A., Cline E. The Aegean Pottery at Megiddo: An Appraisal and Reanalysis. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 1998, no. 309, pp. 3–39.
19. Marinatos N. [Reviewed by G. Cadogan]. Minoan Kingship and the Solar Goddess: A Near Eastern Koine. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*, 2011, vol. 3 (1), pp. 3–4.
20. Martino, Paula L. Egyptian ideas, Minoan rituals: evidence of the interconnections between Crete and Egypt in the Bronze Age on the Hagia Triada sarcophagus. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*, 2012, vol. 4 (1), pp. 31–50.
21. Matic U. Out of the World and Out of the Picture? Keftiu and Materializations of «Minoans». *Encountering Imagery Materialities, Perceptions, Relations* [Studies in archaeology, no 57]. Stockholm: Stockholm University, 2012, pp. 235–253.
22. Pfälzner P. Beetwen the Aegean and Syria: The Wall Paintings from the Royal Palace of Qatna. *Fundstellen: Gesammelte Schriften zur Archäologie und Geschichte Alt Vorderasiens ad honorem Hartmut Kühne*, Wiesbaden: Harrassowitz, 2008. S. 95–118.
23. Phillips J., Cline E. Amenhotep III and Mycenae: New Evidence // *Autochthon: Papers Presented to O.T.P.K. Dickinson on the Occasion of His Retirement*. Oxford: Archaeopress, 2005. Pp. 317–328.
24. Porter B., Moss R. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. IV: Lower and Middle Egypt. Oxford: Griffith Institute, 1968. 294 p.
25. Shaw M. Ceiling patterns from the tomb of Hepzefa. *American Journal of Archaeology*, 1970, no. 74, pp. 25–30.

26. Sowada, Karin N. Egypt in the eastern Mediterranean during the Old Kingdom: an archaeological perspective [Orbis Biblicus et Orientalis, 237]. Fribourg; Göttingen: Academic Press; Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 312 p.
27. Vercoutter J. L'Égypte et Le Monde Égéen Préhellénique. Étude Critique Des Sources Égyptiennes [Bibliothèque D'Etude. T. XXII]. Le Caire: Institut Français D'Archéologie Orientale, 1956. 471 p.
28. Walberg G. The date and origin of the Kamares cup from Tell el-Dab'a. *Ägypten und Levante*, 1998, no 8, pp. 107–108.
29. Warren P. Aegean Bronze Age Chronology. Bristol: Bristol Classical Press, 1989. 256 p.
30. Weingarten, Judith. The arrival of Egyptian Taweret and Beset on Minoan Crete: contact and choice // SOMA 2012. Identity and Connectivity: Proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology, Florence, Italy, 1-2 March 2012 [Vol. 1]. Oxford: Archaeopress, 2013. Pp. 371–378.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барбашов Александр Александрович — аспирант кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: albarbashov8@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Barbashov — Post-Graduate Student of the Department of Archeology, Ancient and Medieval History, Moscow Region State University;
e-mail: albarbashov8@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Барбашов А.А. Экономические связи Эгеиды, Египта и Переднего Востока в XVI–XIV вв. до н. э. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-77-85

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Barbashov. Economic ties of Egypt, Aegean and the Near East in the XVI–XIV BC. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-77-85

УДК 94 (430) "1933/1934"

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-86-92

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ И МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА, КОНТРОЛЯ И ТЕРРОРА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ГЕРМАНИИ (1933–1934 ГГ.)

Гаврилов А.Ю.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье освещается процесс создания в первые годы после прихода национал-социалистов к власти в Германии тоталитарной государственной системы и механизмов политического сыска, контроля над обществом, подавления реальных и потенциальных противников режима. Автором проанализирован фактический материал, характеризующий создание органов гестапо и СД как основных структур политического сыска, представлена оценка сущности и методов деятельности тайной государственной полиции. Проведенный анализ показал и обосновал успешность формирования этих структур за счет массового перехода на службу нацистов чинов полиции периода Веймарской республики.

Ключевые слова: национал-социализм, гестапо, механизмы контроля и подавления, политический сыск.

FORMATION OF THE SYSTEM AND MECHANISMS OF POLITICAL INVESTIGATION, CONTROL AND TERROR IN THE EARLY NAZI REGIME IN GERMANY (1933–1934)

A. Gavrilov

Moscow Region State University

10A Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article highlights the process of creating a totalitarian state system and mechanisms for political investigation, control over the society, and suppression of real and potential opponents of the regime in the first years after entering into power of National Socialists in Germany. The author analyzes the factual material characterizing the creation of the Gestapo and SD bodies as the main structures of political investigation. The assessment of the nature and methods of the secret state police is presented. The analysis showed and substantiated the success of the formation of these structures due to the mass transition to the service of Nazi police officers of the period of the Weimar Republic.

Key words: National Socialism, gestapo, control and suppression mechanisms, political investigation.

Проблема формирования в нацистской Германии тоталитарной системы и механизмов всеобъемлющего контроля над обществом, подавления любых проявлений оппозиционности, протеста, реальных и потенциальных противников режима продолжает оставаться актуальной и спустя 80 лет. В последние два десятилетия эта проблематика вызывает определенный интерес как у отечественных специалистов, так и у зарубежных преимущественно, германских историков. В значительной степени указанная заинтересованность объясняется открытием архивов и появлением большей свободы, возможностей для изучения исторических процессов прошлого в современный период [4, с. 71]. Задачей настоящей статьи является освещение процесса создания в Германии в начальный период после прихода национал-социалистов к власти тайной политической полиции (гестапо) и формирования системы и механизмов осуществления политического сыска.

Приход национал-социалистов к власти в Германии в первые месяцы 1933 г. привел к резкому обострению политического конфликта в немецком обществе между ними и коммунистами, а также социал-демократами, которые представляли собой альтернативные нацистам мощные политические силы. Без быстрой и безоговорочной победы над оппозицией национал-социалисты не могли добиться укрепления своей власти и реализации программных политических целей. Основным инструментом нацистов, помимо отрядов штурмовиков, должен был стать карательный аппарат, который возможно было в относительно короткие сроки сформировать,

лишь опираясь на существовавшие в тот момент полицейские структуры бывшей Веймарской республики. Нацистская партия (НСДАП) отводила карательным органам Германии значительную роль. Перед ними ставилась задача радикального подавления любой, в том числе и внутрипартийной, оппозиции, а также всех проявлений инакомыслия. Крайней формой реализации этой задачи была физическая ликвидация оппонентов власти и потенциальных конкурентов [5, с. 35].

Укрепившись в центре после успешных для себя выборов в Рейхстаг, нацисты форсировали овладение командными высотами в германских землях, в местных земельных парламентах (ландтагах), в которых к началу 1933 г. они не обладали парламентским большинством и были по этой причине лишены возможности законным путем сформировать местные правительства, подконтрольные нацистам.

В этой связи для нацистов важное значение имел оперативный захват руководства земельными местными полицейскими органами, оставшимися от прежней, «веймарской» полиции, который они быстро и эффективно осуществляют. Юридической основой для реализации указанной цели нацистами становится указ рейхспрезидента Германской империи Пауля фон Гинденбурга от 28 февраля 1933 г. «О защите народа и государства», который отменял гражданские права Веймарской конституции. Данный указ ограничивал личные права и свободы граждан, свободу слова, свободу прессы, свободу собраний и митингов, разрешая вскрывать почтовые отправления, прослушивать телефонные разговоры, проводить обыски и арестовывать лич-

ное имущество. Вторая часть указа разрешала центральным органам государства вмешиваться в дела федеральных земель, став основой для осуществленного нацистами перевода Германии от федеративного к унитарному территориальному устройству. Основываясь на положении § 2 указа «О защите народа и государства», министр внутренних дел нацистской Германии, соратник Гитлера, Вильгельм Фрик приступил в марте 1933 г. к назначению в земли страны обладавших чрезвычайными полномочиями имперских комиссаров, которые, как официально указывалось, должны были противодействовать «актам насилия со стороны коммунистов». Одновременно происходили изменения в персональном составе руководства полицией. Во многих случаях на ключевые посты в органы местной полиции назначались руководители (фюреры) местных военизированных нацистских формирований СА и СС [3, с. 28–34].

К моменту прихода нацистов к власти в Германии в январе 1933 г. полиция Веймарской республики представляла собой весьма эффективный инструмент осуществления политической власти, насчитывая 150 тысяч хорошо вооружённых и обученных сотрудников. В результате того, что Ноябрьская революция 1918 г. оказалась незавершённой, в Веймарской Германии (1919–1933 гг.) остались и сохранились основы полицейского аппарата кайзеровского периода, который во времена монархии был объектом постоянной заботы со стороны правящей политической элиты. Таким образом, Гитлер и национал-социалисты, придя к власти, получили в свое распоряжение практически готовый государственный

инструмент в лице полиции, на базе которой быстро сформировали свой собственный аппарат принуждения, подавления и обеспечения господства в обществе и государстве. Более того, наличие Версальского договора 1919 г., предельно ограничившего возможности Германии в деле открытой подготовки к военному реваншу за поражение в Первой мировой войне, обусловило повышенное внимание правящих элит к органам полиции в Веймарской республике. Правое крыло политической элиты Германии веймарского периода вынуждено было искать обходные пути для проведения в дальнейшем постепенной милитаризации страны, стремясь превратить полицию во вторую армию, поскольку численность рейхсвера (армии Веймарской республики) по Версальскому договору была ограничена 100 тысячами человек [1, с. 23].

Все эти обстоятельства нашли отражение в специфических формах организации немецкой полиции в «веймарский» период и этим облегчили впоследствии национал-социалистам её использование для проведения террора и осуществления политического сыска против своих противников. В Германии 1919–1933 гг. в каждой из 17 крупных административных единиц (земель) существовала своя полиция, частично государственная, а частично – муниципальная, руководимая местным министерством внутренних дел. Полицейские органы разделялись на два вида: административную полицию и «исполнительную службу». Наиболее многочисленной частью «исполнительной службы» являлась «охранная полиция», которая вела своё происхождение от одноименной кайзеровской

полиции, которая имела также наименование «полиции безопасности».

Полностью военизированная, оснащённая не только автоматическим стрелковым оружием, но и минометами, бронев автомобилями и даже самолетами, она наряду с армией (рейхсвером) и различными полувоенными «добровольческими» формированиями играла роль главного ударного средства подавления коммунистической революционной волны. Таким образом, полицейские органы, входившие в систему МВД, к моменту прихода националистов к власти были надёжным и мощным оружием государственного режима в борьбе с его политическими противниками внутри Германии.

Следует отметить, что в распоряжении гитлеровского правительства оказалась сеть других полицейских органов, состоящих в ведении некоторых отраслевых министров. Например, принадлежавшая Министерству путей сообщения имперская водная охрана, принадлежавшая Министерству финансов служба таможенного розыска, горная полиция.

Репрессивный аппарат национал-социалистического государства формировался за счёт перечисленных прежних полицейских органов Веймарской республики, соединённых в идеологическом и организационном смыслах со специализированными формированиями НСДАП – штурмовыми отрядами (СА) и охранными отрядами (СС). СА, созданные ещё в 1921 г., к середине 1932 г. превратились в мощную военизированную организацию, численность членов которой составляла 480 тысяч человек. Фактически это была полуправовая параллельная официальному рейхсверу

армия нацистов. СА была разделена на территории Германии по округам (группам), дислокация и границы которых соответствовали существовавшим военным округам. Штурмовые отряды стали основой создания системы полицейского террора в Германии, получив в 1933 г. официальный статус вспомогательной полиции.

В 1931 г. внутри СС Гиммлер создал тщательно засекреченную партийную систему контрразведки и политического сыска – СД (служба безопасности). Главой СД был назначен 27-летний морской офицер-связист Рейнхард Гейдрих. В структурном отношении СС к 1933 г. представляли собой жёсткую централизованную систему, построенную по военному образцу, возглавлявшуюся рейхсфюрером СС Гиммлером, подчиненным непосредственно «фюреру» Адольфу Гитлеру. СС территориально также подразделялась на округа. Таким образом, к началу 1933 г. в распоряжении национал-социалистов находилась огромная армия солдат, полицейских и членов полувоенных и военизированных формирований. В общей численности она составляла 775 тысяч человек, которых можно было использовать как эффективный инструмент подавления любых противников внутри страны.

В апреле 1933 г. сначала только в главной, наиболее крупной германской земле – Пруссии, главой земельного правительства которой был Герман Геринг, была создана тайная политическая полиция под аббревиатурой «гестапо» (тайная государственная полиция). 26 апреля 1933 г. он подписал указ о создании гестапо. Общее руководство гестапо Геринг взял на себя. Перед этим им 17 февраля 1933 г. был

издан специальный приказ, регламентировавший использование полицией оружия, которым поощрялось его применение и предполагалось наказывать полицейских за проявление «ложного мягкосердечия» при принятии мер [2, с. 296]. Следующим шагом по пути усовершенствования аппарата государственного террора в Пруссии стало издание закона от 30 ноября 1933 г., на основании которого политическая полиция была объявлена самостоятельной ветвью внутреннего управления, независимой от Министерства внутренних дел и подчиняющейся непосредственно министру-президенту Герингу, получившему титул «шефа гестапо». Одновременно с прусским, возглавлявшимся Герингом, в Баварии возникает аналогичный центр развития полицейской системы фашистской Германии, возглавлявшийся Гиммлером. В Баварском МВД организуется новая служба «Бюро командира политической полиции», руководившее вновь созданной «Баварской политической полицией». Баварская политическая полиция была создана за счёт выделения политических отделов при государственных полицейских дирекциях и управлениях крупных городов Баварии, а также за счёт «политических рефератов» полицейских управлений сельских округов этой земли.

Среди сотрудников СД в 1933 г. почти не было профессиональных полицейских криминалистов. Поэтому Гиммлер и его заместитель Гейдрих пошли на принятие в СС группы баварских полицейских чиновников, служивших ещё в Веймарской республике. Став позже членами национал-социалистической партии, они верно служили нацистскому режиму до его конца.

Ведущее положение в этой группе занимал криминал-инспектор Генрих Мюллер, в будущем ставший группенфюрером (генерал-лейтенантом) СС и руководителем гестапо. Именно Мюллер сумел создать эффективную тайную государственную полицию Рейха, используя опыт и знания, полученные в Баварской криминальной полиции Мюнхена. Необходимо отметить, что система гестапо была настолько жизнеспособной, что функционировала вплоть до самых последних дней существования в Германии национал-социалистического режима.

Характерно, что большинство служащих «политических» подразделений «веймарской» полиции перешли на службу к нацистам. К примеру, известно, что уже к 1938 г. 90% членов отделения гестапо в Кобленце составляли прежние «веймарские» полицейские. На всей территории Германии в начальный период существования нацистского политического режима большинство сотрудников гестапо составляли не столько идейные нацисты, сколько бывшие служащие полиции Веймарской республики. Из них не более половины сотрудников состояли в НСДАП [7, S. 18–20, 49–59].

В течение 1933 – начале 1934 гг. во всех землях Германии были созданы территориальные подразделения тайной государственной политической полиции. С первых месяцев существования гестапо стали проявляться характерные особенности этой спецслужбы и её отличия от других подобных структур. Необходимо отметить, что политическая полиция, созданная Гиммлером-Гейдрихом, отличалась от предшествующих «моделей» в Германии тем, что она не захватывала

«врагов государства» с «поличным», а «вскрывала» противника ещё до того, как он высказал или каким-то образом проявил свои оппозиционные нацистскому режиму настроения, а тем более – перешёл к каким-либо активным действиям. Это соответствовало специфике деятельности карательных органов именно в тоталитарном государстве, в котором полностью отсутствовали такие юридические понятия, как презумпция невиновности и иные правовые гарантии демократической системы. Полиция, особенно тайная политическая полиция, по мнению Гимmlера-Гейдриха, должна была обладать практически безграничными полномочиями. Она была подчинена руководству СС, а её руководящие кадры укреплялись надёжными, с на-

цистских позиций, сотрудниками СД. Сила гестапо заключалась не столько в эффективных методах оперативной работы, сколько в желании сотрудничества с этой организацией огромной массы немецкого населения – «простых фольксгенносе» (товарищей из народа). В книге современного германского исследователя Г. Дивальд-Керкманн наглядно показана работа гестапо с так называемыми «добровольными помощниками» нацистского режима [6, S. 138, 172].

Таким образом, в 1933-начале 1934 гг. на основе полицейских органов прежнего «веймарского» режима в Германии была создана эффективная система органов гестапо и СД, осуществлявшая политический сыск противников режима и террор против них.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. Германия: обзор вооруженных сил по состоянию на 1 марта 1923 года. [Б.м.]: Развед. упр. РККА. 1924. 85 с.

Литература

2. Гейден К. История германского фашизма. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. 434 с.
3. Гиленсен В.М., Гаврилов А.Ю. Политический сыск в нацистской Германии (1933-1945 гг.). М.: Народный учитель, 2001. 74 с.
4. Корнеева Л.Н. Современная немецкая историография о механизме контроля и подавления нацистского государства: гестапо и концентрационные лагеря // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2(3). С. 71–76.
5. Шлоттауэр В.О. Карательные органы Советского государства и нацистской Германии в 30-е годы (сравнительно-правовой анализ): дис. ... на канд. юрид. Краснодар, 2010. 35 с.
6. Diewald-Kerkmann G. Politische Denunziation im NS-Regime: Oder die kleine Macht der "Volksgenossen". Bonn: J. W. Dietz Nachfolger, 1995. 256 p.
7. Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus: Probleme einer Sozialgeschichte des deutschen Faschismus / Ruhr W., Berlekamp B. (Hrsg.). Mynster: Westfdlisches Dampfboot, 1995. 346 p.

Sources

1. Germaniya: obzor vooruzhennykh sil po sostoyaniyu na 1 marta 1923 goda. [Germany: review of the armed forces for 1 March, 1923.]. [Without place of publication], Razved. upr. RKKA, 1924. 85 p.

References

2. Geiden K. Istoriya germanskogo fashizma [The history of German fascism]. M.-L., Sotsek-giz, 1935. 434 p.
3. Gilensen V.M., Gavrilov A.YU. Politicheskii sysk v natsistskoi Germanii (1933-1945 gg.) [Political spying in Nazi Germany (1933–1945.)]. M., Narodnyi uchitel', 2001. 74 p.
4. Korneeva L.N. Sovremennaya nemetskaya istoriografiya o mekhanizme kontrolya i podavleniya natsistskogo gosudarstva: gestapo i kontsentratsionnye lagerya [The modern German historiography about the mechanism of control and repression of the Nazi state, the Gestapo and the concentration camps]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2(3), pp. 71–76.
5. Shlotgauer V.O. Karatel'nye organy Sovetskogo gosudarstva i natsistskoi Germanii v 30-e gody (sravnitel'no-pravovoi analiz): dis. ... na kand. yurid [Punitive organs of the Soviet state and the Nazi Germany in the 30 years (comparative-legal analysis): thesis ... Candidate in Law sciences]. Krasnodar, 2010. 35 p.
6. Diewald-Kerkmann G. Politische Denunziation im NS-Regime: Oder die kleine Macht der "Volksgenossen". Bonn, J. W. Dietz Nachfolger, 1995. 256 s.
7. Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus: Probleme einer Sozialgeschichte des deutschen Faschismus / Röhr W., Berlekamp B. (Hrsg.). Münster, Westfälisches Dampfboot, 1995. 346 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, начальник управления контроля качества и мониторинга образовательного процесса Московского государственного областного университета;
e-mail: au.gavrilov@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander U. Gavrilov – Candidate in Historical sciences, Head of the Department for Quality Control and Monitoring of the Educational Process, Moscow Region State University;
e-mail: au.gavrilov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гаврилов А.Ю. Формирование системы и механизмов политического сыска, контроля и террора в начальный период нацистского режима в Германии (1933–1934 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 86–92.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-86-92

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Gavrilov. Formation of the system and mechanisms of political investigation, control and terror in the early nazi regime in Germany (1933–1934). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 86–92.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-86-92

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-93-98

ДЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ В ПЕРИОД ПЕРВОГО КАБИНЕТА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР: 1979–1983 гг.

Краюхин И.С.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Северная Ирландия – регион, столкнувшийся в течение XX в. с большим спектром проблем. Проведение неоконсервативного экономического курса в данных условиях было крайне осложнено. Кабинет Маргарет Тэтчер смог адаптировать свою экономическую программу к специфическим условиям региона, пойдя на неординарные меры. Отличительной чертой экономической политики Великобритании в Северной Ирландии стало начало процесса деволуции, что коренным образом противоречило содержанию режима прямого правления.

Ключевые слова: Великобритания, Северная Ирландия, экономика, тэтчеризм, деволуция.

DEVOLUTION AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF NORTHERN IRELAND IN THE PERIOD OF THE FIRST THATCHER'S CABINET: 1979–1983

I. Krayukhin*Moscow Region State University**10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. Northern Ireland is a region which faced a wide range of problems during the XX century. Conducting neoconservative economic course in these conditions was extremely difficult. Margaret Thatcher's Cabinet was able to adapt its economic program to the specific conditions of the region, having taken extraordinary steps. The characteristic feature of the economic policy of Great Britain in Northern Ireland was the process of devolution that was absolutely against the essence of the direct rule regime.

Key words: the United Kingdom, Northern Ireland, economy, Thatcherism, devolution.

Конфликт в Северной Ирландии – длительный процесс, затрагивающий как современные, так и исторически сложившиеся вопросы экономического, социального, политического и религиозного характера. В ходе данного конфликта на территории Северной Ирландии сложилась особая система государственного устройства – режим прямого правления, состоявший в концентрации полномочий в руках центральной власти.

Важной частью правления Маргарет Тэтчер являлась реализация неоконсервативной экономической политики, основой которой являлось повышение рентабельности предприятий и сокращение государственного вмешательства в экономику, а также сокращение прямых налогов [2, с. 313]. В ходе формирования экономического курса Великобритании в Северной Ирландии консервативное правительство Тэтчер столкнулось с рядом серьезных проблем, неразрешимых с использованием кейнсианских методов. Невозможность проведения экономического курса консерваторов состояла в следующем: положение в североирландском регионе в послевоенный период характеризовалось затяжным экономическим спадом, усугубляемым национальным и религиозным факторами. Основой экономического курса предшественников Маргарет Тэтчер здесь служила поддержка крупных предприятий и дотация дефицитного бюджета.

На момент прихода консерваторов к власти в 1979 г. Великобритания не оправилась от последствий мирового экономического кризиса [2, с. 313]. В Северной Ирландии, страдавшей вот уже второе десятилетие от затяжного этно-религиозного конфликта, экономическая ситуация была крайне угрожающей: по некоторым показателям регион был самым отстающим в Западной Европе [1, с. 19]. Для примера рассмотрим важнейшие социально-экономические показатели: уровень безработицы в Северной Ирландии составлял 7,9% трудоспособного населения (при 5,5% в среднем по Великобритании [7] и 5,7% – в Ирландской Республике [5, р. xiv]). Внутренний валовой продукт на душу населения был

в 1,7 раз меньше чем средний показатель по Великобритании.

Важной чертой североирландской экономики являлась её зависимость от мировых экономических процессов. Данная зависимость была обусловлена ориентацией региона на внешнюю торговлю, что вызывало значительный рост иностранного капитала в экономике Северной Ирландии. Наиболее ярким примером зависимости североирландской экономики служит промышленность, в которой в послевоенный период вплоть до начала североирландского конфликта (1945–1967 гг.) лишь 8,5 % предприятий принадлежали не иностранным собственникам [8, р. 79].

С учетом вышесказанного кабинет Тэтчер разработал умеренную, по сравнению с проводимой на территории Британии, экономическую программу, сочетавшую поддержку существующих предприятий и стимулирование экономического развития региона, реорганизацию производства и развитие новых отраслей экономики. Основу экономического курса составляли поддержка крупного и среднего бизнеса, важную роль в которой занимало развитие предприятий, подконтрольных иностранному капиталу.

Для этой цели было проведено больше количество рекламных акций, повышавших инвестиционную привлекательность североирландского региона [1, с. 76]. Предприятия, принадлежавшие британским собственникам, планировалось сделать более рентабельными за счет государственного стимулирования спроса североирландской продукции, что напрямую противоречило неоконсервативной экономической политике.

Столкнувшись с низким уровнем индустриального развития, относительно уровня первой половины 1980-х гг., и ограниченностью потребительского рынка в регионе, консерваторы вынуждены были менять свой первоначальный экономический курс. Положение усугублялось тем, что расчеты на развитие экономики на базе иностранных инвестиций себя не оправдали. Причиной тому послужил затянувшийся военный конфликт и политическая нестабильность в регионе [8, р. 83], что создавало неблагоприятный фон для дальнейшего иностранного инвестирования в экономику Северной Ирландии.

В сложившихся условиях ответом на продолжавшийся спад производства стала переориентация экономической политики на стимулирование развития национального рынка и поддержку предприятий мелкого и среднего бизнеса. Важную роль в формировании нового экономического курса сыграл политический фактор: значимой мерой в процессе урегулирования североирландского конфликта должен был стать процесс так называемой деволюции – передачи полномочий от центральных к местным органам власти. В начале 1980-х гг. основой политической программы консерваторов в Северной Ирландии стало делегирование части полномочий центральной власти местным органам управления. Свое воплощение данная программа нашла в Североирландском Акте 1982 года. Согласно данному закону полномочия законодательной и исполнительной власти, ранее принадлежавшие Министерству по делам Северной Ирландии, делегировались новому органу власти – Ассамблее Северной

Ирландии [6, р.1], формируемой на основе выборов представителей по территориальному признаку.

Экономическая программа реализовывалась отличным от предшествующих кабинетов путем: главный акцент смещался с дотирования определенной сферы экономики в пользу стимулирования отдельных предприятий или бизнес-проектов. Основой для реализации данной программы стало создание Департамента индустриального развития. Департамент располагал весьма широким спектром полномочий по планированию, поддержанию и реформированию экономической деятельности региона [9, р. 2]. Важнейшим из них стало масштабное стимулирование развития наиболее перспективных отраслей экономики, без ограничений со стороны центральной власти. При этом дотационная поддержка региона не сокращалась (рис. 1). Изменения же затронули политику расходования субсидий – решающий голос перешел в руки местного самоуправления, острее ощущавшего возможности и потребности региона. Путем точечного дотирования Департаменту индустриального развития удалось поддержать предприятия, экономически целесообразные для дальнейшей деятельности.

В тоже время Департаментом была проделана значительная работа по исследованию и анализу перспективных сфер экономического развития для внутреннего рынка Северной Ирландии. В ходе своей деятельности Департаментом было профинансировано значительное количество актуальных экономических проектов, ориентированных преимущественно на внутренний рынок, что давало им возможность значительно обособиться от процессов

мировой экономики и снизить зависимость от иностранного капитала.

Перемены в распределении финансовых потоков оказали сильное влияние на развитие экономики региона: взамен стимулирования отмирающих отраслей производства импульс к развитию получила сфера услуг [3, р. 85], что спровоцировало начало переориентации североирландской экономики с внешнего на внутренний рынки.

Итоги влияния деволуции на экономику Северной Ирландии сказались уже в конце правления первого кабинета Тэтчер: в течение 1982–1983 гг. рост безработицы был приостановлен, а к середине 1980-х началось заметное снижение, что явственно характеризует успехи правительства по созданию новых рабочих мест, в то время как в Великобритании в целом наблюдался рост безработицы до второй половины

1980-х гг. (см. рис. 2 и 3). Уровень инфляции также снизился и остановился на показателе, сопоставимом с британским: 4,83% в Северной Ирландии и 4,61% в среднем по стране [7].

Исходя из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что даже частичный процесс передачи законодательной и исполнительной власти в руки местного самоуправления положительно сказался на экономической динамике региона. Следствием вышеуказанного процесса стало снижение зависимости экономики Северной Ирландии от иностранного капитала. Также было положено начало процессу переориентации североирландской экономики, в ходе которого традиционно преобладавшая на рынке труда обрабатывающая промышленность [8, р. 79] постепенно теряет свои позиции и уступает место сфере услуг.

British subvention to Northern Ireland

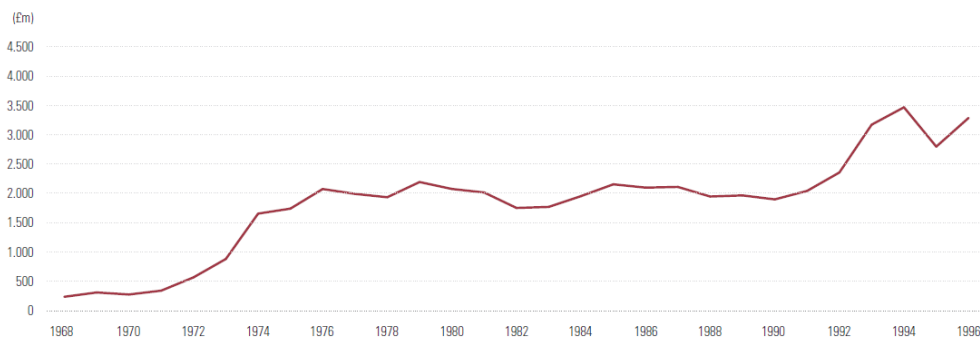

Рис. 1. Объем дотаций в бюджет Северной Ирландии с 1968 по 1996 гг. (Ист.: [4, р. 15])

Unemployment rate

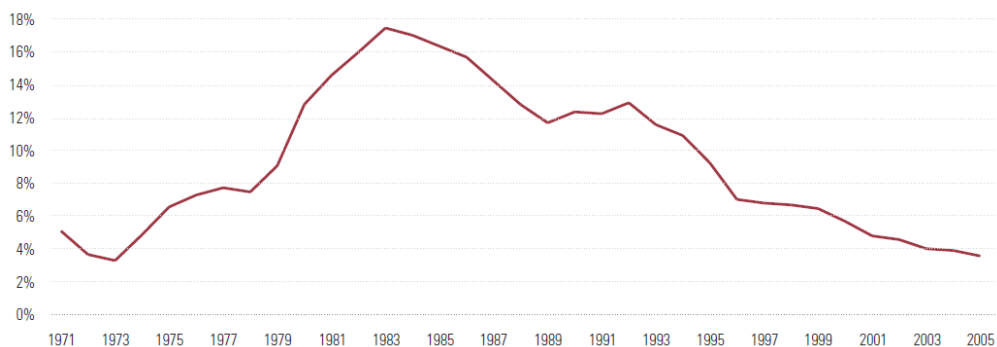

Рис. 2. Процент безработицы в Северной Ирландии среди трудоспособного населения с 1983 по 1987 гг. (Ист.: [4, p. 8])

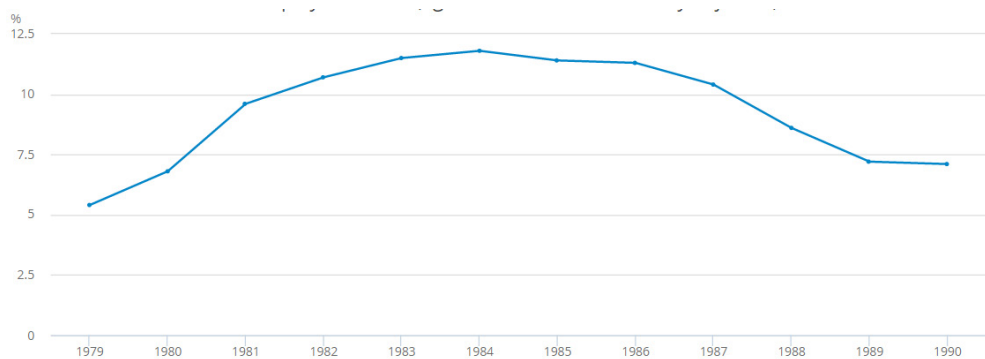

Рис. 3. Уровень безработицы в Великобритании среди трудоспособного населения с 1979 по 1990 гг. (Ист.: [7])

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодякина Т.П. Британская политика в Северной Ирландии в период правления кабинетов М.Тэтчер и Дж. Мейджора: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 166 с.
2. Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании XX – начало XXI века: учеб. пособ. М: ИНФРА-М, 2012. 472 с.
3. Birrell D. Direct rule and Governance of Northern Ireland. Manchester: Manchester University Press, 2009. 261 p.
4. Economics in Peacemaking: Lessons from Northern Ireland. London: The Portland Trust, 2007. 54 p.
5. Ireland and EU, 1973-2003: Economic and Social change. Cork, Ireland: CSO, 2004. XVII p.
6. Northern Ireland Act, 1982. London: Her Majesty's Stationery Office, 1982. 13 p.
7. Office for National Statistics [UK] [website]. URL: <https://www.ons.gov.uk/> (дата обращения: 20.08.2017).
8. Rowthorn R., Wayne N. Northern Ireland: The Political Economy of Conflict. Cambridge: Polity Press, 1998. 230 p.
9. The Industrial Development (Northern Ireland) Order, 1982. London: Her Majesty's Stationery Office, 1982. 15 p.

REFERENCES

1. Bodyakina T.P. Britanskaya politika v Severnoi Irlandii v period pravlениya kabinetov M. Tetcher i Dzh.Meidzhora: diss. ... kand. ist. nauk [British policy in Northern Ireland during the reign of the cabinets of Margaret Thatcher and George.Major: dissertation ... of candidate of historical Sciences]. M., 2000. 166 p.
2. Ostapenko G.S., Prokopov A.Yu. Noveishaya istoriya Velikobritanii XX - nachalo XXI veka: ucheb. posob [The recent history of the UK of the XX – early XXI century: textbook]. M., INFRA-M, 2012. 472 p.
3. Birrell D. Direct rule and Governance of Northern Ireland. Manchester: Manchester University Press, 2009. 261 p.
4. Economics in Peacemaking: Lessons from Northern Ireland. London: The Portland Trust, 2007. 54 p.
5. Ireland and EU, 1973-2003: Economic and Social change. Cork, Ireland: CSO, 2004. xvii p.
6. Northern Ireland Act, 1982. London: Her Majesty's Stationery Office, 1982. 13 p.
7. Office for National Statistics [UK] [website]. URL: <https://www.ons.gov.uk/> (request date: 20.08.2017).
8. Rowthorn R., Wayne N. Northern Ireland: The Political Economy of Conflict. Cambridge: Polity Press, 1998. 230 p.
9. The Industrial Development (Northern Ireland) Order, 1982. London: Her Majesty's Stationery Office, 1982. 15 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Краюхин Игорь Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ikrayuxin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor S. Krayukhin – Post-Graduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: ikrayuxin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Краюхин И.С. Деволюция как фактор экономического развития Северной Ирландии в период первого кабинета Маргарет Тэтчер: 1979–1983 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 93–98.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-93-98

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

I. Krayukhin. Devolution as a factor of economic development of Northern Ireland in the period of the first thatcher's cabinet: 1979–1983. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 4, pp. 93–98.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-93-98

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-99-107

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА США БИЛЛА КЛИНТОНА В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Свидерский А.А.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются вопросы политического курса администрации президента США Билла Клинтона в отношении РФ, его влияние на развитие экономической и политической ситуации в России. Особое внимание уделено изучению секретных документов с сайта викиликс, а также материалов с официальных сайтов государственных ведомств США. Основное внимание автор акцентирует на развитии и характере американо-российского сотрудничества в период правления Клинтона, формировании политики США в отношении России. В статье выяснены особенности действий США на постсоветском пространстве в контексте взаимоотношений Москвы и Вашингтона. На основании анализа ряда официальных документов США, а также привлечения материалов прессы устанавливается, что Америка оказывала значительное влияние на экономическое и политическое положение в РФ.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Билл Клинтон, администрация президента США, викиликс, внешняя политика США, российская политика США.

THE POLICY OF THE US PRESIDENT BILL CLINTON'S ADMINISTRATION TOWARDS THE RUSSIAN FEDERATION

A. Sviderskiy*Moscow Region State University**10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. This article examines the political course of the US President Bill Clinton's Administration in relation to the Russian Federation, its impact on the development of the economic and political situation in Russia. Particular attention is paid to the study of secret documents from the WikiLeaks site and the materials from the official sites of the USA state offices. The author focuses the main attention on the development and nature of the US-Russian cooperation when Clinton was in power. Besides, the formation of the US policy towards Russia was in the focus of attention too. The article explores the specifics of the US actions in the post-Soviet space in the context of the relationship between Moscow and Washington. Basing on the analysis of a number of official US documents and using the materials of the press, it is established that America exercised significant influence on the economic and political situation in the Russian Federation.

Key words: Russian-American relations, Bill Clinton, the US President's Administration, WikiLeaks, the US foreign policy, the US foreign policy towards Russia.

Билл Клинтон занимал пост президента США одновременно с правлением Бориса Ельцина в РФ. Первый президентский срок Клинтона пришелся на 1992–1996-е, второй – на 1997–2000-й гг.

Данная статья посвящена рассмотрению внешнеполитической концепции Билла Клинтона и его администрации в отношении России и механизма её осуществления.

США – страна, которая, используя исторический шанс, стремится на максимально продолжительный срок закрепить своё первенство в международных отношениях. Это ключ к пониманию американской политики. Опасность заключается в том, что Соединенные Штаты чувствуют себя вправе применять любые инструменты, включая наиболее рискованные [1].

Идея партнерства с Россией в трактовке Клинтона изначально кардинально отличалась от понимания россиян «равноправного партнёрства» с Западом. Существенное отличие состояло в том, что США не рассматривали РФ как партнёра в преобразовании мирового порядка и считали партнёрство возможным только при условии, что Россия успешно завершит демократические реформы и будет выполнять условия Запада. Взаимодействие между Америкой и Россией в политике администрации Клинтона предполагало принятие со стороны российского руководства любых действий США [7, с. 183–211].

Рассмотрим действия, предпринимаемые Америкой в отношении России.

Старт открытого экономического американского вмешательства был дан в декабре 1990 г., когда Соединенные

Штаты начали предоставлять ограниченную помощь Советскому Союзу, чтобы продемонстрировать поддержку усилий по проведению реформ, инициированных Москвой.

У власти находились решительные реформаторы, оценку действиям которых дает В.В. Согрин: «Российская реформаторская элита, завоевавшая доверие народа и пришедшая к власти, оказалась и в интеллектуальном, и в морально-нравственном отношении неспособной выработать такой вариант модернизации, который снизил бы до минимума её экономическую и социальную цену (опыт некоторых других стран свидетельствует, что это возможно)» [5]. По мнению учёного, крайне радикальные реформаторы начали строить классическую рыночную экономику.

Именно поэтому после распада Советского Союза в декабре 1991 г. Америка увеличила свои обязательства по оказанию помощи государствам-преемникам и, соответственно, усилила влияние на их суверенную политику. В октябре 1992 г. был принят Закон о поддержке свободы, увеличен объём помощи на постсоветском пространстве и создан «многоагентный» подход; помощь должен был курировать Государственный департамент США [8].

Двадцать три правительственных учреждения обязались выделить 5,4 млрд. долл. США на программы технической помощи и обмена, подготовку кадров, пожертвования на продовольствие и сырьевые товары, взаимовыгодные научно-технические проекты и поддержку совместных космических усилий. Две программы – «Акт в поддержку свободы» и «Совместное

уменьшение угрозы» – составляют почти половину обязательств на предоставление грантов для технической помощи, бирж и других грантовых программ. Правительство США также предоставило кредит в размере 10 млрд. долларов для двусторонних займов, кредитных гарантий и программ страхования на период с 1990 по декабрь 1994 г. [11].

Американцы оказывали Б. Ельцину всестороннюю помощь. Не нужно вдаваться в теории заговоров, чтобы увидеть руку Америки, особенно если оценивать действия США по тем же критериям, которыми американские эксперты пользовались при анализе так называемого «российского вмешательства» в американские выборы уже 2016 г. [10]. При этом «российское вмешательство» Америкой не доказано, а инструменты влияния США на РФ в 1991–1999 гг. вполне поддаются описанию и излагаются в этой статье.

В период 1992–1996 гг. официально провозглашёнными целями внешней политики США в России были: создание демократических институтов и развитие свободной рыночной экономики. Даже программы в секторах здравоохранения, защиты окружающей среды, энергетики и жилищного строительства подчинялись этим целям [8, р. 13]. Администрация Клинтона максимально поощряла приватизацию в РФ, экономической помощью форсировала ее темпы, стремилась сократить «военную угрозу» со стороны России.

Американский аналитик Курт Тарнофф отмечал, что в рассматриваемый период «РФ находится в движении». Темпы приватизации отмечены им как «ошеломительные». По данным отчета

CRS-96-261, инфляция в России упала с катастрофических 2600% (26 раз!!!) в 1992 г. до 131% в 1995 г. После столь резкого падения в 1992 г., уровень инфляции 1995 г. казался достижением. У автора этого доклада конгрессу США сохранилась полная уверенность, что «независимо от изменения состава исполнительной или законодательной ветвей власти, проведение реформ продолжится», при этом отмечалась неравномерность экономического и политического развития России: периферия значительно отстает от столицы [8, р. 9].

В период 1992–1996 гг. сформировались различные направления сотрудничества США и РФ на всех уровнях государственного и частного секторов и во всех частях страны. В условиях неопределённого и постоянно меняющегося политического ландшафта в России главной проблемой для американцев являлся только поиск союзников в каждом из секторов.

Еще одним свидетельством серьёзного вмешательства в политику России в 1992–1996 гг. являлись коренные изменения в законодательстве. Институты США активно участвовали в создании российской нормативно-правовой базы. Так, Агентство США по международному развитию (USAID) помогало российскому правительству в подготовке гражданского кодекса, реформы налогообложения и здравоохранения. Американская ассоциация адвокатов (ABA) оказывала аналитическую помощь при реформировании уголовного законодательства, Международный Фонд избирательных систем (IFES) фактически готовил проект избирательного законодательства в России.

Реформы в России, по замыслу США, должны были носить безвозвратный характер. С этой целью для экономического преобразования в РФ создавались бизнес-школы и бизнес-центры под руководством американских институтов. Программа поддержки США предусматривала подготовку бизнес-преподавателей, которые работали более чем в 35 центрах по всей стране, в них прошло обучение свыше 1600 человек. Была создана система бизнес-сертификации [8, р. 22].

С этой же целью проводилось развитие институтов гражданского общества, являвшееся основным направлением деятельности Международного республиканского института (IRI), Национального демократического института по международным вопросам (NDI), и других организаций США. Политическая активность и гражданская адвокатура поощрялись через семинары, фиктивные парламенты в школах, избрание руководства образовательных учреждений и т.д.

Создавался широкий спектр организаций, предназначенных для ознакомления россиян с американской политической системой. В 1994-1995 гг. по этим программам 13000 россиян посетили США.

Создавались неправительственные благотворительные общественные организации (30000 к 1996 г.), предназначенные для продвижения и реализации американских программ. С 1993 г. фонд «Евразия» предоставил россиянам более 476 грантов на общую сумму 14,3 млн. долл., в основном направленных на укрепление низовых ячеек (большинство грантов для российских организаций составляло менее 20000 долл.; средний совместный грант ор-

ганизаций США не превышал 70000 долл.) [8, р. 24–25].

Для реализации экономического взаимодействия и осуществления указанных проектов создавалась «Российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству» (USSR – USA Joint Commission on Scientific and Technological Cooperation) – в соответствии с Ванкуверской декларацией, принятой по итогам встречи президентов США и РФ 3–4 апреля 1993 г.

4 апреля 1995 г. Билл Клинтон расширил полномочия координатора помощи США от Госдепартамента в меморандуме, определяющем его как Специального советника Президента и Госсекретаря по оказанию помощи странам СНГ. В меморандуме указывалось, что Координатор будет «руководить распределением ресурсов США в сфере помощи, направлять и координировать межведомственный процесс по разработке, финансированию и реализации всех двусторонних программ помощи правительства США и торговых и инвестиционных программ, связанных с ННГ (Новые независимые государства)».

На координатора возлагалась ответственность за обеспечение того, чтобы все планы указанной программы реализовывались в соответствии с приоритетами и политикой администрации, ему подчиняются ключевые ведомства США.

В указанный период Пентагон ставил задачу обеспечить “свободу от нападения и свободу для нападения” в конфликте с любым противником США. Особое внимание уделялось планам развёртывания тактической и национальной ПРО, чтобы обеспе-

чить защиту Америки и её интересов на своей территории и за её пределами.

Распад СССР поставил под вопрос цели и формы деятельности Североатлантического альянса, а также двусторонних договоров США с Японией, Южной Кореей и рядом других союзников. Клинтону удалось сохранить взаимоотношения с большинством из них и обеспечить доминирование Америки.

Пожалуй, наиболее неожиданным результатом семи лет пребывания у власти администрации Клинтона стала перспектива развала режима контроля над вооружениями, убежденными сторонниками которого являлись и сам президент, и ведущие деятели его администрации.

Администрация Клинтона уверенно довела до конца начатый ещё при президенте Дж.Буше процесс ядерного разоружения трех бывших советских республик – Украины, Казахстана и Белоруссии. Немало было сделано и для финансирования разоружения Российской Федерации, прежде всего в рамках Договора СНВ-1, по программе Нанна-Лугара.

Картер создал внутри Госдепартамента отдел по ядерной безопасности и противодействию распространению ядерного оружия на постсоветском пространстве, а также координации деятельности в рамках программы Нанна-Лугара. Для значительного упрощения работы «Совместное сокращение угроз» получило самостоятельное финансирование в оборонном бюджете США на 1994 г. С собственным бюджетом и средствами, которые не нужно было переводить из других программ, а также с возможностью долговременного планирования про-

грамма Нанна – Лугара получила серьёзную базу и широкие возможности реализации.

Однако серьёзные проблемы возникли с Договором СНВ-2. Государственная Дума РФ так его и не ратифицировала, что создало серьёзные препятствия для переговоров о СНВ-3, которые привели бы к ещё более глубоким сокращениям стратегических ядерных вооружений. Достигнутые в марте 1997 г. Хельсинкские соглашения по СНВ и по разграничению тактической и стратегической ПРО не дали никаких результатов. Таким образом, будущее процесса сокращения ядерных вооружений оказалось под вопросом.

В первый срок президентства Клинтон провозгласил «стратегическое партнёрство» с РФ. Однако основой российско-американского стратегического взаимодействия оставалась модель взаимного ядерного сдерживания, несовместимая с отношениями между стратегическими партнёрами.

Вашингтон не торопился интегрировать Москву в систему главных западных институтов, поскольку Россия не отвечала соответствующим экономическим и политическим критериям, диктуемым США и принятым в западном сообществе.

Вопрос о вступлении России в НАТО, например, никогда даже не обсуждался всерьёз в Вашингтоне. Что касается «Большой восьмерки», то по существу это образование носит чисто символический характер, поскольку все основные вопросы США и их главные партнёры предпочитают по-прежнему решать в формате «Большой семерки» [4, с. 12–13]. Позже выход России из «Восьмерки» лишь подтвердил эту позицию.

Администрация Клинтона с помощью МВФ и Всемирного банка стремилась влиять на курс проводимых реформ в России, который она фактически определяла. Вплоть до 17 августа 1998 г. в Вашингтоне делали ставку на узкую группу российских «младореформаторов», действующих по разработанному в США инструкциям.

После отставки правительства С.В. Кириенко возможности взаимодействия российских партнёров с администрацией Клинтона значительно ухудшились. Коррупционные скандалы еще сильнее осложнили возможности Вашингтона, ситуация в России всё больше выходила из зоны контроля.

Соединенные Штаты оказывали сильнейшее влияние на политическую ситуацию в РФ в период президентства Б. Клинтона, в частности, во время президентских выборов в России 1996 г.

The Washington Times в марте 1996 г. опубликовала попавшую к ней служебную записку из Белого дома, в которой указывалось, что Клинтон и Ельцин договорились поддерживать друг друга в процессе переизбрания. Ельцин заявил тогда Клинтону: «Такой лидер международного масштаба, как президент Клинтон, должен поддерживать Россию, а это значит поддерживать Ельцина. Нужно подумать о том, как это сделать по-умному». Клинтон ответил, что госсекретарь Уоррен Кристофер и российский министр иностранных дел Евгений Примаков «поговорят об этом» на предстоящей встрече в Москве [10].

Результаты этой поддержки весьма своеобразно оценил третий президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев 20 февраля 2012 г. на встрече с внесистем-

ной оппозицией: «Вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента в 1996. Это не был Борис Николаевич Ельцин» [2]. Это является подтверждением мощной иностранной поддержки определённых политических сил со стороны США и их союзников.

Другим ключевым вопросом в российско-американских отношениях была поставка РФ вооружений Ирану и строительство ядерной электростанции в этой стране. С этого, фактически, Россия начала свой путь к суверенитету, во многом продиктованный желанием экономической выгоды во внешней политике.

Принятое в 1995 г. решение России о строительстве большой атомной электростанции в Иране и предоставлении ему соответствующих ядерных объектов и услуг вызвал резкую критику со стороны президентской администрации и Конгресса США, которые опасались, что эти проекты могут действовать созданию Ираном собственного ядерного оружия.

Осознавая растущие возможности России, а также реалии международной политики и невозможность постоянного финансирования РФ Соединенными Штатами, президент Клинтон наложил вето на законопроект о санкциях 23 июня 1998 г., говоря, «если он будет принят, это нанесёт ущерб национальным интересам США, что делает его более трудным для достижения целей». Он писал, что «борьба против распространения наиболее эффективна в качестве совместного мероприятия», подразумевая, что односторонние экономические санкции оказываются менее эффективными.

Он также отметил, что стандарт доказывания в HR 2709 (вероятно, военный документ США) для установления того, что лицо или лица ошибочно перевели ракетные технологии – это “низкая неработоспособность”, и что санкции «являются диспропорциональными». Клинтон утверждал, что введение односторонних американских санкций сделало бы взаимодействие более трудным; что важно сотрудничество с Россией по важному вопросу распространения ракет и направлениям “контроля над вооружениями, обеспечения правопорядка, борьбы с наркотиками и борьбы с транснациональной преступностью” [9]. Однако позднее санкции все же вводятся.

В январе 1995 г. Российское атомное агентство МИНАТОМ подписало контракт с Ираном о достройке одного блока атомной электростанции “Бушер” на 800 миллионов долларов, с прогнозируемым 55-месячным графиком работ [9]. Несмотря на предпринимаемые Соединенными Штатами усилия, остановить русско-иранское сотрудничество не удалось. Россия по-

ставила под контроль поставки технологий двойного назначения, продолжив, по мнению США, деятельность в этом направлении.

Таким образом, политика администрации президента США Билла Клинтона в отношении Российской Федерации:

- изначально афишировалась как «стратегическое партнёрство»;

- включала широкий спектр экономических и политических средств воздействия на РФ;

- включала непосредственный контроль над кадровой политикой руководства РФ;

- реализовывалось как внешнее руководство подготовкой и проведением реформ во многих сферах и отраслях экономики РФ;

- носила асимметричный характер.

Период 1991–1999 гг. для Российской Федерации характеризуется частичной потерей суверенитета; строительство АЭС в Иране – попытка начала самостоятельных действий в конце исследуемых хронологических рамок.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. Том 2. № 6. С. 80–84.
2. Иванов С. [21.02.2012]. Медведев: все мы знаем, кто победил в 1996-м [Электронный ресурс] // Утро: ежедневная электронная газета. URL: <https://www.utro.ru/articles/2012/02/21/1030258.shtml> (дата обращения: 02.04.2017).
3. Клименков Н.Е. Уоррен Кристофер и Мадлен Олбрайт: две российские политики администрации Клинтона // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 93–95.
4. Рогов С.М. Администрация Клинтона: подводить итоги еще рано // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 2. С. 3–15.
5. Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: ИНФРА-М, 2001. 260 с.
6. Стеценко И.А. Российская политика администрации Клинтона: надежды, итоги и оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 4. С. 262–267.

7. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке: дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.
8. Congressional Research Service Report 96-261, March 20, 1996 [Russia and U.S. Foreign Assistance: 1992-1996] // WikiLeaks [website]. URL: <https://file.wikileaks.org/file/crs/96-261.pdf> (дата обращения: 02.04.2017).
9. Congressional Research Service Report 98-299, December 14, 1998 [Russian Missile Technology and Nuclear Reactor Transfers to Iran] // WikiLeaks [website]. URL: https://wikileaks.org/wiki/CRS:_RUSSIAN_MISSILE_TECHNOLOGY_AND_NUCLEAR_REACTOR_TRANSFERS_TO_IRAN,_December_14,_1998 (дата обращения: 02.04.2017).
10. Guillory, Sean. Dermokratiya, USA // Jacobin [website]. URL: <https://www.jacobinmag.com/2017/03/russia-us-clinton-boris-yeltsin-elections-interference-trump/> (дата обращения: 02.04.2017).
11. Report to Congressional Committees GAO/NSIAD-96-16, December 1995 [Former Soviet Union: An Update on Coordination of U.S. Assistance and Economic Cooperation Programs] // USAID [website]. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pcaa665.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

SOURCES AND REFERENCES

1. Bogaturov A.D. Istoki amerikanskogo povedeniya [The origins of American behavior] // Rossiya v global'noi politike. [Russia in global Affairs.]. 2004, vol. 2, no. 6, pp. 80–84.
2. Ivanov S. [21.02.2012]. Medvedev: vse my znaem, kto pobedil v 1996-m [Elektronnyi resurs] [Medvedev: we all know who won in 1996 [Electronic source]] Utro: ezhdnevnyaya elektronnyaya gazeta. [Morning: daily e-newspaper.]. URL: <https://www.utro.ru/articles/2012/02/21/1030258.shtml> (request date 02.04.2017).
3. Klimenkov N.E. Uorren Kristofer I Madlen Olbrait: dve rossiiskie politiki administratsii Klintona [Warren Christopher And Madeleine Albright: two Russian policies of the Clinton administration]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 3 (77), pp. 93–95.
4. Rogov S.M. Administratsiya Klintona: podvodit' itogi eshche rano [The Clinton administration: to summarize earlier]. *SSHA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2000, no. 2, pp. 3–15.
5. Sogrin V.V. Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii, 1985-2001: ot Gorbacheva do Putina [Political history of modern Russia, 1985-2001: from Gorbachev to Putin]. М., INFRA-M, 2001. 260 p.
6. Stetsenko I.A. Rossiiskaya politika administratsii Klintona: nadezhdy, itogi i otsenki [The Russian policy of the Clinton administration: hopes, results and evaluation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezh-dunarodnye otnosheniya, 2008, no. 4, pp. 262–267.
7. Shakleina T.A. Rossiya i SSHA v novom mirovom poryadke: diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SSHA (1991–2002) [Russia and the United States in the new world order: the debate in political and academic communities of Russia and the United States (1991–2002)]. М., Institut SSHA i Kanady RAN, 2002. 445 p.
8. Congressional Research Service Report 96-261, March 20, 1996 [Russia and U.S. Foreign Assistance: 1992–1996]. *WikiLeaks* [website]. URL: <https://file.wikileaks.org/file/crs/96-261.pdf> (request date 02.04.2017).
9. Congressional Research Service Report 98-299, December 14, 1998 [Russian Missile Technology and Nuclear Reactor Transfers to Iran]. *WikiLeaks* [website]. URL: https://wikileaks.org/wiki/CRS:_RUSSIAN_MISSILE_TECHNOLOGY_AND_NUCLEAR_REACTOR_TRANSFERS_TO_IRAN,_December_14,_1998.

org/wiki/CRS:_RUSSIAN_MISSILE_TECHNOLOGY_AND_NUCLEAR_REACTOR_TRANSFERS_TO_IRAN,_December_14,_1998 (request date 02.04.2017).

10. Guillory, Sean. *Dermokratiya, USA. Jacobin* [website]. URL: <https://www.jacobinmag.com/2017/03/russia-us-clinton-boris-yeltsin-elections-interference-trump/> (request date 02.04.2017).
11. Report to Congressional Committees GAO/NSIAD-96-16, December 1995 [Former Soviet Union: An Update on Coordination of U.S. Assistance and Economic Cooperation Programs]. *USAID* [website]. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pcaaa665.pdf (request date 02.04.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Свидерский Арсений Андреевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: svidersky@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arseny A. Sviderskiy – postgraduate student of the Department of the New, Newest History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: svidersky@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Свидерский А.А. Политика администрации президента США Билла Клинтона в отношении Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-99-107

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Sviderskiy. The policy of the us president bill clinton's administration towards the Russian Federation. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-99-107

Отечественная история

УДК 94(470) 1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-108-113

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДВОРЫ МОСКВЫ КАК ОСОБАЯ МОСКОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Горлов В.Н.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается период 1940–1950-х гг. В статье автор анализирует московский двор как социальный, пространственный и экологический феномен, породивший дворовую общность людей. Автор рассматривает московский двор с разных точек зрения: его функций в городе, человеческих отношений и т. п. Автор анализирует функцию социализации московского послевоенного двора, вызвавший к жизни феномен дворовой послевоенной общности, проблемы послевоенного двора в неразрывной связи с социальными процессами жизни.

Ключевые слова: дворовая послевоенная общность, московские дворы, соседская взаимопомощь.

POSTWAR MOSCOW YARDS AS A SPECIAL MOSCOW COMMUNITY

V. Gorlov

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. The article deals with the period of 40-50-ies. The author analyzes the Moscow court as a social, spatial and ecological phenomenon from which a yard community of people arose. The author examines the Moscow yard from different angles: its functions in the city, human relationships, etc. The author analyzes the socialization function of postwar Moscow yard, which brought to life the phenomenon of the post-war yard community. Besides, the problems of the post-war yard are scrutinized in close connection with social processes of life.

Key words: postwar yard community, Moscow yards, neighbours' mutual support.

Содержание понятия «послевоенный московский двор» необходимо анализировать в единстве его функций: как пространственной формы организации социальной жизни, как структурного элемента системы градостроительства, как объекта архитектурного проектирования.

© Горлов В.Н., 2017.

После войны в Москве обычно квартал проектировался как отдельные группировки домов с замкнутыми дворами. Сопутствующими элементами были аркады, арки, стенки, ограды, беседки, декоративные скульптуры, цветочные вазы и т.п. Замкнутый периметр стен жилого квартала являлся средством создания благоприятного микроклимата, чётко фиксированное замкнутое пространство двора было соразмерно человеку. Московские дворы делали привлекательными следующие признаки: живописная кустарниковая и древесная растительность, оборудованность площадок малыми архитектурными формами, простая прямоугольная форма плана с четкими границами. Дворы обычно соединялись между собой с помощью сквозных проходов в домах, образуя своеобразную систему внутриквартальных пространств. Архитектурно-планировочная композиция послевоенных дворов восходит к классическим атриумным домам, в которых двор становился центром композиции дома.

Коммунальный послевоенный двор воплощал в себе взаимодействие системы социальных связей и архитектурно-планировочной структуры. Поэтому московский двор был ячейкой социума города. Размеры территории позволяли жильцам полностью контролировать эту среду. По месту жительства в те послевоенные годы формировалась устойчивая, социально активная общность москвичей, в которой больше всего ценилась взаимопомощь в повседневном быту. Таким образом, в первую очередь послевоенные дворы воспринимались как территории общения между жителями дома, и только во вторую очередь – для повсед-

невных хозяйственных нужд. Московский послевоенный двор становится социальным и пространственным феноменом, который обусловил зарождение дворовой общности москвичей. Московский коммунальный двор постепенно стал многофункциональной системой, выполняя не только хозяйственно-бытовую, рекреационную, но и защитную функцию, которая давала возможность обитателям двора чувствовать себя внутри двора достаточно непринуждённо и свободно, почти как дома, т.е. быть свободными как от семейных ограничений, так и от жёстких нормативов городской жизни. Двор отгораживался от внешнего мира, имея конкретную территорию, которую контролировал и защищал общественный характер её использования. Чувство безопасности и уюта возникало в то время на почве коллективной принадлежности к определённому месту, которым был, конечно, московский двор. Послевоенная дворовая среда создавала прекрасные условия для сближения граждан. Расцвет московского двора как социального явления приходится именно на послевоенное время, когда жизнь двора была неотделима от жизни в каждой квартире, каждой комнаты, обращённой во двор. Такой двор компенсировал коммунальную скученность москвичей. Безусловно, московский послевоенный двор был самым демократичным элементом города, в то время он был большим общим домом для совместно проживающих людей. В те годы для москвичей «своя» территория двора становилась объектом персонализации. Они воспринимали двор как расширение собственного жилища, идентифицируя себя с этой

средой. Самодеятельность москвичей создавала комфорт. В московских дворах жители сами строили палисадники, общие столики, беседки, скамейки, навесы, голубятни, столы для корма птиц, ухаживали за зеленью.

Сельский тип поведения в московском дворе (потребность быть в курсе всей деятельности соседей, стремление к активному общению) был вызван предметно-пространственной организацией жилой среды, исключавшей анонимность поведения. Между обитателями двора устанавливались свои законы поведения, взаимные соглашения о порядке использования территории. Эти особенности послевоенной поры вызывали спонтанный коллективизм, оказывали глубокое влияние на психологию жителей Москвы. Дворовое соседство долгое время выполняло функции деревенской соседской общины, основу которой составляла общность социальных интересов. Московский двор в то время выполнял функции социализации, вызвавший к жизни феномен дворовой послевоенной общности. Дворовое общение осуществляло социальные функции: социального контроля, взаимопомощи, воспитания детей. Двор стал вынужденно естественным продолжением дома, точно так же для сельского жителя таким местом общения была деревенская улица. Послевоенный двор для большинства москвичей стал неотъемлемой частью быта. Своеобразная дворовая субкультура сильно повлияла на формирование характера москвича, на его речь, язык, нормы поведения.

В создании уютных зон дворов большую роль играли декоративные ограды и фонтаны, которые необосно-

ванно во второй половине 1950-х гг. были причислены к «архитектурным излишествам». К сожалению, нашим вождям страстно хотелось быть похожими на Запад. Дело доходило просто до смешного. В 1959 г. глава государства Н.С. Хрущёв, вернувшись из поездки в «главную страну капиталистического мира», распорядился снимать ограды московских скверов и садов (тогда их было множество) и делать их похожими на лужайки перед американскими университетами. Не обсуждая, стали бесконтрольно ломать и сносить столетние и более старинные чугунные решетки. В конце 1950-х гг. в Москве началась кампания по снятию старинных металлических ворот. В результате, сейчас в центре Москвы буквально по пальцам можно сосчитать дома, где сохранились старые ворота. Обязательной приметой послевоенных московских дворов были голубятни. В 1940–1950-е гг. в Москве почти не было чердака, где не существовала клетка с турманами, которые далеко не всем были по душе. В 1960-е гг. московские власти добрались и до голубятен. Нынче в Москве от великого племени голубятников остались только воспоминания. Эти потери, конечно, сказались на облике московских дворов, ибо утрата таких элементов, как белокаменный пилон ворот, или голубятня, или звено старинной ограды, обедняли дворовую среду в целом.

С начала 1950-х гг. в Москве стало проводиться планомерное озеленение дворов. В Мосгорисполкоме возобладала установка высаживать вьющиеся растения, создавая живые изгороди. Жители Москвы умели рационально сбалансировать участки зеленых насаждений со свободными дворовыми

пространствами. Московские дворы становятся совершенно зелеными, летом из-за разросшейся зелени в московских дворах соседние дворы практически не было видны. Озелененный двор позволял максимально приблизить природу к жилью. В 1954 г. депутату Верховного Совета СССР И.А. Лихачеву пришло письмо от одного московского школьника: «Двор у нас совсем некрасивый. Слишком много цветов и зелени. Совсем негде в футбол поиграть. Кругом одни сплошные клумбы – разве это двор?»¹. В этом письме критикуются те качества дворовой среды, которые, бесспорно, являются сегодня очень ценными и представляют собой идеальный образ двора. В послевоенных дворах царил та атмосфера, по которой потом москвичи очень тосковали: очень редкие автомобили во дворах, буйство цветов под окнами.

О серьезности отношения властей к своим дворам можно судить по совету работников коммунального хозяйства города Москвы 17 июля 1956 г., где руководитель Куйбышевского района А.А. Сияненко отчитывался так: «В наших дворах три года назад находились кучи щебня, известковые ямы, – теперь устроены фонтаны, разбиты скверы, насыпные клумбы, разбиты газоны, оборудованы летние читальни и проведено много других мероприятий, за что наше домоуправление было награждено дипломом первой степени»².

В послевоенных дворах за всем хозяйством следил подотчетный НКВД

управдом, который командовал стоярами, слесарями, дворниками. Управляющие домами (коменданты) следили за внешним видом и техническим состоянием зданий (крыш, балконов, карнизов, эркеров и т.д.) [3, с. 39]. Помимо мощного инструмента контроля в лице управдомов и домкомов, во дворах послевоенной Москвы существовал и институт дворников. Дворники подчинялись как начальнику отделения милиции, так и управляющему домом. Они имели свою униформу: блуху на груди, белый передник, валенки с галошами, свисток. Они были властью, настоящими комендантами двора и жили строго по уставу: выходили на пост по расписанию, несли дежурство и ровно в шесть часов вечера прибывали на развод в отделение милиции. После войны московские дворники составляли целую армию, количество которой в 1946 г. достигло более 60 тысяч человек³. Обычно дворники запирали ворота и входные двери подъездов с двенадцати ночи до шести утра и обязаны были немедленно сообщать о всех нарушениях участковому инспектору, нести ночные дежурства у подъездов и ворот [3, с. 448]. Поэтому во дворах было довольно спокойно и был порядок. Сельский патриархальный дух напоминал о себе криками точильщиков, зеленщиков, грузчиков, старьевщиков, которые утром будили всех. Все жильцы знали почтальонов, дворников, участковых милиционеров, которые воспринимались как жители двора. Двор без них становился не таким родным.

Безусловно, Великая Отечественная война наложила отпечаток на межличностное общение москвичей.

¹ Центральный архив общественно-политической истории (далее – ЦАОПИМ). Ф. 92. Оп.1. Д. 288. Л. 14.

² Центральный архив документальных коллекций Москвы. Ф. 62. Оп. 99. Д. 10. Л. 17.

³ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 66. Л. 35.

Все были сопричастны к событиям в стране. Объединяла людей общая судьба и общая Победа, однородность быта и духовных потребностей. В это время очень важна была соседская взаимопомощь. Послевоенный двор формировал устойчивую привязанность к месту, где ты родился и вырос, поэтому любовь к Родине вырастала именно во дворе. Поэтому и говорили, откуда ты родом, по тому двору, где ты вырос: я – «сретенский», «таганский», «арбатский».

Послевоенный двор стал социокультурным явлением в жизни столицы, жизненным центром московской послевоенной жизни. Дворовая среда тех лет накладывала резкий отпечаток на моральный облик и мировоззрение москвича, играя важную роль в развитии навыков коллективизма москвичей, которые с раннего возраста приобретали критерии нравственности, ощущение причастности обществу. О послевоенном московском дворе восторженно отзывался поэт Андрей Вознесенский: «О, эти дворы Замоскворечья послевоенной поры! Двор был котлом, общиной, судилищем, голодным и справедливым» [1, с. 61].

После шумных московских дворов 1950-х гг., где утренняя зарядка раздавалась на весь двор, где по крышам носились голубятники с шестом, где с утра до вечера стояли шум и гам, где пенсионеры играли в сумерках в лото, где после работы взрослое население со страшным стуком забивало «козла», где пели под гармонию «Когда б имел золотые горы», «Кирпичики» и плясали «цыганочку», – сегодняшний двор кажется полностью вымершим. В теплые дни собирались жильцы, выносили табуретки, столы, раздували самовары.

Дух двора проявлялся в объединении людей разных профессий: учителя и врача, сапожника и инженера, ученого и рабочего. Как вспоминал Б.Ш. Окуджава [2, с. 8]: «Во дворах господствовал всеобщий дворовый патриотизм». В общении действовали обязательные нормы, и в случае возникновения конфликтов жильцы искали «разумные и мудрые решения». Коренные москвичи с ностальгией вспоминают цветущие дворы, где танцевали под патефон. Надо отметить, что танцы в послевоенные годы были не только в парках, но и во дворах (как пел Б.Ш. Окуджава, «Во дворе, где каждый вечер все играла радиолы, где пары танцевали, пыля...»).

Проблему московских дворов необходимо рассматривать, прежде всего, как социокультурную проблему. После того, как началось массовое жилищное строительство, осознание потерь, связанных с исчезновением традиционных московских типов дворов, всерьез не воспринималось. Данное исследование показывает, что московский послевоенный двор как специфическая функциональная единица столицы до разворачивания массового жилищного строительства очень органично вписывался в московскую культуру, являясь результатом длительной эволюции дворового пространства. С позиции средового подхода послевоенный московский двор представлял собой сложную социопространственную структуру, для которой характерны только ей присущие типы жизнедеятельности, поведения, взаимоотношений между жильцами.

Бесспорно, что надо признать за послевоенными дворами, как формой организации придомового простран-

ства, определенную ценность, извлечь положительное из опыта бытования данной формы. Исчезновение московских дворов из градостроительной практики способствовало потере

важного звена в структуре организации столицы, которое отвечало трудным реалиям послевоенной Москвы и очень помогало москвичам адаптироваться к этим реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский А.А. На виртуальном ветру. М.: Вагриус, 1998. 480 с.
2. Окуджава Б.Ш. Меня воспитывал арбатский двор (Беседа с Михаилом Поздныевым) // Семья. 1988. № 3. С. 8–9.
3. О соблюдении общественного порядка и правил благоустройства в Москве (Сборник материалов Исполкома Моссовета). М.: Московский рабочий, 1958. 480 с.

REFERENCES

1. Voznesenskii A.A. Na virtual'nom vetru [In the virtual wind]. M., Vagrius, 1998. 480 p.
2. Okudzhava B.Sh. Menya vospityval arbatskii dvor (Beseda s Mikhailom Pozdnyayevym) [I was raised by an Arbat yard (Interview with Mikhail Pozdnyayev)]. *Sem'ya*, 1988, no. 3, pp. 8–9.
3. O soblyudenii obshchestvennogo poryadka i pravil blagoustroistva v Moskve (Sbornik materialov Ispolkoma Mossoвета) [On the observance of public order and rules of improvement in Moscow (Collection of materials of the Executive Committee of the Moscow Council)]. M., Moskovskii rabochii, 1958. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow Region State University; e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Послевоенные дворы Москвы как особая московская общность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 108–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-108-113

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Gorlov. Postwar Moscow yards as a special Moscow community. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 4, pp. 108–113.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-108-113

УДК 94 (47).084.9

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-114-123

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В 1953–1964 гг.

Соловьев Р.А.*Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В 1950-е гг. научно-техническая революция и тесно связанная с ней революция в военном деле выдвинули множество актуальных проблем в оборонной сфере Советского Союза. В представленной статье на основе новых и уже известных источников проводится анализ того, как в годы хрущёвской «оттепели» формировались подходы к строительству Вооруженных Сил СССР. Выделены основные предпосылки военной реформы в Советском Союзе в 1953–1964 гг. Особое внимание автор уделяет военно-техническому аспекту реформы. Показано, как советское руководство своевременно оценило значение качественно новых явлений в мировой и отечественной науке и технике, раскрыло их значение и перспективы для решения внешнеполитических и оборонных задач. Отмечена роль Н.С. Хрущёва в проведении коренных преобразований Вооруженных Сил СССР.

Ключевые слова: Н.С. Хрущёв, хрущёвская «оттепель», военная реформа, Вооруженные силы СССР, Организация Варшавского договора.

BACKGROUND REFORM OF THE ARMED FORCES OF THE USSR IN 1953–1964

R. Solovyev*Bryansk State University named after academician I.G. Petrovski
14, Bezhitskaya str., Bryansk, 241036, Russian Federation*

Abstract. In the 1950s the scientific-technological revolution and closely related revolution in military affairs put forward many problems concerning the defence sphere in the Soviet Union. In the present article based on new and already known sources the analysis is presented which highlights the formation of approaches to the construction of the Armed Forces of the USSR in the years of Khrushchev's "thaw". The basic prerequisites for the military reform of 1953–1964 in the Soviet Union are given. Special attention is paid to the military-technical aspect of the reform. It is shown that the Soviet leadership promptly appreciated the value of qualitatively new phenomena both in the world and domestic science and technology, revealed their significance and prospects for the solution of foreign policy and defence objectives. The role of N.S. Khrushchev in the fundamental transformation of the Armed Forces of the USSR is stressed.

Key words: N.S. Khrushchev, Khrushchev's "thaw", military reform, the armed forces of the USSR, the Warsaw Pact.

Возобновившаяся в 2008 г. перманентная реформа Вооруженных Сил России делает актуальным и необходимым обращение к отечественному опыту преобразований в военной сфере. На современном этапе в качестве первоочередных обозначены задачи оптимизации численности вооруженных сил, приведения организационной структуры, управления, технической оснащённости, системы подготовки военных кадров в соответствие с современными требованиями. Схожие задачи стояли перед руководством Советского Союза в 1953–1964 гг., когда в условиях научно-технической революции, ограниченных финансовых ресурсов и сложной международной обстановки требовалось провести реформу военной сферы страны.

Актуальность исследования во многом определяется и тем, что в советской, а затем и в российской историографии прочно закрепилось мнение, что основные направления практической реализации военной реформы в СССР в 1950–1960-х гг. были обусловлены «волюнтаристскими» решениями руководителя государства – Н.С. Хрущёва.

В интересах исторической объективности весьма важно рассмотреть основные предпосылки и определить объективные и субъективные факторы, повлиявшие на выбор пути развития Вооруженных Сил СССР на рубеже 1950–1960-х гг.

К началу 1950-х гг. уже четко обозначились контуры двух новых сверхдержав (СССР и США) и их потенциальных союзников. Недавние союзники по антигитлеровской коалиции вступили в глобальную схватку, от имени «мирового социализма» и

«свободного мира», подчинив борьбе за гегемонию все свои ресурсы в политической, экономической и военной сферах. В обиход прочно вошло выражение «холодная война».

Доподлинно известно, что в 1945–1950 гг. США было разработано, по меньшей мере, 16 планов нанесения превентивных ядерных ударов по крупнейшим городам СССР, некоторые из которых были преданы огласке [4, с. 18–21; 5, с. 74].

Противостояние осложнялось тем, что по своим боевым возможностям вооруженные силы СССР значительно уступали американской армии. По отдельным образцам авиационной техники (дальние бомбардировщики, транспортные самолеты, вертолеты) отставание от США было многократным [11, с. 167–193; 12, с. 74; 20, с. 13]. Не лучшим образом обстояли дела в Военно-морском флоте. Он по-прежнему был флотом прибрежного действия, способным проводить операции лишь в рамках достижения целей фронтовых операций [14, с. 25; 23, с. 142].

К середине 1950-х гг. стали очевидны положительные результаты принятых чрезвычайных мер по развитию новых образцов вооружения и военной техники (ракетная техника, реактивная авиация, ядерное оружие, радиолокационная техника) предпринятые руководством СССР после окончания Второй мировой войны.

Советским конструкторам и производственникам в короткие сроки удалось создать и наладить массовое производство нескольких образцов реактивных истребителей и фронтовых бомбардировщиков, а также тяжёлых дальних бомбардировщиков. Все-

го было создано 20 типов самолетов, из которых 9 приняты в серийное производство. В войсках началось освоение новейших комплексов противовоздушной обороны, включавших радиолокационные станции и зенитные ракетные комплексы [24, с. 202]¹.

В 1949 г. была ликвидирована монополия США на обладание атомным (ядерным) оружием. К началу 1953 г. было освоено серийное производство ядерных боеприпасов и начато строительство центральных баз и войсковых складов, предназначенных для хранения и подготовки к применению ядерных бомб [22, с. 65].

Существенное отставание от США в количестве ядерных зарядов советское руководство пыталось компенсировать увеличением количества обычного вооружения и ростом численности вооруженных сил. Последние с 1948 г. по март 1953 г. увеличили свой личный состав с 2 874 000 до 5 396 038 человек [1, с. 20, 4; с. 38–44]. Содержание огромной армии в мирное время было тяжёлым бременем для еще не окрепшей после войны экономики СССР.

После смерти И.В. Сталина основной внешнеполитической доктриной советского руководства стала идея о мирном сосуществовании капиталистической и социалистической систем. Приверженность новой политике неоднократно подтверждали и Н.С. Хрущёв, как лидер КПСС, и Г.М. Маленков, как глава правительства.

Стремясь создать, где возможно, буферную зону из сопредельных государств между двумя противостоящи-

ми друг другу военно-политическими блоками, советское руководство пошло на большие внешнеполитические уступки. В 1955 г. по инициативе СССР союзники по Второй мировой войне приняли предложение СССР о выводе оккупационных войск из Австрии и признании ее суверенным и нейтральным государством [25, с. 46]. В этом же году была ликвидирована советская военно-морская база Порккала-Удд на территории Финляндской республики, а военно-морская база Порт-Артур на Ляодунском полуострове со всем имуществом и оборудованием передана Китайской Народной Республике. Решения советского руководства способствовали улучшению отношений СССР со Скандинавскими странами и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

14 мая 1955 г. в качестве ответного шага на существование блока НАТО в Варшаве на совещании правительственных делегаций социалистических государств был подписан коллективный Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский договор). На основании договора вскоре были созданы объединенные Вооруженные Силы стран-участниц, управление которыми было сосредоточено в Министерстве обороны СССР [6, с. 494].

К этому времени советские военные специалисты завершили масштабную работу по перевооружению, структурной реорганизации армий стран Народной демократии, подъёму их обороноспособности и боеготовности в свете современных требований [6, с. 257–258; 9, с. 96, 118].

Создание Организации Варшавского Договора завершило раскол мира на два военно-политических блока и

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 134. Д. 278. Л. 19.

подвело черту под оформлением биполярной структуры международных отношений. После создания двух блоков положение несколько стабилизировалось, и страны стали приспосабливаться к условиям блокового противостояния.

Несмотря на то, что США утратили монополию на ядерное оружие, по его количеству и по средствам доставки они значительно превосходили Советский Союз. Прочной основой стратегических сил США было стратегическое авиационное командование военно-воздушных сил. На развитие стратегической авиации ассигновалась почти половина бюджета Министерства обороны США, что позволило в течение 1950–1955 гг. количество стратегических бомбардировщиков довести до 1500 самолетов, из которых около 1000 находились в боевых частях [18, с. 255–258].

Для сравнения, в составе советских военно-воздушных сил к этому времени было только 15 самолетов, реально способных нанести бомбовый удар по США (11 экземпляров М-4 и 4 экземпляра Ту-95). Дальность полета Ту-16, принятого на вооружение в 1954 г., составляла 5800 км и всего на 400 км превосходила аналогичный показатель морально устаревшего Ту-4. Именно эти два самолета составляли основу советской дальней авиации во второй половине 1950-х гг. [11, с. 173–175; 17, с. 19]. Освоение новой техники в производстве шло очень медленными темпами. Гораздо быстрее шло совершенствование американских систем противовоздушной обороны, что делало возможность нанесения ядерного удара по территории США с помощью авиации маловероятной.

Сохраняющаяся опасность военного столкновения с Западом и существенное отставание СССР в области стратегического вооружения требовали от советского руководства принятия экстренных и действенных мер.

После успешного испытания 12 августа 1953 г. на Семипалатинском полигоне первого отечественного малогабаритного термоядерного заряда (РДС-4) советским конструкторам удалось существенно уменьшить массу и габаритные размеры нового оружия. Это позволило рассматривать баллистические ракеты как альтернативное средство доставки ядерных зарядов.

17 декабря 1953 г. Советом Министров СССР было принято постановление о начале разработки модификации ракеты Р-5, оснащенной ядерным зарядом, которая первоначально получила название «дальняя атомная ракета» [19, с. 13].

Соединение ядерного боеприпаса с ракетой, автоматизация управления ими привели к созданию принципиально новой системы вооружения – ракетно-ядерного оружия, в котором огромная поражающая мощь ядерных боеголовок сочеталась с относительной неуязвимостью баллистических ракет.

По современной классификации ракеты Р-5М относятся к классу ракет средней дальности, но во время своего создания она считалась первой стратегической ракетой, так как её дальность позволяла использовать ракету для поражения стратегических целей в Европе¹.

Одновременно в отдельном конструкторском бюро под руководством М.К. Янгеля разрабатывалась ракета

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 47. Д. 211. Л. 72.

оперативно-тактического назначения Р-11М под ядерный заряд и на её основе создавался мобильный комплекс с самоходными пусковыми установками.

Выбор Н.С. Хрущёва в пользу ракет как основного носителя ядерных зарядов при внимательном рассмотрении вовсе не выглядит «волютаризмом и субъективизмом». Скорости и высоты полёта баллистических ракет значительно превышали соответствующие показатели лучших самолетов, что обеспечивало им неуязвимость не только от существующих, но и от перспективных средств обороны. К тому же баллистические ракеты были не только более эффективным, но и экономически выгодным средством доставки. В декабре 1959 г. один ракетный полк, вооружённый ракетами Р-12 (8 пусковых установок) по сравнению с авиационным полком тяжёлых бомбардировщиков Ту-16 обходился государству дешевле на 87 млн. 86 тыс. рублей, а одна ракетная дивизия трёхполкового состава по сравнению с тяжёлой бомбардировочной дивизией такого же состава – дешевле на 184 млн. 99 тыс. рублей в ценах 1959 года [3, с. 15; 13, с. 907–909; 26, с. 7]. В условиях ограниченных финансовых ресурсов государства это было немаловажным фактором, которому Н.С. Хрущёв уделял пристальное внимание¹.

Следует отметить, что во второй половине 1950-х гг. пересмотр взглядов военных специалистов на роль авиации в будущих возможных войнах был общемировой тенденцией [21, с. 39].

Несмотря на это ни в США, ни в СССР разработка стратегических бомбардировщиков не останавливалась, однако эта работа ни в какое сравне-

ние не шла с успехами конструкторов ракетчиков. Поддержка главы государства способствовала стремительному развитию ракетного вооружения в СССР [29, с. 97–115].

Изменения приоритетов в вооружении Советской Армии вызвало необходимость уточнения ее организационной структуры. В 1957–1959 гг. в Вооруженных Силах страны начали формироваться первые части и соединения межконтинентальных ракет, началось строительство их стартовых площадок. Таким образом, к концу 1950-х гг. в СССР была обеспечена основа для создания Ракетных войск стратегического назначения.

После рассмотрения Президиумом ЦК КПСС в 1954–1955 гг. была отвергнута программа строительства военно-морского флота, которую отстаивал Главнокомандующий ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов. Она включала обширное строительство главным образом надводных кораблей (авианосцев, линкоров, крейсеров) на которое требовалось 150 млрд. рублей. Но даже это не обеспечивало бы Советскому Союзу равенство с американским флотом. В итоге в строительстве флота в 1950–1960 гг. приоритет был отдан развитию подводных сил. В сложившихся условиях это позволило в кратчайшие сроки увеличить ударные возможности флота, ценой меньших средств создать определённую угрозу основным силам флота противника и заложить основы для дальнейшего развития океанского ракетно-ядерного флота [15, с. 30–34; 28, с. 7].

В первые послевоенные годы в СССР господствовала «евразийская» стратегическая концепция, основанная на военном превосходстве СССР на Евразийском континенте в сухопут-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 153. Л. 31.

ных и тактических военно-воздушных силах. Это отражалось и на структуре вооруженных сил СССР, 80% численности которых приходилось на сухопутные войска. В этот период военно-воздушные силы и военно-морской флот по-прежнему рассматривались как вспомогательные силы для поддержки сухопутных войск, и не имели самостоятельного стратегического значения [4, с. 54]. Со временем стало ясно, что «евразийская» концепция не могла адекватно отразить новую стратегическую ситуацию, в которой главную военную угрозу для СССР представляли ударные ядерные силы США.

Пересмотр военной доктрины повлиял в том числе и на решение советского руководства о частичном сокращении вооруженных сил, поскольку в условиях нового мирового баланса сил не было необходимости содержать огромную сухопутную армию, а главные усилия должны были сосредотачиваться на развитии стратегических ядерных сил.

В тоже время сокращение вооруженных сил имело важное пропагандистское значение и служило подтверждением мирных инициатив СССР во внешней политике.

К основному субъективному фактору, придавшему реформе своеобразие и предопределившему её незавершенность, следует отнести свойства характера Н.С. Хрущёва. Как вспоминал О.А. Трояновский, «Хрущёв обладал богатым воображением и, когда им овладевала какая-либо идея, он начинал видеть в ней не только лёгкое решение какой-либо определённой проблемы, но и панацею от многих проблем сразу. В таких случаях он даже вполне разумные идеи доводил до абсурда» [27,

с. 585]. А.М. Александров-Агентов так вспоминал о Н.С. Хрущеве: «... порывистый, нетерпеливый, увлекающийся, одержимый «духом новаторства», но без серьёзной концепции» [2, с. 117].

Установление к середине 1950-х гг. практически единоличной власти Н.С. Хрущёва способствовало тому, что Вооруженные силы СССР в 1950–1960-х гг. развивались в соответствии с его личными взглядами. Н.С. Хрущёв неоднократно высказывал утопичные идеи полного сокращения Вооруженных сил, которые, естественно, не были поддержаны высшим военным руководством [1, с. 27–29]. Однако многие военачальники, зная вспыльчивый характер Никиты Сергеевича, не спешили перечить ему [10, с. 129]. Несмотря на то, что на словах Н.С. Хрущёв был готов услышать чужое мнение¹, он очень болезненно относился к тому, что кто-то пытался его оспорить. Например, на одном из совещаний он подверг критике Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского и адмирала Н.М. Харламова, взгляды которых на пути развития флота были отличны от его собственных². Отстаивая свою точку зрения, Н.С. Хрущёв инициировал отстранение от должностей Г.К. Жукова, ратовавшего за равномерное развитие всех родов войск, а не только ракетных частей, и Главкома ВМФ Н.Г. Кузнецова, выступавшего за программу строительства надводного флота [8, с. 392–393; 16, с. 80–81].

Таким образом, реформу Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. нельзя считать случайной, искусственно придуманной и субъективно навязанной.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 153. Л. 44–45, 128.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 153. Л. 29–30.

занной новым руководством страны во главе с Н.С. Хрущёвым. Она была обусловлена как внутренними, так и внешними факторами.

Изменения в международной обстановке, во внутривнутриполитическом курсе, социально-экономическое развитие Советского Союза во второй половине 1950-х гг. предопределили проведение ряда переустройств во всех сферах жизни, включая армию. На фоне пересмотра советской военной доктрины и создания объединенных Вооруженных сил стран социалистического лагеря стало возможным значительно сократить численность обычных вооружений Советской Армии и соответствующих частей подразделений, предназначенных для их эксплуатации.

Существенное отставание Советского Союза от своего главного потенциального противника – США, в количестве и качестве стратегического вооружения требовало от советского руководства принятия экстренных мер для создания «ядерного паритета», на котором по большому счету и зиждились относительно мирные отношения между двумя странами в 1950–1960 гг. Выбор Н.С. Хрущёва ракет, в качестве главного носителя ядерных боеприпасов, был поддержан многими военачальниками и обусловлен их явным превосходством над авиацией. Уже позднее Н.С. Хрущёв в силу свойств своего характера стал видеть в ракетном оружии «панацею» для решения всех вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Ю.А. Незавершенная реформа Н.С. Хрущёва: преобразования Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2011. № 4. С. 16–33.
2. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. 299 с.
3. Ангельский Р. Хрущёвское лихолетье или Никита Сергеевич и авиация // Авиация и космонавтика. 2005. № 10. С. 15–20.
4. Бабаков А.А. Вооруженные Силы СССР после войны (1945–1986 гг.): История строительства. М.: Воениздат, 1987. 287 с.
5. Батюк В.И., Пронин А.В. Почему Г. Трумэн «пощадил» СССР // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 74–82.
6. Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М.: Кучково поле, 2007. 583 с.
7. Военно-воздушные силы России: неизвестные документы (1931–1967 гг.) / Архив Президента Российской Федерации / Сост. В.С. Михайлов, Д.А. Морозов. М.: Изд. Дом «Вестник Воздушного Флота», 2003. 316 с.
8. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. 820 с.
9. Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации (1951–2001 гг.): военно-исторический очерк / Под ред. Л.Г. Ивашова. М.: Внешторгиздат, 2001. 281 с.
10. Гриневский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М.: Вагриус, 1998. 367 с.
11. Дальняя авиация: век в боевом полете. М.: Русское авиационное общество, 2014. 391 с.
12. Ефанов В.В., Пучкин В.Я. Военно-транспортная авиация. Военно-исторический очерк. М.: Арсенал-Пресс, 1997. 176 с.

13. Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.): сб. док. / сост.: В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М.: РОССПЭН, 2010. 1205 с.
14. Костев Г.Г. Военно-морской Флот страны (1945–1995): Взлеты и падения. СПб.: Наука, 1999. 621 с.
15. Кузин В.П., Никольский В.И. Военно-морской флот СССР, 1945–1991 гг. М.: Историческое Морское Общество, 1996. 653 с.
16. Кузнецов Н.Г. «Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими...» / Публ. В.Н. Кузнецовой, Ю.К. Лугового // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 74–82.
17. Медведь А. Дальняя авиация на пороге ракетной эпохи // История авиации. 2003. № 5. С. 17–25.
18. Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. М.: Вече, 2000. 477 с.
19. Первов М. Ракетные комплексы РВСН // Техника и вооружение. 2001. № 5–6. С. 1–92.
20. Пивоваров Ю.Ф. Боевые вертолеты в составе отечественной армейской авиации, 1951–1972 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 13–16.
21. Пономарев А. Самолет и ракета, как боевые средства // Военная мысль. 1959. № 7. С. 39–49.
22. Рожденные атомной эрой. 12-е Главное управление Министерства обороны Российской Федерации: опыт создания и развития (к 55-летию со дня создания) / Под ред. И.Н. Волынкина. Чехов: [Б.и.], 2002. 439 с.
23. Самохин А.В. Изменения в управлении советскими вооруженными силами в условиях нового витка военно-политического противостояния СССР и США в начале 1950-х гг. // Вестник Московского университета. 2014. № 3. С. 134–157.
24. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
25. Согрин В.В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны» 1945–1991 гг. // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 36–52.
26. Соловцов Н.Е., Ивкин В.И. «Межконтинентальная баллистическая ракета – это абсолютное оружие» // Военно-исторический журнал. 2004. № 12. С. 2–7.
27. Таубман У. Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008. 850 с.
28. Ташлыков С.Л., Коряковцев А.А. Создание и развитие отечественных подводных сил // Военно-исторический журнал. 2016. № 3. С. 3–9.
29. Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв: кризисы и ракеты: в 2 т. Т. 1. М.: Новости, 1994. 535 с.

REFERENCES

1. Abramova Yu.A. Nezavershennaya reforma N.S. Khrushcheva: preobrazovaniya Vooruzhennykh sil SSSR v 1953–1964 gg. [Unfinished reform N.S. Khrushchev: the transformation of the Armed forces of the USSR in 1953–1964]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* (elektronnyi zhurnal), 2011, no. 4, pp. 16–33.
2. Aleksandrov-Agentov A.M. Ot Kollontai do Gorbacheva [From Kollontai to Gorbachev]. М., Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 299 p.
3. Angel'skii R. Khrushchevskoe likholet'e ili Nikita Sergeevich i aviatsiya [The hard times of Khrushchev or Nikita Sergeevich and aviation]. *Aviatsiya i kosmonavtika*, 2005, no. 10, pp. 15–20.
4. Babakov A.A. Vooruzhennye Sily SSSR posle voiny (1945–1986 gg.): Istoriya stroitel'stva [The armed forces of the USSR after the war (1945–1986.): History of construction]. М., Voenizdat, 1987. 287 p.

5. Batyuk V.I., Pronin A.V., Pochemu G. Truman «poshchadil» SSSR [Truman "spared" the USSR]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 1996, no. 3, pp. 74–82.
6. Bystrova N.E. SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945–1955 gg.) [The USSR and the formation of the military-bloc confrontation in Europe (1945–1955 gg.)]. M., Kuchkovo pole, 2007. 583 p.
7. Voenno-vozdushnye sily Rossii: neizvestnye dokumenty (1931–1967). Arkhiv Prezidenta Rossiiskoi Federatsii / Sost. V.S. Mikhailov, D.A. Morozov. [Military air forces of Russia: unknown documents (1931–1967). The Archive of the President of the Russian Federation / Comp. V. S. Mikhailov, D. A. Morozov.]. M., Izd. Dom «Vestnik Vozdushnogo Flota», 2003. 316 p.
8. Georgii ZHukov. Stenogramma oktyabr'skogo (1957 g.) plenuma TSK KPSS i drugie dokumenty [Georgy Zhukov. Transcript of October Plenum of the CPSU Central Committee (1957) and other documents]. M., MFD, 2001. 820 p.
9. Glavnoe upravlenie mezhdunarodnogo voennogo sotrudnichestva Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (1951–2001 gg.): voenno-istoricheskii ocherk [The main Department for International Military Cooperation of the Ministry of Defence of the Russian Federation (1951–2001.): military-historical essay]. M., Vneshtorgizdat, 2001. 281 p.
10. Grinevskii O.A. Tysyacha i odin den' Nikity Sergeevicha [One thousand and one day of Nikita Sergeevich]. M., Vagrius, 1998. 367 p.
11. Dal'naya aviatsiya: vek v boevom polete [Long-range aviation: a century in a combat flight]. M., Russkoe aviasionnoe obshchestvo, 2014. 391 p.
12. Efanov V.V., Puchkin V.Ya. Voenno-transportnaya aviatsiya. Voenno-istoricheskii ocherk [Military transport aviation. Military-historical essay]. M., Arsenal-Press, 1997. 176 p.
13. Zadacha osoboi gosudarstvennoi vazhnosti. Iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya (1945–1959 gg.): sb. dok. / sost.: V.I. Ivkin, G.A. Sukhina [The task of special state importance. From the history of creation of rocket-nuclear weapons and strategic Rocket forces (1945–1959.): collection of doc. / comp.: V.I. Ivkin, G.A. Sukhina]. M., ROSSPEN, 2010. 1205 p.
14. Kostev G.G. Voenno-morskoi Flot strany (1945–1995): Vzlety i padeniya [The Navy of the country (1945–1995): Ups and downs]. SPb., Nauka, 1999. 621 p.
15. Kuzin V.P., Nikol'skii V.I. Voenno-morskoi flot SSSR, 1945–1991 gg [Military-maritime fleet of the USSR, 1945–1991]. M., Istoricheskoe Morskoe Obshchestvo, 1996. 653 p.
16. Kuznetsov N.G., Lugovoi YU.K. «Nashi otnosheniya s Zhukovym stali poistine dramaticheskimi...» ["Our relationship with Zhukov has become truly dramatic..."]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 1992, no. 1, pp. 74–82.
17. Medved' A. Dal'naya aviatsiya na poroge raketnoi epokhi [Long-range aviation on the threshold of rocket era]. *Istoriya aviatsii*, 2003, no. 5, pp. 17–25.
18. Orlov A.S. Tainaya bitva sverkhderzhav [Secret battle of the superpowers]. M., Veche, 2000. 477 p.
19. Pervov M. Raketnye komplekсы RVSN [Missile systems of the strategic missile forces]. *Tekhnika i vooruzhenie*, 2001, no. 5–6, pp. 1–92.
20. Pivovarov YU.F. Boevye vertolety v sostave otechestvennoi armeiskoi aviatsii, 1951–1972 gg. [Combat helicopters in the system of the Russian army aviation, 1951–1972]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2008, no. 3, pp. 13–16.
21. Ponomarev A. Samolet i raketa, kak boevye sredstva [Aircraft and rocket as means of fighting]. *Voennaya mysl'*, 1959, no. 7, pp. 39–49.
22. Rozhdennyye atomnoi eroi. 12-e Glavnoe upravlenie Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii: opyt sozdaniya i razvitiya (k 55-letiyu so dnya sozdaniya) [Born by the atomic era.

- The 12th Main Directorate of the Ministry of Defence of the Russian Federation: experience and development (to the 55th anniversary from the day of creation)]. Chekhov, [B.i.], 2002. 439 p.
23. Samokhin A.V. *Izmeneniya v upravlenii sovetскими vooruzhennymi silami v usloviyakh novogo vitka voenno-politicheskogo protivostoyaniya SSSR i SSHA v nachale 1950-kh gg.* [Change in control of the Soviet armed forces in the new round of military-political confrontation between the USSR and the USA in the early 1950s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 134–157.
24. Simonov N.S. *Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [The military-industrial complex of the USSR in 1920–1950-ies: economic growth, structure, production organization and management]. M., ROSSPEN, 1996. 336 p.
25. Sogrin V.V. *Dinamika sopernichestva SSSR i SSHA v period «kholodnoi voiny» 1945–1991 gg.* [The dynamics of the rivalry of the USSR and the USA during the cold war, 1945–1991]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2015, no. 6, pp. 36–52.
26. Solovtsov N.E., Ivkin V.I. «Mezhkontinental'naya ballisticheskaya raketa – eto absolyutnoe oruzhie» ["Intercontinental ballistic missile is the ultimate weapon"]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2004, no. 12, pp. 2–7.
27. Taubman U. *Khrushchev* [Khrushchev]. M., Molodaya gvardiya, 2008. 850 p.
28. Tashlykov S.L., Koryakovtsev A.A. *Sozdanie i razvitie otechestvennykh podvodnykh sil* [The creation and development of the Russian submarine forces]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 3, pp. 3–9.
29. Khrushchev S.N. *Nikita Khrushchev: krizisy i rakety: v 2 t. T. 1* [Nikita Khrushchev: crises and rockets: in 2 vol. Vol. 1]. M., Novosti, 1994. 535 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьев Рустам Арсланович – аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского;
e-mail: solorus@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rustam A. Solovyev – graduate student of the chair of the Russian History, Bryansk State University named after the academician I.G. Petrovski;
e-mail: solorus@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьев Р.А. Предпосылки реформирования вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 114–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-114-123

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

R. Solovyev. Background reform of the armed forces of the USSR in 1953–1964. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 114–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-114-123

УДК 378.183; 930.85

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-124-131

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА БАЗЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Горлова Н.И.*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова**Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается история формирования инфраструктуры добровольческого движения и формы развития на базе образовательных учреждений среднего специального и высшего образования с целью обеспечения его распространения на территории Российской Федерации. Систематизация и отбор материала проведены на основе анализа опыта работы волонтерских центров, осуществлявших набор и подготовку волонтеров к Олимпийским и Паралимпийским зимним играм в Сочи 2014 г., Ассоциации волонтерских центров и волонтерских центров Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России™.

Ключевые слова: волонтерские центры, добровольческие инициативы, добровольческое движение, образовательные учреждения, волонтерские программы.

ORGANIZATION OF VOLUNTEER MOVEMENT ON THE BASIS OF RUSSIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: TRENDS AND PRIORITIES OF DEVELOPMENT

N. Gorlova*Plekhanov Russian University of Economics**36, Strem'anny per., Moscow, 117997, Russia*

Abstract. The article considers the history of formation of the infrastructure of the volunteer movement and the forms of its development on the basis of educational institutions of secondary special and higher education with the aim of ensuring its spread in the territory of the Russian Federation. Ordering and selection of material based on the review of volunteer centers experience, which recruited and trained volunteers for the Olympic and Paralympic Winter Games 2014 in Sochi. Besides, the experience of the Association of volunteer centers and volunteer centers for World Cup Football FIFA 2018 in Russia was studied™.

Key words: volunteer centers, volunteer initiatives, volunteerism, educational institutions, volunteer programs.

На протяжении 1990-х гг. – начала 2000-х гг. добровольческие инициативы студентов и сотрудников вузов носили локальный характер, за исключением нескольких межрегиональных добровольческих акций (например, Всероссийская

неделя добра). По сути, активность и содержание волонтерской деятельности определялись сложившейся в той или иной организации практикой. Все мероприятия были интегрированы в учебно-воспитательную и социальную жизнь образовательных организаций и воспринимались исключительно как выполнение социальной роли образовательных организаций в регионе, а также как элементы нравственного воспитания студентов. В большинстве случаев связь добровольческого опыта студентов-волонтеров отсутствовала. В диапазоне добровольческих проектов преобладали донорство, помощь детским домам, уборка мусора с территории образовательных организаций и т.п.

С 2010 г. в образовательных учреждениях проявляется устойчивая тенденция формирования волонтерских объединений, связанных с реализацией студенческих добровольческих инициатив, ориентированных на широкую общественную пользу. Общественно полезная работа становится трендом российских вузов. Это хорошая возможность накопить «мягкие навыки», зачётные единицы и деловые контакты. Уроки социальной ответственности студенты усваивают на практике. Некоммерческие организации и инициативы размещают в вузах информацию о запланированных проектах, а студенты помогают претворять их в жизнь или же сами студенты выходят на организации со своими идеями и предложениями. Темы при этом могут быть самыми разными – от педагогики до охраны окружающей среды.

Отечественные авторы неоднократно рассматривали роль участия студенческой молодёжи в реализации до-

бровольческих проектов, проведении акций и мероприятий, а также влияние волонтерских студенческих объединений на развитие личности (см.: [3; 4]). Первостепенной задачей в деятельности высшего института образования было предложение оптимальных форм участия молодых людей в социальной практике добровольчества [6]. Среди распространённых форм участия молодёжи в добровольческой деятельности выделяется организованное волонтерство (мероприятия проводятся систематично и регулярно, планируются централизованно, координация и контроль осуществляется структурным подразделением вуза, отвечающим за учебно-воспитательную работу); неорганизованное волонтерство представлено незапланированными и эпизодическими мероприятиями, по традиции приуроченными к памятным датам и праздникам.

Особая роль в продвижении ценностей и принципов добровольчества связана с активным внедрением технологии «обучение через волонтерство» в образовательное пространство учреждения [6; 7]. Образовательная модель «Service Learning» универсальна по своей сути и может быть применена в рамках практически любой дисциплины, но в рамках освоения студентами учебной программы [5]. Междисциплинарный подход, связь теории с практикой, формирование чувства социальной ответственности, интенсивный обмен между вузами и общественными организациями, создание сети деловых контактов – преимущества, заложенные в этом дидактическом подходе.

Так, использование модели Service-Learning предусмотрен в рамках

учебно-воспитательной работы РЭУ им. Г.В. Плеханова и активно апробируется вот уже несколько лет. Она представлена целенаправленным процессом получения знаний и навыков в условиях органичной интеграции аудиторной и внеаудиторной учебной деятельности студентов на основе взаимодополняющих друг друга традиционной, дистанционной и электронной моделей обучения. Университет предлагает Service Learning в качестве дополнительной квалификации, как часть обязательной программы или в рамках научной деятельности.

О.Р. Данилова полагает, что вид внеучебной деятельности в системе образовательной и воспитательной работы, добровольческая практика рассматривается в качестве неотъемлемой составляющей подготовки конкурентноспособных специалистов различного профиля, соответствующих требованиям высокой степени адаптивности к различным условиям среды [1]. В практике волонтерской деятельности, по мнению А.В. Шарыпиной, происходит становление социально ответственного поведения с определенными навыками самоконтроля в нестандартных ситуациях, развиваются аналитические и коммуникативные умения [8].

Реальный скачок в создание сети добровольческих центров на базе образовательных учреждений среднего специального и высшего образования Россия сделала при реализации масштабных спортивных проектов международного уровня.

В 2010 г. АНО «Оргкомитет «Сочи 2014»» предложил Минобрнауки России модель активизации добровольческого движения в стране за счет её интеграции с системой образования

(прежде всего высшего образования) в рамках реализации Волонтерской программы Сочи 2014. В декабре 2010 г. Оргкомитетом «Сочи 2014» при поддержке Министерства образования России и Министерства спорта России была сформирована сеть центров привлечения волонтеров для обеспечения потребности в добровольцах на всех олимпийских объектах. Сеть была создана в 17 городах, на базе 25 вузов (включая один негосударственный вуз) и одного колледжа.

В создание данной сети как Оргкомитетом «Сочи 2014», так и самими образовательными организациями (при участии региональных администраций и партнеров) были вложены значительные средства. Только вклад образовательных учреждений составил не менее 200 млн. рублей.

С первых шагов, благодаря Оргкомитету «Сочи 2014», центры привлечения волонтеров на базе образовательных учреждений осуществляли свое развитие по следующему ряду важнейших направлений: технологии работы с волонтерами; проектная деятельность, в том числе управление региональными и локальными волонтерскими проектами; использование информационных систем; интегрирование волонтерской деятельности учащихся в учебный процесс, так называемая модель service-learning.

Стартовые позиции у каждого волонтерского центра были разные, но общий вектор развития вывел их на уровень реализации целого спектра задач как в сфере воспитательной работы, так и в имиджевой политике учебного заведения.

На организационном уровне Волонтерский центр призван решать важные

задачи и в области работы с людьми: эффективная коммуникация проектной группы; привлечение местного населения; пополнение ресурсов, в том числе интеллектуальных, мобильность участников проектных групп; трансляция ценностей добровольчества; техника безопасности; сетевое взаимодействие и поиск партнеров; интеграция волонтерской деятельности в учебный процесс образовательного учреждения; реклама и PR; логистика проектных этапов и т.д.

Системообразующая позиция волонтерских центров создала условия для координации и управления по многим направлениям: патронирование и поддержка социально уязвимой категории граждан, экологическое, сельскохозяйственное, спортивное, медицинское, строительное, инклюзивное волонтерство, реставрационная добровольческая деятельность и др.

Все 26 волонтерских центров продолжали осуществлять активную деятельность в своих регионах, реализуя десятки социально значимых проектов в области образования и просвещения, экологии, ЗОЖ, помощи престарелым и детям. Общее количество основных проектов волонтерских центров (без учета разовых акций) составило с 2012 по 2013 г. 1015 проектов, в которых приняло участие около 150 000 человек [2].

Например, волонтерский центр РГСУ реализовал проект на территории СВАО г. Москвы по оказанию экстренной психологической помощи населению «Мобильная психологическая студенческая служба «МОПС»».

Волонтерский центр Башкирского государственного медицинского уни-

верситета в рамках проекта «Диагностика» при участии около 50 волонтеров ежемесячно помогал в проведении медицинских осмотров узкими специалистами на базе центров здоровья г. Уфы при поддержке управления здравоохранения г. Уфы и компаний «Мегафон» и «Кока-Кола». В мероприятиях приняло участие более 400 человек.

В Сочинском государственном университете туризма и курортного дела около 40 студентов ежемесячно участвовали в донорской акции, передавая вознаграждение в Инфекционную больницу г. Сочи для покупки памперсов детям, оставшимся без попечения родителей. Еще одним проектным направлением выступила «Карта доступности», которая способствовала созданию условий для обеспечения равных возможностей людям с инвалидностью в г. Сочи.

В Кубанском государственном медицинском университете на регулярной основе воплощались в жизнь три волонтерских проекта: «Донорство», в ходе которого ежемесячно 30 волонтеров осуществляли сдачу крови; проект «Подари улыбку детям» – более 20 волонтеров 2 раза в год проводят сбор средств в помощь детским домам и детским отделениям ЛПУ Краснодарского края, занимаются организацией и проведением досуговых мероприятий (концертные программы, конкурсы, спортивные соревнования); 3 волонтерские группы по 7–10 человек в рамках проекта «Имеет смысл жизнь, когда добром согрета» оказывали бытовую помощь сотрудникам – ветеранам КубГМУ.

Подобная разносторонняя активность позволяла вовлекать в социальные проекты максимальное число

волонтеров Игр «Сочи 2014», что являлось важным фактором удержания волонтеров. Только в 2013 г. было проведено 465 олимпийских и волонтерских уроков, которые прослушали 16 000 учеников и студентов.

Необходимо отметить, что волонтерские центры могли вести организационную работу в каком-либо одном направлении деятельности, например, только помощь детским домам или пропаганда здорового образа жизни, а могли реализовать свои проекты в различных социальных и общественных сферах жизни.

За период подготовки и реализации волонтерской программы Игр «Сочи 2014» в системе российского профессионального образования сложились определенные инфраструктурные и кадровые предпосылки, которые стали рассматривать в качестве прочной основы для дальнейшего развития добровольческих инициатив и расширения спектра социально ориентированной деятельности учащейся молодежи, как важнейшего элемента наследия Игр «Сочи 2014». Имея опыт функционирования 26 волонтерских центров за период 2011–2014 гг. и потенциал волонтеров, принявших участие в Играх, государство получило возможность использовать этот потенциал в интересах инновационного развития страны и, тем самым, успешно реализовать одно из приоритетных направлений государственной молодежной политики [2, с. 57].

Кроме этого, волонтерские центры «Сочи 2014» стали восприниматься как реальное наследие XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр «Сочи 2014», что способствовало вовлечению в их деятельность большого

количества современной молодежи на базе учебных заведений. Их опыт позволил выявить ряд перспективных направлений развития добровольческой деятельности учащихся и сотрудников учреждений образования, к которым относятся вопросы интеграции социально ориентированной и добровольческой деятельности в образовательный процесс, практика формирования социальных партнерств в интересах развития регионов и др.

Активное распространение опыта участия волонтеров в Играх через волонтерские центры на всю систему СПО и ВПО (2850 учреждений СПО и 1115 учреждений ВПО, с совокупной численностью обучающихся более 9 млн. чел.) в долгосрочной перспективе после Игр позволило достичь больших позитивных социальных эффектов: вовлечение молодежи в общественную жизнь, развитие навыков самостоятельной жизнедеятельности молодежи, увеличение активности молодежи в социально-экономической, общественной, спортивной и иных сферах, развитие созидательной активности молодежи [2, с. 29].

В 2014 г. создается Ассоциация волонтерских центров (в основе – олимпийское наследие в виде Волонтерских центров по подготовке олимпийских волонтеров, как мест объединения и обучения большинства добровольцев страны) была учреждена 27 мая 2014 г. По правовой форме Ассоциация является некоммерческой организацией. Ее учредителями выступили АНО «Оргкомитет «Сочи 2014», АНО «Дирекция XXVII Всемирной летней универсиады в Казани 2013», Ассоциация участников добровольческих инициатив в образовании, Фонд развития молодеж-

ных волонтерских программ (НКО на базе Волонтерского центра Тверского государственного университета, Некоммерческое партнерство содействия добровольческой деятельности «Объединение волонтерских центров» (НКО на базе Волонтерского центра МГГУ им. Шолохова), Общероссийская общественная молодежная организация «Ассоциация студенческих спортивных клубов России»). Деятельность Ассоциации создает необходимые предпосылки развития волонтерского движения на базе образовательных учреждений среднего специального и высшего образования.

Уставом организации предусматривается целый ряд направлений деятельности АВИЦ, среди которых, в первую очередь, необходимо отметить организационно-правовое обеспечение деятельности волонтерских центров. В частности предусматривается разработка универсального пакета нормативных документов для создания и деятельности волонтерских (добровольческих) центров. В качестве приложений к методическим рекомендациям по организации волонтерского (добровольческого) движения в образовательных организациях среднего профессионального и высшего профессионального образования, а также в общеобразовательной организации, разработанных АВИЦ, представлены положения о соответствующих волонтерских центрах.

Так, волонтерский центр в вузе представляет собой «структурное подразделение образовательного учреждения, осуществляющее деятельность

по организации и проведению волонтерской деятельности». Типовое Положение о волонтерском центре в учреждениях высшего профессионального или профессионального образования содержит цель и задачи деятельности таких центров, их основные права и обязанности, организацию деятельности.

В начале декабря 2015 г. на территории Российской Федерации были открыты 15 волонтерских центров Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России™, созданные по итогам организованного Минобрнауки РФ, Минспорта РФ и Оргкомитета «Россия – 2018» конкурса среди вузов России. Из 15 центров 7 – участники сочинской программы, среди остальных – большинство организаций с богатой добровольческой историей. В 5 из 11 городов-организаторов действуют самостоятельные центры привлечения городских волонтеров к мероприятиям ЧМ-2018.

Таким образом, реализация волонтерских программ спортивных проектов значительно поменяла карту России с точки зрения количества инфраструктурных единиц на базе образовательных учреждений, однозначно изменила уровень мощности организаций – ее участников и увеличила охват населения добровольческими инициативами. Кроме того, в образовательных учреждениях проявляется устойчивая тенденция формирования волонтерских центров, связанных с реализацией студенческих добровольческих инициатив, ориентированных на широкую общественную пользу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова О.Р. Волонтерская деятельность в процессе профессиональной подготовки будущих социальных педагогов в вузе // Вектор науки ТГУ. 2011. № 2(5). С. 81–96.
2. Волонтерство как фактор социализации молодежи: исторические и современные практики / Н.И. Горлова и др. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. 170 с.
3. Крутицкая Е.В. Компетентностный подход к организации волонтерской деятельности молодёжи в высшей школе // Волонтер. 2013. № 1–2 (5–6). С. 11–21.
4. Лаврентьев А.В., Шарахина Л.В., Юдина А.А. Внедрение волонтерской практики в образовательный процесс: учеб. пособие. СПб.: СПбГЭУ, 2014. 65 с.
5. Леднев В.А. Чтобы стать классным специалистом, нужно поработать волонтером // Качество образования. 2011. № 12. С. 42–44.
6. Линович М.В. Внедрение образовательной практики «Обучение через волонтерство» в систему академического образования в России // Волонтер. 2012. № 1–2. С. 34–37.
7. Радько И.В. Методические рекомендации по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности молодёжи в средних профессиональных учебных заведениях Российской Федерации. М.: РИЦ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2015. 50 с.
8. Шарыпин А.В. Волонтерское движение студентов: истоки и современность // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4. С. 214–220.

REFERENCES

1. Danilova O.R. Volonterskaya deyatel'nost' v protsesse professional'noi podgotovki budushchikh sotsial'nykh pedagogov v vuze [Volunteer activities in the process of professional training of future social teachers at a university]. *Vektor nauki TGU*, 2011, no. 2(5), pp. 81–96.
2. Volonterstvo kak faktor sotsializatsii molodezhi: istoricheskie i sovremennye praktiki / N.I. Gorlova i dr [Volunteering as a factor of young people's socialization: historical and modern practice / N. And. Gorlova, etc]. M., ITD «PERSPEKTIVA», 2016. 170 p.
3. Krutitskaya E.V. Kompetentnostnyi podkhod k organizatsii volonterskoi deyatel'nosti molodezhi v vysshei shkole. [Competence approach to the organization of young people's voluntary activities at higher education institutions]. *Volonter*, 2013, no. 1–2 (5–6), pp. 11–21.
4. Lavrent'ev A.V., Sharakhina L.V., Yudina A.A. Vnedrenie volonterskoi praktiki v obrazovatel'nyi protsess: uchebnoe posobie [Implementation of volunteer practices in the educational process: the manual]. SPb., SPbGEU, 2014. 65 p.
5. Lednev V.A. Chtoby stat' klassnym spetsialistom, nuzhno porabotat' volonterom [To become an ace you need to volunteer]. *Kachestvo obrazovaniya*, 2011, no. 12, pp. 42–44.
6. Linovich M.V. Vnedrenie obrazovatel'noi praktiki «Obuchenie cherez volonterstvo» v sistemu akademicheskogo obrazovaniya v Rossii [The introduction of educational practice "Learning through volunteering" into the system of academic education in Russia]. *Volonter*, 2012, no. 1–2, pp. 34–37.
7. Rad'ko I.V. Metodicheskie rekomendatsii po razvitiyu dobrovol'cheskoi (volonterskoi) deyatel'nosti molodezhi v srednikh professional'nykh uchebnykh zavedeniyakh Rossiiskoi Federatsii. [Methodical recommendations for developing young people's volunteer activities at secondary vocational educational institutions in the Russian Federation.]. M., RITS MGGU im. M.A. Sholokhova, 2015. 50 p.
8. Sharypin A.V. Volonterskoe dvizhenie studentov: istoki i sovremennost' [The volunteer movement of students: the origins and modernity]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2010, no. 4, pp. 214–220.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и маркетинга спортивной индустрии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
e-mail: Gorlovanat@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya I. Gorlova – Candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Management and Marketing sports industry, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: Gorlovanat@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлова Н.И. Организация волонтерского движения на базе высших учебных заведений России: тенденции и приоритеты развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 124–131.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-124-131

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

N. Gorlova. Organization of volunteer movement on the basis of Russian higher educational institutions: trends and priorities of development. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 124–131.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-124-131

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.82

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-132-142

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-МОЛДАВСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Ушурелу О.В.

Дипломатическая академия МИД РФ

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные направления сотрудничества России и Молдавии в современных условиях: миротворческая операция в Приднестровье, гуманитарная помощь русскоговорящим регионам (Приднестровье и Гагаузия) и взаимодействие в области культуры, языка, науки и образования. Двустороннее гуманитарное сотрудничество наиболее полно отражает специфику взаимоотношения России и Молдавии. По мнению автора, в последнее время наметились позитивные шаги во двусторонних взаимоотношениях, хотя предстоит ещё много работы, чтобы они достигли должного уровня.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, Россия, Молдавия, миротворческая операция, гуманитарная помощь, соотечественники.

FEATURES OF CONTEMPORARY RUSSIAN-MOLDOVIAN RELATIONS IN THE HUMANITARIAN FIELD

O. Ushurelu

The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the main directions of humanitarian cooperation between Russia and Moldova under present-day conditions: the peacekeeping operation in Transnistria, humanitarian assistance to Russian-speaking regions (Transnistria and Gagauzia) and interaction in culture, language, science and education. Bilateral humanitarian cooperation most fully reflects the specifics of the relationship between Russia and Moldova. The author considers there are positive steps recently taken in bilateral relations, but the parties still have a lot to do to achieve the necessary level.

Key words: humanitarian cooperation, Russia, Moldova, peacekeeping operation, humanitarian aid, compatriots.

© Ушурелу О.В., 2017.

Глобальные политические трансформации последних десятилетий XX в. вызвали к жизни новые независимые государства, которые стремятся играть свою роль в меняющейся системе международных отношений. Не обладая особой мощностью, они ищут новые виды и формы сотрудничества. Россия стремится налаживать двусторонний диалог с ближайшими соседями. Большое количество русскоговорящего населения в этих странах способствует важности и углублению гуманитарного сотрудничества. Стоит согласиться с профессором М.А. Неймарком, который отмечает, что перед Россией сейчас с особой остротой стоит задача искать оптимальные формы применения «мягкой силы» [4, с. 164]. Гуманитарная сфера имеет огромное преимущество перед всеми остальными инструментами международных отношений, так как её целью является создание условий социально-гуманитарного развития общества. Для этого важны мирное существование, равные права для всех этнических групп и слоёв общества и поддержание культуры, науки и образования, которые не развиваются в какой-либо стране автономно. Исходя из этого целью данной статьи является рассмотреть особенности взаимоотношений России и Молдавии в гуманитарной сфере. Пример взаимоотношений России и Молдавии отличается от остальных стран СНГ тем, что они начали развиваться с разведения воюющих сторон в горячей фазе боевых действий в 1992 г. Россия на данный момент – не только полноценный партнёр Молдавии, но и страна-гарант в переговорном процессе. Большое количество этносов в населении Молдавии дало следую-

щую особенность – поддержка русскоговорящего населения. Исходя из всего этого статья решает следующие задачи: анализирует роль и вовлечённость России в переговорный процесс, учитывая миротворческий контингент; рассматривает взаимодействие России с русскоговорящей диаспорой; выявляет специфику взаимодействия России и Молдавии в сфере культуры, языка, науки и образования.

Россия и Молдавия, будучи различными по геополитическому статусу участниками мировой политики, прошли долгий путь сотрудничества.

Современное состояние российско-молдавских межгосударственных отношений определяется комплексом нормативных актов. 22 сентября 1990 г. страны заключили «Базовый Договор о принципах межгосударственных отношений РСФСР и Молдавской ССР», который сразу же был ратифицирован парламентом МССР. 10 февраля 1995 г. подписан Дополнительный протокол, с целью привести основные положения Договора в соответствие с текущими реалиями. Но ратифицирован он не был Государственной думой РФ главным образом из-за противодействия тогдашнего руководства думского Комитета по делам СНГ. А. Языкова объясняет это борьбой за власть в России, которая выходила также и на пространства «ближнего зарубежья», включая Молдову [14, с. 36]. Протокол 1995 г. содержал важные положения, такие, как равные права для граждан обеих стран вне зависимости от территории проживания.

Приход к власти лидера ПКРМ В. Воронина в 2001–2005 гг. активизировал межгосударственные контакты на высшем уровне. Проводились

встречи на уровне президентов, министров и парламентов. В 2001 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова.

До 1999 г. основными вопросами двусторонних переговоров были условия пребывания на территории Приднестровья, помимо миротворческого контингента, Оперативной группы российских войск (ОГРВ), вопросы определения статуса Приднестровья и проблемы двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Республику Молдова и Российскую Федерацию связывают всесторонние внешнеполитические, экономические и культурно-гуманитарные отношения. Гуманитарный компонент отношений включает в себя: миротворческую миссию в Приднестровье, гуманитарную помощь (для Приднестровья и Гагаузии особенно) и сотрудничество в области науки, культуры, языка и образования.

Миротворческая операция в Приднестровье

Конфликт между Молдовой и Приднестровьем – один из первых конфликтов на постсоветском пространстве. На протяжении четверти века Россия постоянно участвует в разрешении этого конфликта. Благодаря военной миссии на территории Приднестровья (на момент 1992 г. в Приднестровском регионе базировалась 14-ая армия под руководством генерала А. Лебеда) тогда удалось остановить горячую фазу конфликта и поддерживать мир до сих пор.

Этот вооружённый конфликт считается самым краткосрочным среди всех конфликтов на пространстве

СНГ. Боевые действия начались 2 марта 1992 г., и уже к началу августа их удалось полностью остановить. По инициативе России с руководством Молдовы было подписано соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта [11]. После подписания Соглашения была создана Объединенная Контрольная Комиссия (ОКК), обозначена зона безопасности, воюющие стороны разъединены и под координацией ОКК военные формирования России, Молдовы и Приднестровья заняли позиции между сторонами. Это один из немногих конфликтов, где миротворческие силы получили возможность стать между противоборствующими сторонами – благодаря природной границе конфликта – реке Днестр.

Руководство Республики Молдова неоднократно требовало вывести российских миротворцев со своей территории. Но благодаря российской дипломатии миротворцы получили в 1994 г. правовой статус по Межправительственному Соглашению о правовом статусе, порядке и сроках вывода вооружённых формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова, а нахождение миротворцев стало зависеть от вопроса об особом статусе Приднестровья. Соглашение и Договор 1992 г. являются юридическими обоснованиями нахождения миротворцев на территории Молдавии.

В мае 1997 г. по инициативе России был подписан меморандум «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем», в котором содержалось предложение о создании «общего государства». Это первый документ

с участием обеих сторон конфликта, ОБСЕ и стран-гарантов (Россия и Украина). Меморандум обязывал стороны отказаться от применения силы и угрозы применения силы, установить государственно-правовые отношения с участием Приднестровья во внешней политике Молдовы, а также давал право Приднестровью самостоятельно устанавливать международные контакты только в экономической, научно-технической и культурной областях. Дальнейшие переговоры были заблокированы попытками определить юридический смысл понятия «общее государство». Значение Московского Меморандума возрастает в связи с тем, что данный документ создал прецедент для выработки конструктивного подхода к разрешению этнополитических конфликтов на территории СНГ [13]. Тем не менее на опыте молдо-приднестровского конфликта не удалось реализовать данный меморандум.

Следующим важным шагом со стороны России стали консультации в Подмоскowie с участием сторон конфликта, ОБСЕ и стран-гарантов. Был согласован проект промежуточного соглашения о разрешении конфликта, который должен был быть подписан на саммите стран СНГ в Кишиневе в 1997 г. Но в последний момент Приднестровская сторона отказалась от данного проекта и отозвала свои подписи под проектом.

В 1998 г. удалось возобновить переговоры. Стороны обсуждали уменьшение численности миротворческого контингента. Было принято решение сократить его до 500 человек от каждой из сторон конфликта (вместо 2000), а также разместить военных наблюда-

телей Украины. Эти договоренности были закреплены в Одесских соглашениях 20 марта 1998 г.

На саммите ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г. обсуждался вопрос о выводе российского военного контингента (ОГРВ). Россия обещала вывести свои вооруженные формирования к 2002 г., но данное заявление вызвало огромное недовольство у населения Приднестровья: представители общественности собрали митинг у офиса ОБСЕ с требованием свернуть Миссию и покинуть переговорный процесс, оставив военный контингент.

Новая инициатива России по урегулированию появилась в ноябре 2003 г. Она получила известность как «Меморандум Козака» (полное название документа – «Меморандум об основных принципах государственного устройства объединённого государства»). Он предусматривал воссоздание объединённого государства, наличие права «вето» у Приднестровья на принимаемые Парламентом объединённой страны решения и введение русского языка вторым государственным. Но официальный Кишинев отказался от подписания документа (хотя приднестровской стороной он был уже подписан), сославшись на отсутствие согласования с другими участниками переговорного процесса. Намеченный визит российского Президента В. Путина в Кишинёв был отменён, отношения России с Молдавией были надолго заморожены, был введен запрет на импорт в Россию молдавского вина и ряда видов сельхозпродукции, начались переговоры о ценах на поставляемый в Молдавию газ. Вопросы двустороннего сотрудничества формулировались в жёстком тоне. Россия замораживала отношения с Мол-

давий и расширяла сотрудничество с субъектами бизнеса в Приднестровье.

В 2004-2008 гг. Россией предпринимались попытки возобновить переговоры, но они так и увенчались успехом. В результате обострения российско-молдавских отношений обсуждение приднестровского конфликта перешло на региональный уровень. Последовали предложения Украины и Румынии, представленные на саммите ГУАМ в Кишинёве 22 апреля 2005 г., которые сформулированы в «Плане Ющенко» в качестве нового подхода к урегулированию. Но это не соответствовало ожиданиям ни России, ни западноевропейских стран.

В январе 2008 г. последовали консультации между Еврокомиссией, НАТО, ОБСЕ и Россией в Брюсселе. Были достигнуты договорённости, которые включали следующие условия: Россия обеспечит распространение мер доверия на оба берега Днестра, Евросоюз предоставит торговые преференции Приднестровью и продление мандата миротворцев в Приднестровье. Затем последовало снятие санкций России с Молдавии и взаимный товарооборот к концу 2008 г. достиг 1 млрд. долл.

В 2009 г. на трехсторонней встрече президентов России, Молдовы и Приднестровья было выработано и подписано совместное заявление [5], в котором стороны подтвердили свою готовность продолжать искать компромисс и подчеркнули значение формата «5+2», обозначив важность миротворческой операции и необходимость её трансформации после урегулирования конфликта. Эта встреча позволила вновь зафиксировать необходимость и правомерность нахождения россий-

ских миротворцев на территории Приднестровья.

Договор о создании зоны свободной торговли между Молдавией и Россией был подписан в октябре 2011 г. Он предусматривал отмену экспортных и импортных пошлин (кроме группы товаров), открытие российского рынка для винной продукции Молдавии и подтверждение условий для пребывания в России молдавских трудовых мигрантов.

2012 г. стал новым этапом активизации переговорного процесса. Это обусловлено приходом к власти нового президента в Приднестровье. ОБСЕ разработала и внедрила принцип трёх корзин: первая – социально-экономическая, вторая – гуманитарно-правовая, третья – политическая. Предлагалось все вопросы разделить по этим трем блокам и решать их соответствующим образом. Последующие три года этот подход принес свои плоды: демонтирована канатная дорога над рекой Днестр, восстановлен мост в районе села Бычок (Григориопольский район), начались контакты по линии министерств и ведомств. Но уже в 2014 г. они прекратились, что было обусловлено электоральным процессом в Молдове.

На данный момент ситуация вновь оказалась в замороженном состоянии, несмотря на все попытки президента Молдавии приблизить срок решения приднестровской проблемы.

Гуманитарная помощь

С момента провозглашения своей независимости и формирования институтов власти Приднестровье постоянно находится под санкциями и экономической блокадой вла-

стей Молдовы, а с приходом к власти П. Порошенко – и Украины. Каждое обострение политических отношений приводит к ужесточению пропускного режима для людей и грузов на границах Приднестровья, из-за чего население непризнанной республики ущемляется в правах. Половина граждан Приднестровья имеет гражданство России, что, ввиду сложности российско-украинских взаимоотношений, добавляет трудности при пересечении границы.

На протяжении последних 25 лет Российская Федерация постоянно помогает Приднестровью в гуманитарных проектах: это учебники для школ, реконструкция и ремонт учреждений социальной сферы, надбавки к пенсиям, оборудование для медицинских учреждений и пр.

Гагаузия, хоть и не имеет общей границы с приднестровским регионом, но как и Приднестровье, использует русский язык в общении и русскоязычную литературу в школах, которые подчиняются Министерству образования и молодёжи Молдовы.

Посольство России в Молдавии и иные организации постоянно оказывают содействие Гагаузской автономии в поставках литературы на русском языке, реконструкции и ремонте учреждений социальной сферы и приобретении необходимого оборудования. На данный момент гагаузские вина имеют выход на российский рынок, хотя молдавские все ещё находятся под санкциями.

Сотрудничество в области культуры, науки и образования

Основными документами, на которых базируется сотрудничество в об-

ласти культуры, науки, языка и образования, являются:

- Соглашение «О сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации» [9] (1994). Соглашение предусматривало консультации при разработке национальных концепций развития систем аттестации и требований к аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, утверждении научных степеней и учреждении комиссий для их аттестации, о признании документов, подтверждающих научную степень, на территории обоих государств;

- Соглашение «О сотрудничестве в области дошкольного, общего, начального профессионального и педагогического образования» [12] (1996) между Министерствами образования России и Молдовы. Главной целью этого документа являлось признание РМ учреждений образования, в которых преподавание велось на русском языке. В части районов РМ сложилась ситуация, где центральные власти не финансировали учреждения и задерживали, а порой и не выплачивали зарплаты педагогам из-за использования русского языка. Соглашение предусматривало также прием граждан Молдовы на общих основаниях в российские учебные заведения.

Примечательно, что на пике очередного политического обострения в 2003 г. стороны согласовали и подписали «Соглашение между Правительством Республики Молдова и Правительством Российской Федерации о взаимном признании документов об образовании» [10] (хотя предыдущие соглашения и предусматривали данные пункты).

В 2006 г. было подписано «Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством просвещения и молодежи Республики Молдова о сотрудничестве в области образования» [8]. Документ предусматривал создание интегрированной системы в области образования, прямых контактов с центрами образования и обмена в области изучения молдавского и русского языка.

Но, к сожалению, несмотря на все подписанные Соглашения, Молдавия пошла по пути внедрения европейских образовательных стандартов и более интегрирована в систему образования Румынии, которая издавала и поставляла учебники на латинице в 1990-е гг. и продолжает оказывать существенную помощь системе образования Молдавии.

Важной вехой стал Закон о национальных меньшинствах, принятый в 2001 г. Он закреплял несколько значимых гарантий для русскоязычного населения: право быть представленными в структурах исполнительной и судебной власти всех уровней, в армии, в органах охраны общественного порядка. В законе гарантируется право на развитие всех языков и культур, которые есть в многонациональной Молдавии, формулируются основы интеграционного характера для обеспечения гармоничного диалога культур. Но Закон обязывает знанию государственного языка, молдавской культуры и истории. В 2015 г. этот Закон претерпел полное обновление, с которыми ни одна из общин национальных меньшинств не была согласна, поскольку новая редакция закона существенно сокращала их возможности и права, в

том числе и в образовании на родном языке, что противоречит Конституции Республики Молдова.

После распада СССР по российской инициативе на пространстве СНГ формировалась база правовой защиты русскоязычного населения. В документах, принятых в рамках СНГ, закреплялись обязательства государств-членов, которые гарантировали равные права и свободы всему населению на их территории.

На момент формирования нового молдавского государства, русскоязычная диаспора была самой многочисленной и играла важную роль в жизни страны. В настоящее время она не имеет единства и представлена большим количеством организаций (около 30), каждая из которых стремится стать лидером над остальными. Но в Департаменте межэтнических отношений Молдавии зарегистрированы только «Русская община Республики Молдова» и «Конгресс русских общин» [7]. Несколько попыток объединения организаций соотечественников не привели к ожидаемому результату [6].

Некоторые итоги

Сотрудничество России и Молдавии в гуманитарной сфере очень многогранно и прошло разные этапы: от партнёрства по разведению воюющих сторон и признанию дипломов до конфронтационных в вопросах нахождения российских войск в Приднестровье. Миротворческая операция в Молдавии, наличие большого количества русскоговорящего населения и гуманитарные проекты в области образования, культуры и науки делают Россию важным партнёром для Молдавии.

После подписания Молдовой в 2014 г. Соглашения об ассоциации с ЕС в рамках программы «Восточное партнерство» отношения с Россией стали развиваться не столь динамично [3]. В июле 2014 г. Россия ввела эмбарго на импорт в Россию молдавских фруктов, продолжал действовать запрет на импорт молдавского вина. В 2015 г. политический диалог между сторонами поддерживался, однако не столь активно. Этому способствовал политический кризис в Молдове и смена правительств; немаловажную роль сыграло то, что новое правительство Молдовы было ориентировано только на Европу, несмотря на прописанную в документах важность отношений с Россией. До 2017 г. никаких конкретных шагов в направлении налаживания и поддержания сотрудничества

молдавской стороной не предпринималось.

Новым этапом во взаимоотношениях России и Молдавии стал 2017 г. Это в первую очередь связано с прошедшими в ноябре 2016 г. выборами молдавского президента. И хотя Молдавия является парламентским государством, в котором президент не обладает решающим весом, тем не менее двусторонние встречи президентов РФ и РМ и запуск новых программ в социально-экономическом сотрудничестве дают надежду на продуктивное будущее [1], несмотря на провокационное выдворение пяти российских дипломатов по решению Правительства Молдавии. Президент Молдавии И. Додон на эту акцию отреагировал осуждающее, что еще раз отражает разрозненность внутри молдавской политической элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова С. Молдавия: первые шаги нового президента // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1. С. 92–100.
2. Ватаман А. Национальные интересы и социальная идентичность // Обозреватель. 2017. № 2. С. 94–103.
3. Лавренов С.Я., Хабалов А.Т. Реализация программы ЕС «Восточное партнерство» в отношении Молдовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 82–91.
4. Неймарк М.А. Концепты и концептуализация «мягкой силы»: российский опыт критического анализа // Россия и современный мир. М.: «Канон+», 2016. С. 164–188.
5. Общий регламент экспертных (рабочих) групп по мерам укрепления доверия и развитию взаимодействия [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики [сайт]. URL: <http://mfa-pmr.org/ru/Ndp> (дата обращения: 30.06.2017).
6. Огнева В.В., Брысякина Л.А. Сотрудничество России и Молдовы в гуманитарной сфере: поиск новой парадигмы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. № 3 (34). Вып. 2. С. 144–148.
7. Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы [Российский совет по международным делам, доклад № 23]. М.: Спецкнига, 2015. 104 с.
8. Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством просвещения и молодежи Республики Молдова о сотрудничестве в области образования, 2006 год [Электронный ресурс] // Посольство России в Респу-

- блике Молдова: [сайт]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (дата обращения: 30.06.2017).
9. Соглашение между Правительствами России и Республики Молдова «О сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации», 1994 год [Электронный ресурс] // Посольство России в Республике Молдова: [сайт]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (дата обращения: 30.06.2017).
 10. Соглашение между Правительством Республики Молдова и Правительством Российской Федерации «О взаимном признании документов об образовании», 2003 год [Электронный ресурс] // Посольство России в Республике Молдова [сайт]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (дата обращения: 30.06.2017).
 11. Соглашение о принципах мирного урегулирования вооружённого конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики [сайт]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=228> (дата обращения: 30.06.2017).
 12. Соглашение «О сотрудничестве в области дошкольного, общего, начального профессионального и педагогического образования» между Министерствами образования России и Молдовы, 1996 год [Электронный ресурс] // Посольство России в Республике Молдова: [сайт]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (дата обращения: 30.06.2017).
 13. Цуканова О.В. Роль России в процессе урегулирования молдо-приднестровского конфликта // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 294–297.
 14. Язькова А. Европейское пограничье: Республика Молдова между Европой и Россией // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 34–46.

REFERENCES

1. Astakhova S. Moldaviya: pervye shagi novogo prezidenta [Moldova: first steps of the new president] // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2017. no. 1. pp. 92–100.
2. Vataman A. Natsional'nye interesy i sotsial'naya identichnost' [National interests and social identity] // Obozrevatel'. 2017. no. 2. pp. 94–103.
3. Lavrenov S.YA., Khabalov A.T. Realizatsiya programmy ES «Vostochnoe partnerstvo» v otnoshenii Moldovy [The implementation of the EU programme "Eastern partnership" in relation to Moldova]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2017, no. 1, pp. 82–91.
4. Neimark M.A. Kontsepty i kontseptualizatsiya «myagkoi sily»: rossiiskii opyt kriticheskogo analiza [Concepts and conceptualization of "soft power": the Russian experience of critical analysis]. *Rossiia i sovremenniy mir* [Russia and the modern world]. M., «Kanon+», 2016, pp. 164–188.
5. Obshchii reglament ekspertnykh (rabochikh) grupp po meram ukrepleniya doveriya i razvitiyu vzaimodeistviya [Elektronnyi resurs] [General regulations for expert (working) groups on confidence-building measures and the development of cooperation [Electronic source]] Ministerstvo inostrannykh del Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki [sait]. [The Ministry of Foreign Affairs of the Pridnestrovian Moldavian Republic [website]]. URL: <http://mfa-pmr.org/ru/Ndp> (request date 30.06.2017).
6. Ogneva V.V., Brysyakina L.A. Sotrudnichestvo Rossii i Moldovy v gumanitarnoi sfere: poisk novoi paradigmy [Cooperation between Russia and Moldova in the humanitarian sphere: the search for a new paradigm]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika*, 2007, no. 3 (34), Vyp. 2, pp. 144–148.
7. Razvitie sotrudnichestva s russkoyazychnoi nauchnoi diasporoi: opyt, problemy, perspektivy

- tivy [Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, doklad № 23] [Development of cooperation with the Russian scientific diaspora: experience, problems, prospects [Russian Council of International Affairs, report no. 23]]. M., Spetskkniga, 2015. 104 p.
8. Soglasenie mezhdu Ministerstvom obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii i Ministerstvom prosveshcheniya i molodezhi Respubliki Moldova o sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya, 2006 god [Elektronnyi resurs] [The agreement between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Education and Youth of the Republic of Moldova on cooperation in the field of education, 2006 [Electronic source]] Posol'stvo Rossii v Respublike Moldova: [sait]. [The Russian Embassy in the Republic of Moldova: [website].]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (request date 30.06.2017).
 9. Soglasenie mezhdu Pravitel'stvami Rossii i Respubliki Moldova «O sotrudnichestve v oblasti attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshei kvalifikatsii», 1994 god [Elektronnyi resurs] [The agreement between the Governments of Russia and the Republic of Moldova "On cooperation in the field of certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of higher qualification", 1994 [Electronic source]] Posol'stvo Rossii v Respublike Moldova: [sait]. [The Russian Embassy in the Republic of Moldova: [website].]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (request date 30.06.2017).
 10. Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Moldova i Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii «O vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii», 2003 god [Elektronnyi resurs] [Agreement between the government of the Republic of Moldova and the government of the Russian Federation "On mutual recognition of documents on education", 2003 [Electronic source]] Posol'stvo Rossii v Respublike Moldova [sait]. [The Russian Embassy in the Republic of Moldova [website].]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (request date 30.06.2017).
 11. Soglasenie o printsipakh mirnogo uregulirovaniya vooruzhennogo konflikta v Pridnestrovskom regione Respubliki Moldova [Elektronnyi resurs] [The agreement on principles of peaceful settlement of the armed conflict in the Transnistrian region of the Republic of Moldova [Electronic source]] Ministerstvo inostrannykh del Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki [sait]. [The Ministry of Foreign Affairs of the Pridnestrovian Moldavian Republic [website].]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=228> (request date 30.06.2017).
 12. Soglasenie «O sotrudnichestve v oblasti doskol'nogo, obshchego, nachal'nogo professional'nogo i pedagogicheskogo obrazovaniya» mezhdu Ministerstvami obrazovaniya Rossii i Moldovy, 1996 god [Elektronnyi resurs] [Agreement "On cooperation in the field of preschool, general, primary professional and pedagogical education" between the education Ministries of Russia and Moldova, 1996 [Electronic source]] Posol'stvo Rossii v Respublike Moldova: [sait]. [The Russian Embassy in the Republic of Moldova: [website].]. URL: <http://moldova.mid.ru/dvustoronnie-soglasenia> (request date 30.06.2017).
 13. Tsukanova O.V. Rol' Rossii v protsesse uregulirovaniya moldo-pridnestrovskogo konflikta [The role of Russia in the settlement process of the Moldova-Transdnistria conflict]. *Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2010, no. 4, pp. 294–297.
 14. Yaz'kova A. Evropeiskoe pogranich'e: Respublika Moldova mezhdu Evropoi i Rossiei [European borderlands: the Republic of Moldova between Europe and Russia]. *Sovremennaya Evropa*, 2016, no. 4 (70), pp. 34–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ушурелу Ольга Владимировна – аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;
e-mail: olga-ushurelu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Ushurelu – postgraduate student of the Department of Political Science and Philosophy in the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry;
e-mail: olga-ushurelu@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ушурелу О.В. Особенности современных российско-молдавских взаимоотношений в гуманитарной сфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 132–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-132-142

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

O. Ushurelu. Features of contemporary Russian-Moldovian relations in the humanitarian field. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 132–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-132-142

УДК: 322.348.71

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-143-154

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ИСЛАМСКИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ

Мирзаханов Д.Г.

Дагестанский государственный технический университет

367015, г. Махачкала, пр. И.Шамиля, 70, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется исламская социально-политическая подсистема как потенциально плодотворная аналитическая единица, функционирующая в рамках национально-государственных мегасистем. Исследование показывает данную проблему через призму структурного подхода к пониманию как российской социально-политической системы, так и входящих в неё подсистем. Автор доказывает, что «ядро» исламского сообщества образуется в двух случаях: 1. когда путём интенсификации социально-политических коммуникаций происходит умножение политических вопросов; 2. когда в региональном мусульманском сообществе есть достаточное количество религиозно-политических интеллектуалов, способных формулировать эти вопросы на языке политики. В работе делается вывод о том, что наиболее перспективной для современной российской политики могла бы быть стратегия опережающего формулирования политической повестки дня перед отечественными мусульманами.

Ключевые слова: исламская социально-политическая подсистема, региональное мусульманское сообщество, структурный подход к пониманию внутрисистемных конфликтов, религиозно-политические коммуникации.

UNDERSTANDING THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF ISLAMIC SOCIAL AND POLITICAL SUB-SYSTEMS

D. Mirzakhonov

Dagestan State Technical University

70, I. Shamilya prospect, Makhachkala, 367015, Russian Federation

Abstract. The paper studies the Islamic social and political sub-system as a potentially fruitful analytical unit which is functioning within the framework of national mega-system. The study shows this problem through the prism of structural approach to understanding both the Russian political system and the sub-systems it includes. The author proves that the "core" of the Islamic community forms in two cases: firstly, when the political issues multiply through the intensification of social and political communications; secondly, when at Muslim regional community there are enough religious and political intellectuals able to articulate these issues in the language of politics. The conclusion is drawn that for modern Russian policy the strategy of advance formulation of political agenda for the Russian Muslim community could be the most perspective.

Key words: Islamic social and political sub-system, regional Islamic community, structural approach to understanding the intrasystem contentions, religious and political communications.

Цель данной работы – выявление общих свойств системности мусульманских сообществ в современном политическом процессе. Для достижения этой цели предлагается решение такой научно-теоретической задачи, как разработка понятия “исламская социально-политическая подсистема” и определение её типологических признаков в рамках национальных и международных мегасистем.

Современный политический процесс богат системными конфликтами. Они возникают при взаимодействии больших социально-политических систем, а также на уровне подсистем, их составляющих. Одно из проявлений такой конфликтности, это конфликты исламских и неисламских социально-политических подсистем (иудео-христианских, чаще всего, по историческому культурному коду) в системах современных национальных государств. В современной Европе, переживающей миграционный кризис, конфликты эти выражены достаточно отчетливо, несмотря на попытки государственных и общественных институтов не придавать им принципиального значения (как это, в частности, продемонстрировала проевропейская предвыборная риторика Э. Макрона на выборах Президента Французской Республики в апреле 2017 г. и риторика других левых и центристских кандидатов, солидаризировавшихся с ним). Это, вместе с тем, и конфликты внутри самих исламских социальных подсистем, понижающие их конкурентоспособность в мировом политическом процессе в сравнении с неисламскими

социально-политическими системами и подсистемами.

В России эта конфликтность на федеральном и региональном уровнях выражена значительно слабее, чем во многих других регионах современного мира. Обусловлено это тем, что в России государственные институты опираются на длительный исторический опыт (имперский и советский) согласования интересов развития исламских и неисламских социальных подсистем. В результате, в целом удается удерживать правовую, экономическую, культурную и политическую конфликтность разных социальных подсистем на уровне, прямо не угрожающем основам национально-государственной и общественной безопасности. Это относится ко всем подсистемам, основывающим своё участие в российском политическом процессе на этике и доктринах традиционных мировых религий [15].

Сложнее государственным институтам приходится тогда, когда речь идет об урегулировании различных конфликтов в самой исламской социальной подсистеме в процессе образования в ней центр-периферийных политических и культурных отношений. Об этом свидетельствуют процессы, происходящие сегодня в этноконфессиональной сфере во многих ключевых российских регионах. Для того, чтобы государству реализовывать свой административный, правовой и политический потенциал в урегулировании конфликтов внутри исламских социально-политических подсистем, важно отслеживать тенденции

к формированию зон конфликтных отношений в процессах определения исламскими сообществами различных регионов России своих «центральных» и «периферийных» статусов. Однако этому мешает доминирующий сегодня в политике и политической науке взгляд на природу многоуровневой конфликтности политических процессов в исламских сообществах нашей страны и в целом в мире ислама.

Источник проблем политики и политологи чаще всего ищут в двух сферах: в приверженности различных региональных исламских сообществ разным традициям и разным интерпретациям базовых положений исламского вероучения [1; 5, с. 70–95; 23], а также в самих по себе структурных особенностях как всей российской социально-политической системы, так и подсистем, в нее входящих [2; 8; 20]. Мы не ставим под сомнение тот факт, что доктринальные разногласия были, есть и, к сожалению, видимо, ещё долго будут источником внутривнутриполитических и внешнеполитических конфликтов. Этот политический фактор нельзя сбрасывать со счетов, когда осуществляется исследование динамики и направленности современных политических процессов любого уровня. Вместе с тем второй ракурс осмысления сути проблемы, включающий в себя структурные особенности, представляется нам более продуктивным.

Нельзя игнорировать и тот факт, что большинство мусульман, проживающих в российских регионах, с пониманием относятся к исламскому традиционному образу жизни (с поправками на региональные культурные традиции). Они не являются, в большинстве своем, знатоками ис-

ламской религиозной доктрины. По крайней мере, настолько, чтобы самостоятельно критически осуществлять свой выбор в пользу той или иной ее богословской интерпретации. Это побуждает массовое сознание мусульманских сообществ внимательнее и бережнее относиться к общественной традиции как фактору воспроизводства своей идентичности, в том числе и конфессиональной.

Правила повседневной жизни мусульманина в российских регионах и разных частях современного мира складывались веками. Они находятся в очевидной взаимозависимости со структурой социально-политической системы, поскольку определяют многое в порядке связей между её элементами и сами являются продуктом постоянного воспроизводства взаимоотношений между ними. Последнее соображение представляется нам принципиально важным для обоснования преимуществ структурного подхода по сравнению с «религиоведческим». Структурный анализ позволяет избежать сакрализации природы внутрисистемных и межсистемных конфликтов и дать ей рациональную интерпретацию. Вместе с тем нужно иметь в виду, что политологический анализ структурных особенностей общегосударственных и региональных социально-политических систем и подсистем не будет полноценным, если ограничивать его только изучением различий в тех комбинациях общественных и государственных институтов, которые участвуют в политическом процессе. Даже в том случае, если исследователь все такие комбинации выявит, систематизирует и найдет в них те принципиальные

различия, вследствие которых данные системы не могут органично сосуществовать в одном пространстве и времени [24]. Недостаточность такого подхода обусловлена тем, что выявленные различия, на наш взгляд, будут не источником внутренних и внешних конфликтов в системах и подсистемах, а лишь условием устойчивого развития таких конфликтов в случае их возникновения.

Социально-политические системы в современном мире (независимо от степени их модернизации), представляют собой общества, сложно структурированные по горизонтали. Они включают в себя различные социально-политические подсистемы. В одних государствах таких подсистем больше, и они по этой причине выглядят более сложно структурированными. В других – меньше, и они выглядят на фоне первых значительно проще организованными. На наш взгляд, гораздо важнее, что системы и соответственно подсистемы обладают разной «политической массой и энергией», разной ресурсной возможностью реагирования на внутренние и внешние вызовы, а потому их динамические характеристики специфичны. Одни развиваются быстрее, другие – медленнее, одни прогрессируют, другие стагнируют, или даже деградируют (в том числе за счёт уменьшения числа подсистем). Именно связи между институциональными элементами системы, структура и качество этих связей определяют масштаб и направленность конфликта больше, чем сам по себе набор или порядок соединения элементов в системе или подсистеме.

Одним из аргументов в пользу такого заключения может служить история

существования исламских сообществ в составе Российского государства. В России многие столетия исламские социальные подсистемы взаимодействовали друг с другом и с неисламскими подсистемами в границах одной социально политической системы, сначала национально-государственной, потом – имперской, сегодня – вновь национально-государственной. Это привело к тому, что структурно, как на уровне проблем взаимоотношений с властью, так и между собой, большинство российских региональных социальных подсистем приобрели определенное сходство. В советскую эпоху особенно стало заметно, что в различных регионах страны (на Северном Кавказе, Татарстане, Крыму, на Нижней Волге, на Урале и в Сибири) жизнь различных этноконфессиональных подсистем выстроена по институциональному и правовому стандарту, именуемому «советским образом жизни». На этом основании, как представляется, теоретике советского времени приходили к вполне справедливому заключению о существовании «советского народа» как надрегиональной, надэтнической и надконфессиональной реальности. Подобное структурное выравнивание продолжается и в постсоветской России в рамках либеральной модернизации [21].

На наш взгляд, для понимания причин конфликтности в данной сфере важно учитывать, что структурное выравнивание социальных подсистем не обязательно влечёт за собой выравнивание качества связей, посредством которых сами подсистемы структурируются и взаимодействуют с другими подсистемами и государством. Качество этих связей не обязательно

меняется в зависимости от перемен в структуре социально-политических систем и подсистем. С этим, как представляется, связана ситуация, когда в Конституции РФ «правовое государство» и «гражданское общество» обозначают уже существующее современное состояние социально-политической системы в нашей стране, а отечественные специалисты-политологи в то же самое время не устают говорить о создании в России правового государства и гражданского общества, как первоочередной задаче, ещё только подлежащей решению [6; 7; 12; 22].

Возможно, по той же причине и в мировом политическом процессе присутствует определенный парадокс. Суть его состоит в наличии противоречия между институциональным оформлением общественных отношений и их качественным содержанием. В результате этого парадокса можно наблюдать, как, с одной стороны, современный мир становится всё более единообразным по политической форме (это служит основой представлений о «глобализации», как доминирующем цивилизационном тренде), с другой – всё более конфликтным и рискогенным по политическому содержанию [9; 4; 18].

В постсоветской России институционально демократическая социально-политическая система и ее социальные подсистемы сложились, структурировались в некую типовую «западную» модель, закреплённую на конституционном уровне. Однако качество связей внутри этой структуры продолжает различаться в зависимости от этноконфессиональных и региональных традиций. Это различие, на наш взгляд, является фактором то

нарастающей, то снижающейся конфликтности участия в российском политическом процессе исламских и неисламских социальных подсистем и фактором внутренней конфликтности развития самих исламских подсистем.

Объяснение этой сложной и многоуровневой конфликтности с позиции научных представлений о степени «пассионарности», на наш взгляд, приемлемо в научном смысле [11; 17]. В подтверждение тезиса о «всплеске пассионарности» можно сослаться на тот факт, что пробуждение происходит во всем исламском мире, а не только в нашей стране и отдельных ее регионах с преобладанием мусульманского населения. Но само по себе такое объяснение представляется недостаточным, раз речь идёт о системном анализе участия исламских сообществ в политическом процессе. Научные рассуждения о «пассионарности» современного мира ислама требуется, на наш взгляд, дополнить поиском ответа на принципиальный вопрос о том, что ее генерирует?

Современные исламские сообщества, особенно в России, не проявляют выраженного стремления (за исключением относительно небольших групп исламских радикалов) изменить порядок институционального структурирования той политической среды, в которой они пребывают [19]. В то же время постоянно заявляет о себе стремление исламских сообществ к тому, чтобы иным, более соответствующим этике ислама и региональным традициям, было качество и структура связей между институтами в социальных подсистемах и всей российской социально-политической системой [10].

Это значит, что источник политической конфликтности находится не в сфере характера действующих институтов, а в сфере качества связей между ними в современной России. Конструирование таких связей массовым сознанием современных обществ условно можно представить в виде процесса формулирования вопросов к миру политики и поиска ответов на такие вопросы. Здесь наблюдается действительно принципиальное различие. Можно сказать, что *исламские и неисламские сообщества в современном мире, и в России в частности, используют разные стратегии построения связей между теми институтами, которые позволяют им системно участвовать в политических процессах.*

Для характеристики этого различия стратегий целесообразно, на наш взгляд, использовать теоретическую модель, которая даёт возможность системно раскрыть ряд принципиальных противоречий в понимании обозначенных связей. С одной стороны, она базируется на том, что исламские и неисламские социальные системы и подсистемы обладают сопоставимыми ресурсами культуры и политического опыта и имеют некоторое сходство в представлениях о своем будущем (его обозначает понятие «глобализация»). С другой стороны, данная модель позволяет сконцентрировать внимание на объяснении причин постоянной конфликтности, возникающей в мировой и региональной политике, а также экономике и культуре, создающей периодические «аварийные ситуации» (типа нынешнего миграционного кризиса в Европе) большего или меньшего масштаба. Кроме того, она нацеливает на то, чтобы объяснить, почему даже

в условиях относительно стабильного политического процесса представители исламских и неисламских социально-политических систем и подсистем устойчиво демонстрируют принципиальную неготовность к поиску и созданию компромиссных стратегий и тактик политического участия (фактически подчиняясь правилу: «Каждый сам за себя!»).

В рамках этой модели стратегия участия социальных подсистем и отдельных индивидов подразумевает, что связующим началом и определяющим условием их включённости в политические процессы являются не столько «вопросы», обращаемые к сфере политики, а также к себе, как субъекту политических процессов, сколько «ответы». В их качестве используются те готовые решения простых и сложных вопросов политической истории, теории и практики, которые зафиксированы в массовом сознании в виде политических «истин», порой – «общечеловеческих истин». Благодаря подкреплению этих «ответов» авторитетом светской науки, массовое сознание, чаще всего, не ставит эти «истины» под сомнение. По крайней мере, до тех пор, пока они позволяют обществу выдерживать некоторый вектор своего движения в современном политическом процессе.

Условно его можно обозначить как «западное» понимание качества стратегии развития и взаимодействия социально-политических систем и подсистем. Например, на вопросы о том, что есть государство, политика, право, политический конфликт, политические элиты, современные «западные» политика и политическая теория предлагают огромный ряд готовых «классических» и «модернистских», а сегодня

– даже «постмодернистских» ответов. В том числе, есть идеологически и научно заготовленные ответы на любые вопросы о справедливости, законности, ответственности, богатстве, свободе, труде и т.д. Не считается сегодня в «западном мире» разумной стратегией развития для политики и науки оспаривать эти ответы, ставить вопросы о политике как-то иначе, нежели с позиции «общечеловеческих» = либеральных идей и ценностей и с позиции светскости [3, с. 131–172]. Отсутствие видимой потребности ставить перед политикой новые вопросы придает вид фундаментальности и «истинности» этой теории и практике [16].

Иное качество стратегии конструирования массовым сознанием связей между институтами в социально-политической системе присуще современным исламским сообществам. Стратегия эта основана на смещении баланса вопросов и ответов в сторону вопросов к политике. Не то, чтобы исламский мир сегодня, по следам многовекового политического развития, не имел своих ответов на ключевые вопросы внутренней и внешней политики. Ответы на многие вопросы есть, и сегодня на этой основе мир ислама пытается конкурировать с неисламскими социально-политическими системами за место в будущем глобальном мироустройстве, если таковое состоится. Другое дело, что найденные ответы специфичны. Их количество и качество заведомо ограничены тем, что их форма и содержание находятся в плотной связи с религиозной доктриной и этикой ислама. Ответы уже содержатся там и другими быть не могут. Другими могут быть вопросы, адресованные мусульманином политике. Самостоя-

тельным может быть поиск ответов на эти вопросы.

Это придает особую значимость индивидуальной способности мусульманина ставить перед собой вопросы и самостоятельно искать ответы на них в Коране. Эта способность характеризует его политическую свободу [13; 14]. Мусульманин политически свободен – без зависимости от того, как институционально сконструирована та социально-политическая система, к которой он принадлежит, а в зависимости от своей просвещенности, опытности в личных и общественных делах и, соответственно, способности и возможности ставить перед собой политические вопросы.

Это важная, на наш взгляд, черта системности политического участия исламских сообществ, игнорирование которой более всего сегодня мешает взаимодействию государства в России, неисламских общественных подсистем с исламскими сообществами. Попытки построить такое взаимодействие на основе продвижения в политическую, культурную, правовую и экономическую жизнь российских мусульман неких «готовых решений на все случаи жизни» как раз ведут к возникновению конфликтных ситуаций и ответной «пассионарной» реакции на них со стороны исламских сообществ. Особенно, когда эти готовые решения, взятые отечественными политиками и политологами из «западной» стратегии организации внутрисистемных связей, радикально расходятся с теми ожидаемыми ответами, которые мусульманин ищет в Коране.

Для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию и разделить в исламских сообществах поиск ответов на

политические вопросы на два русла – поиск в пределах вероучения и поиск вне непосредственной связи с вероучением, нужен тот конфликт религиозной и светской науки, из которого выросла западная стратегия формирования связей между институтами социально-политических систем и подсистем.

В исламских системах слабы светские институты, способные генерировать готовые ответы о политике таким образом, чтобы для мусульманина они обладали значимостью, сопоставимой со значимостью религиозных текстов. Поэтому поисковая активность гражданина прямо ориентирована в направлении священных текстов. Мера его свободы – возможность самому задать вопросы и самостоятельно найти на них ответы. При таком варианте существенно более низкой становится для мусульманина значимость государства, официальных институтов и науки в качестве источника готовых ответов о политике. Обращение же к священным текстам, написанным века назад, дает большой разброс и в постановке вопросов и в формулировках ответов.

Современный мусульманин сегодня находится в положении, в чём-то сходном, на наш взгляд, с положением европейского протестанта XVI–XVII вв. Последнего, в эпоху становления национальных государств и выработки национальных идей, также не устраивал тот набор готовых космополитических ответов на все политические вопросы, которые предлагала Католическая Церковь. Он стремился поставить перед Библией больше политических вопросов, чем она потенциально могла дать. А потому он, в поиске ответов, внимательно прислушивался к самым оригинальным трактовкам Би-

блии радикальными проповедниками. Недостаточность ответов побуждала европейцев от интерпретаций Библии переходить к производству ответов средствами светской науки, светской идеологии, светских СМИ.

Подведём некоторые итоги. В работе, с нашей точки зрения, удалось достичь заявленной цели – выявить общие свойства системности мусульманских сообществ в современном политическом процессе. На пути к достижению этой цели был разработан концепт “исламская социально-политическая подсистема” и определены её типологические признаки. В частности, доказано, что исламская подсистема, претендующая на роль “ядра” российского мусульманского сообщества, образуется там, где в пространстве социально-политических коммуникаций за счёт интенсификации этих коммуникаций происходит умножение политических вопросов. Это одна из важнейших предпосылок образования регионального «центра ислама», связанная с условиями политического процесса. Другой предпосылкой выступает наличие в региональном исламском сообществе достаточного количества политически и религиозно подготовленных интеллектуалов, способных таким образом формулировать вопросы к политике, чтобы исключить конфликт полученных ответов с ценными для массы рядовых мусульман традициями семейной, общественной и религиозной жизни. Периферию же формируют сообщества мусульман, также живущие в режиме активной постановки политических вопросов, но не имеющие в своих рядах достаточного числа авторитетных интеллектуалов такого уровня, который нужен

для удержания поиска ответов на них строго в границах региональной и религиозной исламской традиции.

Таким образом, всё это говорит о том, что исламскую социально-политическую подсистему можно рассматривать не только как особую социально-политическую подсистему общества, функционирующую в рамках национально-государственных ме-гасистем, но и как потенциально плодотворную аналитическую единицу, направленную на поиск нового знания.

В рамках данной перспективы, возможно, более многообещающей в условиях современного российско-го политического процесса была бы

стратегия, нацеленная «на опережение» государственных институтов в формулировании и постановке политических вопросов перед российскими мусульманами, в продвижении в сферу публичной политики авторитетных светских научных интерпретаций ключевых для российской и мировой политики проблем. Возможно, в свете такой активности с большим вниманием и доверием воспринимались бы мусульманами и готовые политические ответы на вопросы о том, куда и как идет отечественный политический процесс, которые им предлагает российская государственная власть в качестве основания для сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев В. Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С.127–134.
2. Баконина М.С. Ислам в России: болевые точки, явные и тайные // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы (международная научная конференция, 26–28 сент. 2013 г.). СПб.: СПбГУ, 2013. С. 32–38.
3. Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. 368 с.
4. Карпович О.Г. Место и роль России в современном мире: вызовы и риски // Международное публичное и частное право. 2016. № 1. С. 11–15.
5. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос, 2007. 129 с.
6. Кручинин В.Н. Гражданское общество в современной России, проблемы формирования и функционирования // Вопросы управления. 2013. № 4. С. 7–15.
7. Кузнецов В.Ф. Партийные коммуникации как связующее звено между гражданским обществом и государством // Коммуникология. 2014. Т. 5. №3. С. 15–24.
8. Малашенко А.В. Государство и ислам в России // Исламоведение. 2014. № 1. С. 81–85.
9. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира и цветные революции // Современные евразийские исследования. 2014. Т. 2. С. 54–63.
10. Мишучков А.А. Коранический смысл традиционных ценностей ислама и их защита в системе национальной безопасности Российской Федерации // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия» (г. Уфа, 9–10 ноября 2016 г.). Уфа: Мир печати, 2016. С. 328–334.
11. Мурзаев Р.А. Социальный протест в исламском поле Дагестана // Власть. 2014. № 4. С. 135–138.
12. Нарыкова С.П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 6. С. 92–96.

13. Овечкин Л.Ю. Совместимы ли Ислам и свобода? // Сумма философии. Вып. 7. Екатеринбург: УрФУ, 2007. С. 185–188.
14. Поланц К. Поиски истинной свободы [14.03.2014] / [Israelreport.ru](http://israelreport.ru): новости из Израиля и Ближнего Востока [сайт]. URL: <http://israelreport.ru/context/8139/poiski-istinnoi-svobody> (дата обращения: 12.07.2017).
15. Причины раздоров в еврейском мире (дискуссия участников культурно-просветительского общества Российско-еврейской интеллигенции «Ковчег»: сост. А. Рапорт) // Лехаим. 2005. № 11 (163).
16. Ракитянский Н.М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии // Информационные войны. 2010. № 4. С. 12–25.
17. Сальников Е.В. Экстремизм и пассионарность // Философия права. 2012. № 3 (52). С. 85–89.
18. Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Риски этнической идентичности в современном мире // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 37. С. 58–63.
19. Социальная доктрина российских мусульман // Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края [сайт]. URL: <http://dumraikk.ru/socialnaya-doktrina-rossijskix-musulman> (дата обращения: 12.07.2017).
20. Сызранов А.В. Государство и ислам в постсоветской России в 1991–2008 гг. (на материалах Поволжья). Астрахань: АГУ, 2016. 260 с.
21. Федотов Л.Н. Модернизация регионов: основные подходы // Политика и общество. 2012. № 11 (95). С. 62–68.
22. Шиняева О.В. Основные субъекты гражданского общества в России и проблемы их взаимодействия // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. Ульяновск: УлГТУ, 2012. С. 3–11.
23. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М.: ИНФРА-М, 2000. 320 с.
24. Ярлыкапов А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе [02.02.2014] // Электронный минбар [сайт]. URL: <http://e-minbar.com/researches/islam-i-konflikt-na-sovremennom-severnom-kavkaze> (дата обращения: 12.07.2017).

REFERENCES

1. Akaev V. Konflikty mezhdru traditsionnym i netraditsionnym napravleniyami v islame: prichiny, dinamika i puti preodoleniya (na materialakh Severnogo Kavkaza) [Conflicts between traditional and non-traditional branches of Islam: causes, dynamics and cures (on materials of the North Caucasus)]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, 2008, no. 2(56), pp. 127–134.
2. Bakonina M.S. Islam v Rossii: bolevye tochki, yavnye i tainye [Islam in Russia: the pain points, overt and covert] Islam v Rossii: kul'turnye traditsii i sovremennye vyzovy (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, 26-28 sent. 2013 g.) [Islam in Russia: cultural traditions and contemporary challenges (International Scientific Conference, 26-28 Sept. 2013)]. SPb., SPbGU, 2013, pp. 32–38.
3. Grei Dzh. Pominki po prosveshcheniyu: politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Grey Dzh. The commemoration of the enlightenment: politics and culture in the twilight of modernity]. M., Praxis, 2003. 368 p.
4. Karpovich O.G. Mesto i rol' Rossii v sovremennom mire: vyzovy i riski [The place and role

- of Russia in the modern world: challenges and risks]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2016, no. 1, pp. 11–15.
5. Kisriev E.F. Islam v Dagestane [Islam in Dagestan]. M., Logos, 2007. 129 p.
 6. Kruchinin V.N. Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii, problemy formirovaniya i funktsionirovaniya [Civil society in modern Russia, problems of formation and functioning]. *Voprosy upravleniya*, 2013, no. 4, pp. 7–15.
 7. Kuznetsov V.F. Partiinye kommunikatsii kak svyazuyushchee zveno mezhdru grazhdanskim obshchestvom i gosudarstvom [Party communications as a bridge between civil society and government]. *Kommunikologiya* [Communicology], 2014, vol. 5, no. 3, pp. 15–24.
 8. Malashenko A.V. Gosudarstvo i islam v Rossii [State and Islam in Russia]. *Islamovedenie*, 2014, no. 1, pp. 81–85.
 9. Manoilo A.V. Geopoliticheskaya kartina sovremennogo mira i tsvetnye revolyutsii [The geopolitical picture of the modern world and the color revolutions]. *Sovremennye evraziiskie issledovaniya* [Modern Eurasian studies], 2014, no. 2, pp. 54–63.
 10. Mishuchkov A.A. Koranicheskii smysl traditsionnykh tsennostei islama i ikh zashchita v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Quranic sense of the traditional values of Islam and their protection in the system of national security of the Russian Federation] Idealy i tsennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu medrese «Galiya» (g. Ufa, 9–10 noyabrya 2016 g.) [The ideals and values of Islam in educational space of the XXI century: proceedings of International scientific-practical conference dedicated to the 110th anniversary of madrasah "Galiya" (Moscow, 9–10 November 2016)]. Ufa, Mir pechati, 2016, pp. 328–334.
 11. Murzaev R.A. Sotsial'nyi protest v islamskom pole Dagestana [Social protest in the Islamic field of Dagestan]. *Vlast'*, 2014, no. 4, pp. 135–138.
 12. Narykova S.P. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: mify i problemy (k voprosu o grazhdanskom obshchestve) [Legal state and civil society: myths and problems (the question of civil society)]. *Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov*, 2014, no. 6, pp. 92–96.
 13. Ovechkin L.Yu. Sovmestimy li Islam i svoboda? [Are Islam and freedom compatible?] Summa filosofii. [The sum of philosophy]. Issue 7. Ekaterinburg, UrFU, 2007, pp. 185–188.
 14. Polants K. Poiski istinnoi svobody [14.03.2014] / Israelreport.ru: novosti iz Izrailiya i Blizhnego Vostoka [sait]. [The search of true liberty [14.03.2014] / Israelreport.ru news from Israel and the Middle East [website].]. URL: <http://israelreport.ru/context/8139/poiski-istinnoi-svobody> (request date 12.07.2017).
 15. Prichiny razdorov v evreiskom mire (diskussiya uchastnikov kul'turno-prosvetitel'skogo obshchestva Rossiisko-evreiskoi intelligentsii «Kovcheg»: sost. A. Rapoport) [Causes of strife in the Jewish world (discussion of participants in cultural and educational society of Russian-Jewish intelligentsia "Ark": comp. A. Rapoport)]. *Lekhaim*, 2005, no. 11(163).
 16. Rakityanskii N.M. Dogmaticheskie osnovaniya anglo-amerikanskoi mental'noi ekspansii [Dogmatic Foundation of the Anglo-American mental expansion]. *Informatsionnye voyny*, 2010, no. 4, pp. 12–25.
 17. Sal'nikov E.V. Ekstremizm i passionarnost' [Extremism and passion]. *Filosofiya prava*, 2012, no. 3(52), pp. 85–89.
 18. Samsonkina E.A., Mukha V.N. Riski etnicheskoi identichnosti v sovremennom mire [The risks of ethnic identity in the modern world]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*, 2014, no. 37, pp. 58–63.
 19. Sotsial'naya doktrina rossiiskikh musul'man [The social doctrine of the Russian Muslims] Tsentralizovannaya religioznaya organizatsiya Dukhovnoe upravlenie musul'man Respub-

- liki Adygeya i Krasnodarskogo kraja [sait]. [The centralized religious organization of Spiritual administration of Muslims of the Republic of Adygea and Krasnodar region [website].]. URL: <http://dumraikk.ru/socialnaya-doktrina-rossijskix-musulman> (request date 12.07.2017).
20. Syzranov A.V. Gosudarstvo i islam v postsovetsoi Rossii v 1991–2008 gg. (na materialakh Povolzh'ya) [The state and Islam in the post-Soviet Russia in 1991–2008 (on materials of the Volga region)]. Astrakhan, AGU, 2016. 260 p.
21. Fedotov L.N. Modernizatsiya regionov: osnovnye podkhody [Modernization of regions: basic approaches]. *Politika i obshchestvo*, 2012, no. 11(95), pp. 62–68.
22. Shinyayeva O.V. Osnovnye sub"ekty grazhdanskogo obshchestva v Rossii i problemy ikh vzaimodeistviya [The main civil society actors in Russia and the problems of their interaction] *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoyanie, tendentsii, perspektivy* [Civil society in Russia: condition, trends, prospects]. Ulyanovsk, ULGTU, 2012, pp. 3–11.
23. Endrein Ch.F. Sravnitel'nyi analiz politicheskikh sistem. Effektivnost' osushchestvleniya politicheskogo kursa i sotsial'nye preobrazovaniya [Comparative analysis of political systems. The effectiveness of the implementation of the political course and social transformation]. M., INFRA-M, 2000. 320 p.
24. Yarlykapov A. Islam i konflikt na sovremennom Severnom Kavkaze [02.02.2014] [Islam and the conflict in the North Caucasus [02.02.2014]] *Elektronnyi minbar* [sait]. [E-Minbar [website].]. URL: <http://e-minbar.com/researches/islam-i-konflikt-na-sovremennom-severnom-kavkaze> (request date 12.07.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирзаханов Джабраил Гасанович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета;
e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Djabrail G. Mirzakhanov – Candidate in Philosophy, associate professor, associate professor of the Department of Dagestan State Technical University;
e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мирзаханов Д.Г. К вопросу о функциональной специфике исламских социально-политических подсистем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 143–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-143-154

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

D. Mirzakhanov. Understanding the functional characteristics of islamic social and political sub-systems. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 4, pp. 143–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-143-154

УДК: 340(05)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-155-160

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПОТОКОВОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Аминов И.Р.*Башкирский государственный университет**450005, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, Российская Федерация*

Аннотация. Комплексный кластерный анализ потокового пространства региона имеет своей целью выявление акторов политических процессов с наивысшим коммуникационным капиталом, а также наиболее существенные элементы потокового пространства. В статье уточняются дефиниции понятия акторов политического пространства, формально не связанных с институтами власти и управления, понятие потокового пространства, а также объясняется выбор регионов – субъектов Российской Федерации для проведения кластерного анализа.

Ключевые слова: поток, потоковое пространство, потоковая коммуникация, виртуальное пространство, виртуальность, гомеоморфность, топология, конфликт, консенсус, этнополитический конфликт, регион.

CLUSTER ANALYSIS OF THE STREAMING SPACE OF THE REGION

I. Aminov*Bashkir State University**131, Dostoevsky ul., Ufa, 450005, Russian Federation*

Abstract. An integrated cluster analysis of the streaming space of the region aims to identify in the political process the actors with the highest communication capital, as well as the most significant elements of the streaming space. The article clarifies the definition of the concept “political space actors” who are formally not associated with the institutions of power and governance. Besides, the concept “streaming space” is clarified. The choice of the subjects of the Russian Federation for cluster analysis is explained.

Key words: stream, streaming space, streaming communication, virtual space, virtuality, homeomorphy, topology, conflict, konsensuns, ethno-political conflict, region.

Актуальность статьи связана с проводимым исследованием региона как локации потокового взаимодействия акторов политических процессов, а также с необходимостью уточнения дефиниции потокового пространства и региональной элиты, формально не связанных с институтами власти и управления как новых акторов политического пространства региона, непосредственно влияющих на конфликт-консенсусную ситуацию в регионе. Перед началом комплексного исследования нам необходимо провести дефиницию понятий новых акторов региональных политических процессов, для чего мы считаем необходимым рас-

смотреть различные точки зрения как на акторов, так и на потоковое пространство региона в целом, объекта нашего исследования.

Большая часть научного сообщества при исследовании коммуникационных процессов в регионах придерживается элитаристской парадигмы, выделяя элиту как наиболее активную часть общества, оказывающую влияние на массы населения. Этот подход позволяет, абстрагируясь от реальности, свести многообразие сетевой коммуникации потока к линейному взаимодействию элита/массы. Дискуссия идёт лишь о различных типах взаимоотношения между группами элит. О.В. Крыштановская [6], в традиции, восходящей к идеям Г. Моска, относит элиту исключительно к «правлящему классу», отдельно выделяя контр-элиту, то есть часть людей, обладающую значительными ресурсами, но по тем или иным причинам не входящую в «правлящий класс», находящуюся в оппозиции и стремящуюся войти в формальные институты власти и управления. По нашему мнению, такой подход не учитывает неинституализированные группы людей, обладающих как материальными ресурсами – финансовым или человеческим капиталом, так и не материальными – социальным капиталом, в терминологии П. Бурдьё. Следует отметить, что рядом авторов была предложена модель взаимодействия институализированной и не институализированной элиты. Речь идёт о концепции «символьной элиты» Сагитовой Л.В. [10], как профессиональных групп (учёных, преподавателей) – хранителей и распространителей ценностей властвующей элиты в части этнических (и религиозных) символов

и кодов. Признавая важность распространения символов, в более широком смысле – ценностей, мы не можем полностью согласиться с этой концепцией, так как в современных условиях создание и распространение информационного продукта не является прерогативой каких-либо социальных групп или институтов. В отличие от предыдущих этапов эволюции информационного общества, монополия на создание и распространение информационного продукта не принадлежит «нетократии», в терминологии А. Барда и Я. Зондерквиста. Децентрализация коммуникационного процесса усложняет как понимание самой элиты, – как актора политических процессов, так и классификацию её по признакам принадлежности к политическим институтам, профессиональной деятельности или статуса в региональном обществе [3]. Более совершенным, чем структурно-функциональный подход, нам представляется трансформационный подход, который разобран нами в более ранних статьях [1; 2], позволяющий в комплексе проследить динамику политических процессов взаимодействия различных акторов. В потоковом процессе коммуникации в рамках региональной локации влияние актора определяется не только его принадлежностью к институту власти и управления или статусом в региональном обществе. По нашему мнению, – это следствие, а причина – качество и количество коммуникационных связей. В этом аспекте мы согласны с предлагаемым Р.Р. Мурзагуловым понятием «коммуникационный капитал» [9]. Логично предположить, что группа пользователей с наибольшим «коммуникационным капиталом» имеет

наибольший ресурс влияния на общество.

Мы развиваем идею М.Г. Бреслера о потоковом пространстве, как о «пятимерной проекция сети» [4]. Абстрактная проекция на виртуальное пространство данного сообщества включает в себя не только форму – узлы и коммуникационные связи между ними, но и частично содержание информационного продукта, включающее символы /симулякры материальных и нематериальных вещей идей, символов и так далее.

Потоковое сообщество включает в себя всё, что, по мнению Б. Лотура, «собирается» (*assembled*) под сенью общества» [7], всех взаимосвязей между «людьми» и «вещами», что собирает их в «ассоциацию», помогает выделить общие вектора движения и выявления тенденций развития общества. Работами упомянутого выше Б. Латура, Д. Лоу [8] и др. создана абстрактная модель топологической социологии, где материальные объекты – полноценные акторы социальных отношений. Российские ученые дополнили эту концепцию, введя в качестве актора потокового взаимодействия нематериальную идею. Мы согласны с В.С. Вахштейном [5] в том, что он, принимая «коммуникационный код», в терминологии Соссюра, за единицу информационного продукта, проводит аналогию между символами вещи и символами понятий; и в том, что «в социальной топологии априорное различие между двумя множествами элементов X (город) и Y (язык) окончательно устраняется. Единственное, что имеет значение — это конститутивная сила элемента, его способность собирать» другие объекты» [5, с. 3]. При

этом симулякры объектов встроены в коммуникационные коды сообществ, которые в совокупности и составляют пространство: «город» или – соответственно объекту нашего исследования – «регион».

Потоковое пространство региона, таким образом, включает в себя весь комплекс локальных акторно-сетевых взаимодействий, ограниченный по аксиальному признаку. Здесь к акторам мы относим людей и группы людей, а также все материальные и символы нематериальных объектов, оказывающие влияние на политические процессы в данной локации, а аксиальный, этот осевой признак, включает в себя как превалирующие ценности, так и цели общества.

Резюмируя вышесказанное, мы определяем «*потоковое пространство*» региона, как комплекс акторов и коммуникационных связей, включающий людей/группы людей, а также символы/симулякры нематериальных идей, мифов, идеалов и материальных вещей, оказывающих влияние на политические процессы.

Для удобства исследования и получения объективных данных мы изучаем реальные процессы в их проекции на виртуальное пространство социальных сетей, в настоящее время там сосредоточена существенная часть межличностных и межгрупповых коммуникаций. Изучение структуры акторно-сетевых коммуникаций сходно с достаточно широко распространенным кластерным анализом. Но, в отличие от классических методик, восходящих к работам Р. Трийона [11], кластерного анализа, предметом исследования становятся не искусственно выделенный кластер людей и симво-

лов по определяемым исследователем признакам, а сформированные самими пользователями кластеры – сетевые сообщества социальной сети. Это позволяет применить математическую модель безмасштабной сети Барабаши-Альберта для проведения сканирования сетевых сообществ, выделения «лидеров» модулей и проведение иных действий по адаптированной нами для исследования политических процессов методике Теренина-Бреслера. Считаем необходимым отметить, что формирование сетевого сообщества идёт, прежде всего, по аксиальному принципу. Именно близость ценностей определяет формирование сходного коммуникационного кода. В сетевом сообществе, как правило, представлены люди различных возрастов, уровней дохода, пола и пр. То есть органически сформированный кластер социальной сети более точно отражает реальность, нежели инструментально выделенный по ряду субъективных признаков. Это особенно важно при исследовании политических процессов. Из наблюдений мы видим, что сторонниками той или иной идеи выступают люди из различных слоёв и социальных групп. Отдельное социологическое исследова-

ние может определить, представители какой именно социальной группы преобладают в данном сообществе, но для понимания процессов информационного обмена в потоковом сообществе региона мы считаем более важным качество и количество коммуникационных связей наиболее значительных акторов исследуемого кластера.

В условиях информационного общества динамика политических процессов гораздо выше, чем на предыдущих этапах цивилизационного развития, что требует поиска новых методик исследования. Классический анализ основан на выявлении роли большинства и лишь косвенно может определить активность, но не нагрузку узлов той или иной группы. Оценив мнение *ad hoc* той или иной группы населения, мы не можем точно сказать, насколько это мнение изменит политические или социальные процессы в обществе в целом. При анализе структуры коммуникационных связей потокового сообщества в целом возможно на раннем этапе выявить потенциальный источник напряженности и адаптировать решения муниципальных властей до того, как это решение не привело к дестабилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминов И.Р. Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7. С. 122–128.
2. Аминов И.Р. Трансформация символов развития и алгоритм локализации этнополитического конфликта в потоковом пространстве региона // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 2 (33). С. 142–149.
3. Ашин Г.К., Понедельков А.В., Старостин А.М., Кислицин С.А. Основы политической элитологии / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 504 с.
4. Бреслер М.Г. Специфика формирования информационного общества в современной России: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2011. 32 с.
5. Вахштейн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.

6. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 30–43.
9. Мурзагулов Р.Р. Специфика формирования элиты в информационном обществе: социально-философский аспект // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8. С. 401–402.
10. Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане: воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980 - 1990-х гг. (по материалам республиканской прессы и этносociологических исследований). Казань : Татполиграф, 1998. 184 с.
11. Tryon R.C. Cluster analysis. London: Ann Arbor Edwards Bros, 1939. 139 p.

REFERENCES

1. Aminov I.R. Kritika strukturnogo funktsionalizma v uregulirovanii etnopoliticheskikh konfliktov [Criticism of structural functionalism in settling ethnopolitical conflicts]. *Etnosot-sium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 2014, no. 7, pp. 122–128.
2. Aminov I.R. Transformatsiya simvolov razvitiya i algoritm lokalizatsii etnopoliticheskogo konflikta v potokovom prostranstve regiona [The transformation of the development symbols and the algorithm of ethnopolitical conflict localization in the streaming space of the region]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2016, no. 2(33), pp. 142–149.
3. Osnovy politicheskoi elitologii / Izd. 2-e, ispr. i dop [Principles of the political elitology / 2-nd ed., revised and add.]. Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Kislytsin S.A. M., Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013. 504 p.
4. Bresler M.G. Spetsifika formirovaniya informatsionnogo obshchestva v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. kand. filosof. nauk [Specifics of the information society formation in modern Russia: abstract thesis. ... cand. in Philosophy]. Ufa, 2011. 32 p.
5. Vakhshstein V.S. Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom [Rebuilding the city: between language and space]. *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 2, pp. 9–38.
6. Kryshstanovskaya O. Anatomiya rossiiskoi elity [The anatomy of the Russian elite]. M., Zakharov, 2005. 384 p.
7. Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. [Rebuilding the social: introduction to the actor-network theory.]. M., Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 384 p.
8. Lo Dzh. Ob"ekty i prostranstva [Objects and spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2006, vol. 5, no. 1, pp. 30–43.
9. Murzagulov R.R. Spetsifika formirovaniya elity v informatsionnom obshchestve: sotsial'no-filosofskii aspekt [Specificity of forming elites in the information society: socio-philosophical aspect]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2016, no. 8, pp. 401–402.
10. Sagitova L.V. Etnichnost' v sovremennom Tatarstane: vosproizvodstvo etnichnosti v tatarstanskom obshchestve na rubezhe 1980–1990-kh gg. (po materialam respublikanskoi pressy i etnosotsiologicheskikh issledovaniy) [Ethnicity in contemporary Tatarstan: the reproduction of ethnicity in Tatarstan society at the turn of 1980–1990s (based on the national press and ethno-sociological research)]. Kazan, Tatpoligraf, 1998. 184 p.
11. Tryon R.C. Cluster analysis. London: Ann Arbor Edwards Bros, 1939. 139 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аминов Ильдар Ринатович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета;
e-mail: Aminov76@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ildar R. Aminov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public law, Institute of Law of Bashkir State University;
e-mail: Aminov76@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аминов И.Р. Кластерный анализ Поточкового пространства региона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 155–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-155-160

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

I. Aminov. Cluster analysis of the streaming space of the region. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 155–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-155-160

УДК 316.482

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-161-168

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Поняев И.М.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются предпосылки и возможности создания единой теории конфликта в современной политологии. В качестве основного препятствия к созданию такой теории предлагается рассматривать отсутствие единого понимания конфликта. Приводятся основные точки зрения на конфликт, его место в развитии человеческого социума и политической системы. Формулируется авторская позиция по данному вопросу, излагаются основные характеристики конфликта, которые могут быть положены в основу единой политологической теории конфликта. Обсуждается соотношение понятий конфликта и конкуренции. В качестве одной из основных разновидностей конфликта рассматривается политический конфликт. Освещается место политических конфликтов в развитии трансформационных обществ на постсоветском пространстве. Обращается особое внимание на политический конфликт 1993 г. в России, который рассматривается в ракурсе предложенных автором характеристик понятия «конфликт».

Ключевые слова: конфликт, политический конфликт, типология конфликтов, теория конфликта, трансформационные общества, политический конфликт в России в 1993 г.

ON THE PERSPECTIVES OF CREATING A UNIFIED THEORY OF CONFLICT IN MODERN RUSSIAN POLITICAL SCIENCE LITERATURE

I. Ponyaev*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. This article discusses the prerequisites and the possibilities of creating a unified theory of conflict in modern political science. The absence of a unified understanding of the conflict is considered to be the main obstacle to the creation of such theory. The main viewpoints on the conflict are given. Its place in the development of the human society and political system are also considered. The author's position on this issue is formulated. The main characteristics of the conflict, which can be used as the basis for a unified political theory of conflict, are described. The correlation between the concepts "conflict" and "competition" is discussed. A political conflict is considered as one of the main types of a conflict. The role of political conflicts in the development of transformational societies of the former Soviet Union is highlighted. Special attention is paid to the political conflict of 1993 in Russia, which is scrutinized in the perspective of the characteristics of the concept "conflict" proposed by the author.

Key words: conflict, political conflict, conflict typology, conflict theory, transformational societies, political conflict of 1993 in Russia.

В эпоху современной геополитической и экономической турбулентности понятие конфликта становится одним из центральных не только в политологических, но и в социологических, юридических, исторических и иных исследованиях. Было предложено даже сформировать такую комплексную науку, как «конфликтология», которая на системном, интегрированном уровне исследовала бы понятие конфликта и различные связанные с ним проблемы [4, с. 27; 2, с. 203–205; 3, с. 44; 11, с. 131–137].

Вместе с тем построение теорий конфликтов в различных областях также остается востребованным. Прежде всего, каждая из социальных наук, которая так или иначе пытается решить проблему исследования конфликтов, пользуется собственным арсеналом методов и средств. Многообразие типов конфликтов делает целесообразным исследование определенных из них в рамках соответствующей социальной науки. Например, политические конфликты можно исследовать в рамках политологического дискурса.

В настоящей статье представлен обзор российской политологической литературы с целью оценки перспектив создания единой теории конфликта.

Следует отметить, что, по мнению ряда авторов, некой универсальной теории конфликта в современной политологии ещё не сложилось, что определяет актуальность исследования [5, с. 240–241]. Представленная в литературе эта точка зрения является вполне обоснованной. Вместе с тем, по нашему мнению, те же выводы применимы практически к любой области изучения, которая так или иначе связана с таким субъективным фактором,

как человеческое поведение. Если абсолютизировать этот фактор, то под сомнение можно ставить достижимость любого социального знания, а с ним – и научность любой социальной науки. Между тем сфера научного, как известно, не ограничивается только естественными науками. Для наук социальных разработана собственная методология, позволяющая выявлять определенные закономерности. Следовательно, и теория конфликта в политологии может быть создана, с тем допущением, что выявляемые ею закономерности не носят абсолютного характера, содержат элемент неизвестности, связанный с тем, что главным объектом исследования является человеческое поведение в нестандартных конфликтных ситуациях. По мнению российского социолога В.А. Семенова, в обществе сегодня существует запрос на создание единой теории конфликта [9, с. 39].

Создается впечатление, что трудности создания общей политологической теории конфликта сегодня связаны с отсутствием единого понимания конфликта и сложности его дифференцирования с понятием «конкуренция». В настоящее время в отечественной политологической литературе предлагаются различные определения конфликта, в которых на первый план выдвигаются те или иные черты данного основополагающего для конфликтологии понятия.

Например, А.Г. Здравомыслов определяет конфликт как «важнейшую сторону взаимодействия людей в обществе, форму отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена про-

тивостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» [9, с. 42].

Политолог О.А. Пыресева рассматривает конфликт как «естественное социальное явление», с которым следует считаться в общественной жизни [6, с.16]. Таким образом, автор затронула одну из важных проблем для понимания сущности конфликтов — являются они отклонением от правильного пути развития общественных отношений или же характерной чертой, присущей человеческому социуму. Возможно, конфликты выполняют в социуме необходимые функции и, по мнению некоторых исследователей, даже стимулируют развитие социума. Особенно значимым в данной связи является определение сути политического конфликта, поскольку этот конфликт имеет свойство перерастать в иные формы, вплоть до военных, и прямо или косвенно затрагивать все стороны общественной жизни. По сути, стороны в политическом конфликте борются за право определять стратегию развития своего общества. Именно по этой причине особенно важно прогнозирование политических конфликтов и своевременное предотвращение их перерастания в острую фазу.

По мнению исследователя О.А. Рыжова, построение и развитие теории политического конфликта приобрело особую актуальность в XX в. в связи с обострением социально-политической ситуации в мировом сообществе [7, с. 107].

В целом можно выделить несколько основных направлений в развитии теории и понимании конфликтов. Так, Г. Спенсер, Л. Гумилович, К. Маркс, Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг,

П.Л. Лавров, В.И. Ленин и др. рассматривают конфликт как фактор развития, неизбежное явление в жизни общества. Г. Зиммель, М. Вебер, Р. Парк, Ч. Миллс. Б.Н. Чичерин считают его одним из видов взаимодействия социальных контактов наряду с конкуренцией, солидарностью, партнёрством. Возможно также рассмотрение конфликтов, войн, революций в качестве аномалий развития общества [6, с. 53].

Таким образом, в современной политологической литературе представлен широкий спектр подходов к пониманию конфликта, в связи с чем это понятие становится достаточно неопределённым, используется в самых разных контекстах, нередко теряет строго научное значение и приобретает скорее значение публицистическое. В частности, возможно смешение понятия конфликта с понятием конкуренции, когда любое несовпадение интересов сторон могут называть конфликтом.

Таким образом, понимание соотношения конфликта со смежными понятиями, такими, как «конкуренция», в современной политологической литературе является недостаточно определённым, что негативно сказывается на развитии политологической науки в целом. Термины «конфликт» и «конкуренция» достаточно близки, а любая конкуренция, особенно политическая, предполагает столкновение интересов, причем нередко интересы одной стороны могут быть удовлетворены только за счёт интересов другой стороны. В частности, такая ситуация характерна для борьбы за власть в обществах с четкой персонализацией верховной власти. Примерами таких обществ мо-

гут служить абсолютные монархии, где конкуренция политических сил может разрешаться путём «дворцового переворота»; а также президентские республики, в случае которых возможна победа на президентских выборах только одного кандидата.

Следует отметить, что в современной литературе нет однозначного подхода к пониманию конкуренции. В частности, В.П. Пугачев и А.И. Соловьев определяют конкуренцию как «разновидность (и результат) конкурентного взаимодействия». Более распространённой является точка зрения Б.С. Волкова и Н.В. Волковой, которые рассматривают конкуренцию как особый вид борьбы, целью которой становится получение прибыли, доступа к властным структурам. Другие исследователи рассматривают конкуренцию и конфликт как независимые формы социального взаимодействия, которые, однако, могут частично пересекаться [8, с.176].

Между тем, по нашему мнению, конфликт и конкуренцию можно различать по способам и методам ведения борьбы. Конфликт следует считать острой фазой конкуренции, когда имеет место не просто несовпадение интересов, но активные действия конкурирующих сторон друг против друга, чтобы не допустить победы противника в конфликте.

На наш взгляд, перспективным является построение единой политологической теории конфликта, рассмотрение его в различных плоскостях. В частности, возможно рассматривать конфликт одновременно со следующими позициями:

1) конфликт как одна из форм социального взаимодействия;

2) субъекты конфликта, как правило, имеют не совпадающие позиции, причем одновременное удовлетворение интересов обеих сторон невозможно;

3) наличие противоположных интересов приводит стороны конфликта к необходимости нейтрализации противника вплоть до его уничтожения;

4) конфликт можно рассматривать как высшую форму разрешения социальных противоречий;

5) конфликтное взаимодействие можно рассматривать в двух плоскостях – объективной и субъективной;

6) с объективной точки зрения эта форма взаимодействия является естественной для социума;

7) с субъективной точки зрения конфликтное взаимодействие представляет собой отклонение от нормального взаимодействия между конфликтующими сторонами;

8) конфликт может иметь как деструктивные, так и конструктивные последствия. Деструктивные очевидны, конструктивные же можно определить как возможное разрешение имеющихся противоречий с последующим развитием отношений конфликтующих сторон на качественно новом уровне.

Указанные положения могут быть применимы и к политическим конфликтам. По мнению учёных, проблема изучения политического конфликта в современном мире становится всё более актуальной. Это связано с нарастающей в мире напряжённостью, частотой применения силовых методов при разрешении конфликтных ситуаций, что ведёт к многочисленным жертвам и разрушениям [7, с. 142]. Предлагается определение политического конфликта, согласно которому

он представляет «столкновение противоположных социальных сил по поводу противоречивых внутриполитических или международных интересов и целей, возникающих по поводу завоевания, удержания и функционирования политической власти» [7, с. 58].

Соглашаясь с предложенным определением, отметим, что политический конфликт является одной из характерных особенностей обществ, которые называют трансформационными. Такие общества характерны для постсоветского пространства на первых этапах становления там государственности. Их отличительной чертой считается нестабильность политического развития, острая борьба политических сил в условиях, когда долгое время находившиеся у власти силы более не в состоянии эту власть удерживать.

Вместе с тем, на наш взгляд, трансформационными или трансформирующимися можно считать общества на постсоветском пространстве только в первые годы становления там суверенных государств. Велик соблазн многие современные проблемы государств на постсоветском пространстве объяснить и оправдать такой «затянувшейся» трансформацией, наследием советского прошлого либо, наоборот, неудачами первых лет реформ. Однако прошло уже слишком много времени для того, чтобы продолжать проблемы современности оправдывать трудностями «переходного периода». Именно поэтому считаем обоснованным использовать в настоящее время термины «трансформационные общества» или «государства переходного периода», применительно к постсоветскому пространству только в историческом ключе.

Указанный исторический период характеризуется сменой форм правления, введением рыночной экономики, реформированием государственного устройства. Все указанные преобразования стали возможны в результате разрешения конфликта между силами, заинтересованными в сохранении старых порядков, и силами, ориентированными на обновление [1, с. 115].

Одним из характерных примеров политических конфликтов, имевших место в нашей стране в трансформационный период, можно назвать политический конфликт в России в 1993 г.

С точки зрения типологии, существует несколько подходов к характеристике этого конфликта. В частности, Н. Чувашова рассматривает политический конфликт 1993 г. в России в качестве институционального, обусловленного противоречием между советской и президентской формами правления, основу которого составляла борьба за власть в правящей верхушке. В то же время есть основания трактовать указанный конфликт как внутриэлитный, вызванный расхождением позиций сторон по поводу способов перехода к демократии и рыночной экономике. Автор отмечает сочетание целого ряда политических конфликтов в РФ в 1993 г., таких, как конфликт ветвей власти – законодательной и исполнительной, конфликт центра и регионов, конфликт населения и правящей верхушки, конфликт Б.Н. Ельцина и его бывших соратников [12, с. 125].

На наш взгляд, с точки зрения теории конфликтов и предложенных методов их рассмотрения, политический конфликт в России 1993 г. можно охарактеризовать, исходя из следующих предпосылок:

– этот конфликт является следствием противоречий в векторах и стратегиях развития политической системы, накопившихся на начальном этапе формирования государственности в трансформационном российском обществе;

– конфликт был предопределён неэффективностью иных методов разрешения противоречий, которые не позволили удовлетворить интересы противоборствующих сторон;

– в субъективной плоскости политический конфликт был отклонением от нормального пути развития политической системы России и правильного механизма взаимодействия законодательной и исполнительной власти в демократическом обществе;

– в объективной плоскости политический конфликт был неизбежным, исходя из объективных закономерностей развития трансформационных обществ, в которых за исторически короткие промежутки времени происходили глобальные перемены.

Не случайно исследователи отмечают, что подобные политические конфликты исторически были характерны не только для России. Например, В.И.

Степанченко рассматривает политический конфликт 1993 г. как следствие «соперничества исполнительной и законодательной ветвей власти» и отмечает, что подобные конфликты – явление не уникальное для России. Аналогичное происходило и в других странах Запада до того, как там была разработана и внедрена современная теория разделения властей, которая вряд ли может быть перенесена на российскую действительность. Россия имеет свой опыт строительства парламентаризма, основанный на сбалансированной работе двух ветвей власти [10, с. 64–65].

Аналогии с политическими конфликтами в иных государствах подтверждают вывод о том, что сформулированные в рамках единой теории характеристики и закономерности конфликтов могут быть применимы к различным их типам. Проведенный в настоящей работе анализ литературных источников показал наличие теоретических предпосылок для создания единой политологической теории конфликта, которая в перспективе позволит прогнозировать развитие конфликта и обеспечит конструктивный подход к его разрешению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова А.В. Политический конфликт как механизм постсоциалистических трансформаций (восточноевропейский опыт и проблемы России) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. Том 2. № 3. С. 114–124.
2. Кисель Я.И. Конфликтология. Причины возникновения и пути преодоления конфликтов // Современные проблемы юридической науки: материалы X Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 18–19 апреля 2014 г.) [Ч. I]. Челябинск: ЮУГУ, 2014. С. 203–205.
3. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3–4 октября 2014 г. СПб.: СПбГУ, 2014. 439 с.
4. Мариновская И.Д., Цветков В.Л. Конфликтология: учебное пособие. М.: Щит-М, 2002. 136 с.

5. Новосельцев В.И., Полевой Ю.Л. Теория конфликта: заблуждения и перспективы // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. № 2. С. 240–241.
6. Пыресева О.А. Политический конфликт в современной России: сущность, особенности и пути разрешения: дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 167 с.
7. Рыжов О.А. Политические конфликты современности: теория и практика: дис. ... докт. философ. наук. М., 2000. 364 с.
8. Рылкина А.П., Шилов В.Н. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология. 2011. Т. 19. № 13. С. 176–184.
9. Семенов В.А. «Эсперанто» для конфликтологов (на пути к созданию единой теории конфликта) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2003. Том 3. № 5. С. 37–49.
10. Степанченко В.И. О предпосылках разработки Конституции Российской Федерации 1993 года и изменениях в нормах Конституций СССР и РСФСР в 90-е годы прошлого века // Юридическая наука. 2013. № 3. С. 64–65.
11. Титов М.К. Конфликтология в системе социогуманитарного знания // Право и образование. 2015. № 7. С. 131–137.
12. Чувашова Н. Октябрь 1993 года: противоречивость оценок и выводов // Власть. 2013. № 8. С. 125–128.

REFERENCES

1. Glukhova A.V. Politicheskii konflikt kak mekhanizm postsotsialisticheskikh transformatsii (vostochnoevropeiskii opyt i problemy Rossii) [Political conflict as a mechanism of post-Soviet transformation (East European experience and problems of Russia)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika*. [Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science. Economy], 2002, vol. 2, no. 3, pp. 114–124.
2. Kisel' Ya.I. Konfliktologiya. Prichiny vozniknoveniya i puti preodoleniya konfliktov [Conflictology. The causes and cures of conflicts] *Sovremennye problemy yuridicheskoi nauki: materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh issledovatelei (Yuridicheskii fakul'tet Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 18–19 aprelya 2014 g.)* [Ch. I] [Modern problems of legal science: proceedings of the X International scientific-practical conference of young researchers (faculty of Law, South Ural State University, 18–19 April, 2014) [Part I]]. Chelyabinsk, YUUGU, 2014, pp. 203–205.
3. Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira: materialy Vtorogo Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov. Sankt-Peterburg, 3–4 oktyabrya 2014 g [Conflictology of the XXI century. Ways and means of strengthening peace: proceedings of the Second Saint-Petersburg international congress of conflictologists. Saint Petersburg, October 3–4, 2014]. SPb., SPbGU, 2014. 439 p.
4. Marinovskaya I.D., Tsvetkov V.L. Konfliktologiya: uchebnoe posobie [Conflictology: textbook]. M., SHCHit-M, 2002. 136 p.
5. Novosel'tsev V.I., Polevoi Yu.L. Teoriya konflikta: zabluzhdeniya i perspektivy [Conflict theory: fallacies and prospects]. *Izvestiya TulGU. Tekhnicheskie nauki*, 2013, no. 2, pp. 240–241.
6. Pyreseva O.A. Politicheskii konflikt v sovremennoi Rossii: sushchnost', osobennosti i puti razresheniya: thesis...kand. polit. nauk [Political conflict in modern Russia: the essence, characteristics and ways of resolving: thesis... candidate in Political Sciences]. M., 2000. 167 p.

7. Ryzhov O.A. Politicheskie konflikty sovremennosti: teoriya i praktika: thesis...dokt. filosof. nauk [Political conflicts of our time: theory and practice: thesis ... doctor in Philosophy]. M., 2000. 364 p.
8. Rylkina A.P., Shilov V.N. Politicheskaya konkurentsia: termin, ponyatie, forma deyatel'nosti [Political competition: term, concept, form, activities]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya, Politologiya. [Bulletin of Belgorod State University. Series: History, Political Science], 2011, vol. 19, no. 13, pp. 176–184.
9. Semenov V.A. «Esperanto» dlya konfliktologov (na puti k sozdaniyu edinoi teorii konflikta) ["Esperanto" for conflictologists (on the way to creating a unified theory of conflict)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. [Izvestia of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2003, vol. 3, no. 5, pp. 37–49.
10. Stepanchenko V.I. O predposylkakh razrabotki Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii 1993 goda i izmeneniyakh v normakh Konstitutsii SSSR i RSFSR v 90-e gody proshlogo veka [On the preconditions of the development of the Russian Federation Constitution of 1993 and the changes in the norms of Constitutions of the USSR and the RSFSR in the 90s of the previous century]. *Yuridicheskaya nauka*, 2013, no. 3, pp. 64–65.
11. Titov M.K. Konfliktologiya v sisteme sotsiogumanitarnogo znaniya [Conflict in the system of Social Sciences and Humanities]. *Pravo i obrazovanie*, 2015, no. 7, pp. 131–137.
12. Chuvashova N. Oktyabr' 1993 goda: protivorechivost' otsenok i vyvodov [October of 1993: the inconsistency of the assessments and conclusions]. *Vlast'*, 2013, no. 8, pp. 125–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поняев Иван Михайлович – аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
e-mail: iponyaev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan M. Ponyaev – postgraduate student of the Department of History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: iponyaev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Поняев И.М. К вопросу о перспективах создания единой теории конфликта в российской политологической литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 161–168.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-161-168

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

I. Ponyaev. On the perspectives of creating a unified theory of conflict in modern Russian political science literature. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Political Sciences, 2017, no 4, pp. 161–168.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-161-168

УДК 324

DOI 10.18384/2310-676X-2017-4-169-177

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЁЖИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ*

Ефанова Е.В., Самолазова А.Е.

Волгоградский государственный университет

400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, 100, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ факторов формирования электорального поведения молодёжи как особой группы риска. К числу внешних факторов авторы относят институциональный дизайн политики, зрелость гражданского общества, социально-экономическую стабильность, информационное воздействие, а также характеристики и мнения социального окружения, усваиваемые в процессе политической социализации. Внутренние факторы электорального поведения молодёжи соотносятся с системой политических ценностей и ориентаций личности, мотивами и целями политического участия в общественных акциях. Авторы полагают, что совокупность данных факторов составляет устойчивый стержень электорального выбора молодёжного сообщества.

Ключевые слова: электоральное поведение, электоральный выбор, электоральная активность, выборы, молодёжь, фактор.

ELECTORAL CHOICE OF YOUTH: FORMATION FACTORS, BEHAVIOURAL FEATURES

E. Efanova, A. Samolazova

Volgograd State University

100, Universitetskij Prospekt, Volgograd, 400062, Russian Federation

Abstract. The analysis of factors influencing the formation of electoral behavior of young people as a special risk group is presented in the article. The authors consider the institutional design of policy, maturity of civil society, social and economic stability, and information influence to be the external factors. Besides, the characteristics and opinions of social environment acquired in the course of political socialization are among them. The internal factors of electoral behavior of youth correspond to the system of political values and orientations of a personality, as well as with the motives and purposes of political participation in social actions. The authors believe that the sum total of these factors form the steady core of the electoral choice of youth community.

Key words: electoral behavior, electoral choice, electoral activity, elections, youth, factor.

© Ефанова Е.В., Самолазова А.Е., 2017.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе» № 17-13-34039.

Поскольку содержание политических процессов не может быть сведено исключительно к их институциональному измерению, значимым предметом анализа представляются основания неoinституционального порядка. Широкая вовлеченность общественных масс в политическую жизнь на правах её активного созидющего субъекта становится причиной возрастающего интереса к электоральным исследованиям, выявлению закономерностей поведения индивидов в политике, а также факторов, непосредственно предопределяющих их политический выбор.

Рассмотрим дефиницию электорального поведения в трудах различных ученых. Так, например, по мнению В.Л. Римского, под электоральным поведением понимается «система взаимосвязанных реакций, действий или бездействий граждан, осуществляемых с целью приспособления к условиям проведения политических выборов». Подобное определение подчеркивает принятую в традиции бихевиоризма реактивную природу поведения, в том числе электорального: тот или иной электоральный выбор обусловлен как конкретным предложением текущего электорального цикла, так и целым набором факторов, присущих самой личности. Группы факторов при этом могут носить как объективный характер, отражая положение избирателя в социуме, так и субъективный, связанный с его личными оценками, установками и предпочтениями.

Вместе с тем, как отмечает И.В. Охременко [7, с. 17], современные теории электорального поведения отнюдь не дают возможности утверждать доминирующее положение какой-либо кон-

кретной группы факторов в вопросе предопределения содержания электорального поведения. Напротив, разработанная система факторов позволяет говорить о необходимости построения моделей как инструмента анализа электорального поведения граждан. Известные ученые, В.А. Бианки и А.И. Серавин, полагают, что «модель электорального поведения» определяется как «совокупность параметров, в соответствии с которыми избиратели делятся на относительно гомогенные группы (причём не все параметры в равной степени важны для определения специфики конкретной группы). При этом классификация – лишь основание модели, а собственно суть её заключается в определении веса факторов, в разной степени влияющих на поведение избирателей определенной группы» [3, с. 40]. Таким образом, именно механизм принятия решения, как результат воздействия того или иного набора факторов, становится критерием, отличающим одну группу избирателей от другой.

Невозможно изучать электоральное поведение в отрыве от его субъектного состава, непосредственных носителей тех или иных свойств и поведенческих практик. Существующее многообразие теоретических споров и объяснительных моделей непосредственно указывает на сложность общей совокупности избирателей как субъекта-носителя поведенческих практик. Неоспорим тот факт, что избиратели не являются гомогенным образованием, насколько не может быть таковым любое общество. Именно поэтому в рамках задачи сегментирования электорального рынка выделяются различные группы избирателей

на основании разветвленной системы критериев. Каждая из этих групп в силу присущей ей специфики испытывает на себе различную степень влияния факторов как объективного, так и субъективного происхождения.

Наиболее перспективной, динамичной и открытой по отношению к внешней среде группой является молодёжь, которая вместе с тем может представлять собой и источник риска.

Сейчас не наблюдается единой исследовательской позиции по поводу уровня заинтересованности молодёжи в политической деятельности, оценки активности ее политического участия, осмысленности и осознанности электорального выбора. Исследовательские версии чаще всего находятся на позициях одного из диаметрально противоположных полюсов, склонных к взгляду на молодёжь либо как на активного творца, имеющего собственную гражданскую позицию и готового ее реализовывать, либо как на инертную группу, проявляющую равнодушие и апатию по отношению к политической сфере. Подобная биполярность проявляется также и в попытках выявления наиболее распространенных, прижившихся в молодёжной среде идеологических предпочтений. Представляется, что текущая ситуация становится следствием одновременно двух черт, присущих самой молодёжи.

Во-первых стоит отметить, что молодёжь не однородна – причем не только по возрасту, уровню дохода и образования, но и по внутренним, ценностным критериям. К тому же сложно ожидать, что все члены общности «молодости», заключающей в себя временной промежуток в шестнадцать лет, будут действовать как

единый строй сами по себе, в том числе и в политической сфере. Так, например, социолог А.Э. Хасуев выделяет «четыре этапа социального взросления молодёжи, которые охватывают в целом возраст от 11–13 до 29–30 лет» [10, с. 1576]. Вместе с тем дифференциация в молодёжной среде не ограничивается выделением только возрастных групп: различные блоки в молодёжной среде могут выделяться и за счёт других критериев. Исследователи склонны выделять три большие категории в среде молодёжи, каждая из которых в последующем также может распадаться на различные группы. К числу основных относят работающую, учащуюся и неработающую молодёжь, а также молодёжь города и села, присутствующую в каждой из трёх указанных групп. Специфическими свойствами обладает и студенчество, в силу своих возрастных и статусных характеристик.

Во-вторых, положение молодёжи в обществе характеризуется как крайне нестабильное и противоречивое. С одной стороны, она представляет собой достаточно многочисленную, самую мобильную, динамичную часть общества; с другой стороны, в силу отсутствия у неё соответствующего социального опыта и знаний, ограниченного характера её практической, созидательной деятельности, неполной включённости молодого человека в систему общественных отношений – самую социально неподготовленную, а значит и уязвимую её часть. Молодые люди не завершили своего физического развития, еще находятся на этапе укрепления собственной психики, лишь формируют устойчивую систему ценностей и ориентаций. Именно по-

этому молодежь признается как наиболее динамичная социальная группа, так и наиболее инфантильной частью общества [11, с. 2266].

Так же достаточно четко прослеживаются дискуссии по поводу характера политического поведения и электорального выбора молодёжи в рамках того, носит ли он объективный и осознанный, либо же случайный и во многом манипулятивный характер. Так, по замечанию Е.Г. Морозовой, ряд «специалистов утверждают, что результаты выборов абсолютно прогнозируемы, ибо прямо зависят от сумм, вложенных в кандидатов, степени искушенности нанятых ими команд профессионалов, доступа к средствам массовой информации и административным рычагам власти» [6, с. 109]. Молодёжь как инфантильная группа в силу недостатка ресурсов в подобных ситуациях выступает как пассивный объект манипуляции, сознательно дистанцируясь от демонстрации своей гражданской позиции, либо в силу несформированности и вялости, либо в силу отсутствия доверия к органам власти и апатии к политике вообще. Вместе с тем, несмотря на высокий уровень развития избирательных технологий и существенное влияние различного рода переменных на содержание политического выбора, нельзя игнорировать воздействие тех групп факторов, которые оказывают влияние на общность или группу во всех сферах её жизнедеятельности, не останавливаясь только на её действиях в политике. Так, например, Гришин Н.В. утверждает, что «объективность в данном контексте выражается в невозможности сведения электоральных ориентаций общности к случайной совокупности индивидуальных действий

и мнений, в существовании характеристик, свойственных для общности в целом» [5, с. 34].

Электоральное поведение как реактивная структура, связанная, однако, с личным политическим выбором, не может существовать без мотивационного аспекта, признанного объяснить не только обусловленность конкретного электорального решения влиянием тех или иных факторов, но и то, почему вообще молодёжь приходит на избирательные участки. Российский политолог Г.П. Артёмов выводит три элемента, составляющие схему мотивации электорального выбора: эмоциональный, рациональный и оценочный. «К эмоциональным относятся те элементы мотивации, которые основаны на ощущениях (переживании симпатии/антипатии, надежды/сомнения, восхищения/разочарования), возникающих у избирателей в результате наблюдения за поведением кандидатов и общения с ними. Рациональными можно считать те элементы мотивации, которые основаны на ожидании определённого поведения кандидата, обусловленном знанием программы и стратегии его предполагаемых действий. Ценностными элементами мотивации электорального выбора можно назвать те, которые основаны на мнении избирателя о значимых качествах кандидата. В реальном электоральном поведении эти элементы мотивации сочетаются в разных пропорциях» [2, с. 8]. Более того, исследователь на основе статистического анализа результатов голосования установил, что у избирателей, склонных идентифицировать себя с разными партиями, присутствует различная степень выраженности эмоци-

ональных, рациональных и оценочных мотивов голосования.

В группу внешних, или объективных, попадают факторы, формирующие постоянную среду, в которой существует и развивается молодой человек, независимо от его воли, сохраняющие свое влияние в течение долгосрочного периода. Основными в данной группе являются: факторы политического порядка, социально-экономические показатели, состояние гражданского общества. Во многом на содержание электорального выбора оказывает влияние политическая система общества. Её воздействие прослеживается на уровне каждого из её элементов. Так, институциональный компонент задает определенный модус электорального поведения молодежи через его функционирование в рамках определённого типа политического режима с присущим ему уровнем гражданских свобод, формой правления и территориального устройства, типом партийной системы и набором партийных «предложений», а также типом избирательной системы. Здесь формируется и отношение к политической сфере, ранжирование «доверие/недоверие» к системе как таковой, а также персонам, непосредственно с ней связанным; зарождается ориентация на те или иные политические силы, а также обрисовывается рамка голосования. Коммуникативный компонент, характеризующий отношения «власть-общество», включает в себя как вопросы к состоянию молодёжной политики, так и социальную политику, в той или иной мере удовлетворяющую нужды не только самого молодого человека, но и его социального окружения. Нормативный компонент составляет правовую ос-

нову электорального поведения молодёжи, поскольку определяет порядок применения активного избирательного права. Идеологический компонент, как представляется, находится на стыке факторов внешнего и внутреннего характера – в силу того, что сочетает в себе элементы «политического спроса» – ценностей, установок и стереотипов молодёжной политической культуры, элемента субкультур и контркультур, идеологические предпочтения самих молодых людей, – с «политическим предложением» – разнообразием представленных на политической арене партий и политических сил.

Потенциалом воздействия на электоральное поведение молодежи пользуются и экономические факторы, и социально-демографические характеристики внешней среды. Одним из ведущих факторов в рамках данной группы становится общее состояние экономической сферы государства – уровень стабильности прямо пропорционален стремлению граждан выбирать конвенциональные формы политического участия и голосовать за сохранение управленческих функций в руках действующей политической силы. При этом политический выбор родителей и социального окружения самого молодого человека может в незначительной степени влиять на его собственную модель политического поведения.

Однако в сложной социально-экономической ситуации, по утверждению М.В. Батыревой, интерес молодёжи к избирательному процессу резко снижается. Это объясняется тем, что адаптация к экономическим реалиям, освоение новых видов деятельности и трансформация трудового статуса, выводят политическую сферу на перифе-

рию интересов и ценностей молодых людей. «В условиях социально-экономической нестабильности основным видом деятельности, которым молодёжь предпочитает заниматься и который поглощает практически всё время молодых людей, является зарабатывание денег, улучшение своего материального благополучия, требующим от молодежи значительных сил» [1, с. 78].

Вместе с тем «на электоральную активность молодёжи серьезно влияет социальное расслоение общества. Доступность получения образования, высокооплачиваемой работы, возможность создания семьи, приобретения жилья и получения других социально значимых благ для нормальной жизни основной массы молодёжи становится сложным процессом» [4, с. 93]. Следовательно, то, как пройдет для молодых людей период обретения финансовой независимости, предопределяет их отношение к политической системе так же, как и содержание электорального выбора.

В рамках той же группы факторов стоит отметить и уровень развития гражданского общества: наличие возможности участвовать в союзах, религиозных группах, социально ориентированных группах (добровольческих и правозащитных) и наличие институциональных форм общественного взаимодействия позволяют непосредственно, легально осуществлять общественно-политическое участие. Важно помнить, что активность молодёжи, проявление и формирование ее гражданской и жизненной позиции, желание участвовать в принятии различных государственных решений – это залог дальнейшего процветания страны [9, с. 45].

Однако, помимо характеристик той среды, в рамках которой функционирует молодёжь, можно выделить и группу факторов, актуализирующихся непосредственно в период избирательных кампаний и отражающих давление на молодёжное политическое сознание извне. Главная цель указанной группы – определённое решение, связанное с собственным электоральным выбором, принятое либо в результате непосредственного воздействия на молодого человека, либо манипулятивное увеличение его политической заинтересованности. Ключевыми аспектами в данной группе предстают сети мобилизации, давление окружающих, содержание политической информации. Как отмечает Ю.Н. Рябухина, к данной группе можно отнести и «просьбу проголосовать», и «проведение в день голосования лотерейных розыгрышей для молодых избирателей», и «использование административного ресурса для повышения явки сотрудников государственных учреждений». Также, по мнению автора исследования, «ситуационные факторы, в частности изменение в потоках политической информации, могут изменить политические интересы личности, отношение или взгляды способами, которые потенциально влияют на политическое участие» [8, с. 43].

В то же время детерминантный состав электорального поведения молодёжи отнюдь не исчерпывается влиянием внешней среды. К числу субъективных, или же внутренних, факторов электорального поведения относят те, которые имеют личностно значимый окрас, соотносятся с системой политических ценностей и ориентаций личности, мотивами и целями

политического участия. Именно они составляют тот устойчивый стержень электорального выбора личности как акта взаимовлияния объективных и субъективных факторов. Среди последних особенно значимыми представляются восприятие норм и ценностей политической жизни, их соотношение с личностными представлениями, мотивы электорального поведения, а также уровень и содержание образования молодёжи. Содержание факторов субъективного характера становится той самой «внутренней информацией», которая выступает исходным пунктом и инструментом анализа молодым избирателем информации, сопутствующей текущему электоральному циклу.

Таким образом, определение ключевых факторов, влияющих на электоральное поведение молодёжи, позволяет говорить о присущих ей моделях. Так, свою применимость демонстрируют модели экспрессивного голосования: электоральный выбор формируется под влиянием окруже-

ния индивида, особенностей и агентов его политической социализации, а также присущих ему оснований социально-экономической и политической стратификации. При этом партийная идентификация как доминирующий фактор голосования в современном мире практически потеряла свой вес, в связи с сокращением доли активистов в рядах партий и трансформации мотивационной структуры членов политических организаций и движений. В свою очередь, формирование определённых политических и электоральных установок, нежелание или неспособность к самостоятельному анализу потока политической информации, конформизм, индифферентность и апатичность молодёжи по отношению к выборам позволяют говорить о реализации «нерационального» типа в рамках когнитивной модели электорального поведения. Можно сделать вывод о том, что молодёжь склонна и к традиционному и корпоративному голосованию, и к реализации доминирующего стереотипа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич М.М., Батырева М.В. Избирательный процесс и студенческая молодёжь: по материалам социологического исследования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2009. № 4. С. 72–79.
2. Артемов Г.П. Мотивация электорального выбора // Политический анализ: доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. 2000. № 1. С. 5–26.
3. Бианки В.А., Серавин А.И. Практика и психология регионального партстроительства. СПб.: Копи-Парк, 2006. 148 с.
4. Бондарь Н.Н. Молодёжь и выборы // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 91–93.
5. Гришин Н.В. Электоральные ориентации населения Юга России: концептуальный анализ: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Астрахань, 2010. 52 с.
6. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1999. 247 с.
7. Охременко И.В. Формирование мотивов электорального поведения российских граждан в условиях трансформации политической системы общества: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2000. 37 с.

8. Рябухина Ю.Н. Система факторов политического участия молодежи // Человек. Общество. Управление. 2012. № 3. С. 42–48.
9. Сайганова Е.В. Специфика электорального поведения молодежи в структуре политической культуры общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. «Социология. Политология». 2014. № 2. С. 44–48.
10. Хасуев А.Э. Социально-философский анализ понятий молодежь и молодость // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1574–1578.
11. Ярычев Н.У., Маликова Е.В. Место и роль молодежи в контексте государственной молодёжной политики Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. С. 2265–2269.

REFERENCES

1. Akulich M.M., Batyrev M.V. Izbiratel'nyj process i studencheskaja molodezh': po materialam sociologicheskogo issledovanija [Electoral process and student's youth: on materials of a sociological research]. *Bulletin of Tyumen State University. Social and economic and legal researches*, 2009, no. 4, pp. 72–79.
2. Artemov G.P. Motivacija jelektoral'nogo vybora. Politicheskij analiz: doklad centra jempiricheskikh politicheskikh issledovanij SPbGU [Motivation of the electoral choice. Political analysis: report of the center of empirical political researches of St.Petersburg State University]. SPb.: St.Petersburg State University publishing house, 2000, pp. 5–26.
3. Bianki V.A., Seravin A.I. Praktika i psihologija regional'nogo partstroitel'stva [Practice and psychology of regional party building]. SPb.: "Kopi-Park", 2006. 148 p.
4. Bondar' N.N. Molodezh' i vybory [Youth and elections]. *Society and right*, 2011, no. 4(36), pp. 91–93.
5. Grishin N.V. Jelektoral'nye orientacii naselenija Juga Rossii: konceptual'nyj analiz [Electoral orientations of the population of the South of Russia: conceptual analysis]: avtoref. dis. ... dokt. polit. nauk. Astrakhan, 2010. 52 p.
6. Morozova E.G. Politicheskij rynok i politicheskij marketing: koncepcii, modeli, tehnologii [Political market and political marketing: concepts, models, technologies]. M.: "The Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 1999. 247 p.
7. Ohremenko I.V. Formirovanie motivov jelektoral'nogo povedenija rossijskikh grazhdan v uslovijah transformacii politicheskoy sistemy obshhestva: Sociologicheskij aspect [Formation of motives of electoral behavior of the Russian citizens in the conditions of transformation of political system of society: Sociological aspect]: abstract of thesis. ... Candidate in Social Sciences. Volgograd, 2000. 37 p.
8. Rjabuhina Ju.N. Sistema faktorov politicheskogo uchastija molodezhi [System of factors of political participation of youth]. *Person. Community. Management*, 2012, no. 3, pp. 42–48.
9. Saiganova E.V. Spetsifika elektoral'nogo povedeniya molodezhi v strukture politicheskoi kul'tury obshchestva [The Specifics of the Youth's Electoral Behavior in the Political Culture of the Society]. *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2014, no. 2, pp. 44–48.
10. Hasuev A.Je. Social'no-filosofskij analiz ponjatij molodezh' i molodost' [Social and philosophical analysis of the concepts "youth" and "young age"]. *Basic researches*, 2015, no. 2–7, pp. 1574–1578.
11. Jarychev N.U., Malikova E.V. Mesto i rol' molodezhi v kontekste gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii [The place and role of youth in the context of the state youth policy of the Russian Federation]. *Basic researches*, 2014, no. 12, pp. 2265–2269.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ефанова Елена Владимировна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета;

e-mail: efanova@volsu.ru

Самолазова Анастасия Евгеньевна – студент, кафедра международных отношений, политологии и регионоведения Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета;

e-mail: nessa.fromyesterday@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Efanova – Candidate in Political sciences, associate professor, associate professor of the department of the international relations, political science and area studies; Institute of History, International Relations and Social Technologies; Volgograd State University;

e-mail: efanova@volsu.ru

Anastasia E. Samolazova – student; the Department of the International Relations, Political Science and Area Studies, Institute of History, International Relations and Social Technologies; Volgograd State University;

e-mail: nessa.fromyesterday@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ефанова Е.В., Самолазова А.Е. Электоральный выбор молодежи: факторы формирования, поведенческие особенности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 169–177.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-169-177

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

E. Efanova, A. Samolazova. Electoral choice of youth: formation factors, behavioural features. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2017, no. 4, pp. 169–177.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-169-177

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2017. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 12,5, усл. п.л. 11,25.

Подписано в печать 19.10.2017. Выход в свет: 24.10.2017. Заказ № 2017/10-06.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А